

ISSN 2413-8584

АЛТАЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

e-mail: epb@asu.ru сайт: <http://journal.asu.ru>

2024. № 3

ECONOMICS PROFESSION BUSINESS

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

Научный рецензируемый журнал. Издаётся с 2014 г. Выпускается 4 раза в год

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор: *В. В. Мищенко*, доктор экономических наук, профессор

Редакционный совет

И. С. Абдулаев, д-р экон. наук, проф. (г. Ургенч, Узбекистан);
В. И. Благоев, д-р наук, проф. (г. Варна, Болгария);
А. С. Новоселов, д-р экон. наук, проф. (г. Новосибирск);
П. А. Ореховский, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
И. В. Рощина, д-р экон. наук, проф. (г. Томск);
И. С. Санду, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
В. И. Суслов, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН (г. Новосибирск);
У. К. Шеденов, д-р экон. наук, проф., академик МАНН (г. Алматы, Казахстан);
Ш. Т. Юлдашев, д-р экон. наук, проф. (г. Ташкент, Узбекистан).

Редакционная коллегия

В. И. Беляев, д-р экон. наук, проф.;
С. Н. Бочаров, д-р экон. наук, проф.;
И. Н. Дубина, д-р экон. наук, проф.;
С. В. Лобова, д-р экон. наук, проф.;
С. И. Межов, д-р экон. наук, проф.;
А. Я. Троцковский, д-р соц. наук,
канд. экон. наук, проф.;
Е. Е. Шваков, д-р экон. наук, проф.

ISSN 2413-8584

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-77154 от 10 декабря 2019.

Подписной индекс в каталоге «Урал Пресс» — **ВН018442**.

Журнал «Экономика Профессия Бизнес» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктор и кандидат наук.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в Интернете по адресу: <http://www.elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

Все права защищены. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Founder: Federal state budgetary educational institution of higher education
“Altai State University”

Editor-in-Chief: *V. V. Mishchenko*, Prof.

Editorial Council

I. S. Abdulaev, Prof. (Urgench, Uzbekistan);
V. I. Blagoev, Prof. (Varna, Bulgaria);
A. S. Novoselov, Prof. (Novosibirsk);
P. A. Orekhovskiy, Prof. (Moscow);
I. V. Roshchina, Prof. (Tomsk);
I. S. Sandu, Prof. (Moscow);
V. I. Suslov, Prof., Corresponding member of RAS (Novosibirsk);
W. K. Shedenov, Prof. (Almaty, Kazakhstan);
Sh. T. Yldashev, Prof. (Tashkent, Uzbekistan).

Editorial Board

V. I. Belyaev, Prof.;
S. N. Bocharov, Prof.;
I. N. Dubina, Prof.;
S. V. Lobova, Prof.;
S. I. Mezhev, Prof.;
A. Ya. Trotskovskiy, Prof.;
E. E. Shvakov, Prof.

The journal is registered in the Federal Service for supervision of communications, information technology and mass media. The Certificate of Registration PI № FS 77-77154 issued on December 10, 2019.

The subscription index in the “Ural Press” catalog is BH018442.

The journal “Economics Profession Business” is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for the publication of the main scientific results of dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences.

The articles published in the journal are included in the Russian Science Citation Index, available at the Internet address <http://www.elibrary.ru> (Scientific Electronic Library).

All rights reserved. Reference to the journal is required when using any part of the content.

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аверьяскина А. С., Коган А. Б.</i> Оценка экономической эффективности инвестиционного проекта в жилищном хозяйстве.....	5
<i>Альханакта В. В.</i> Современные тренды и стандарты нефинансовой отчетности: интерес российского опыта для Республики Беларусь	15
<i>Гальченко С. А., Ильинова О. В.</i> Некоторые аспекты реализации повестки устойчивого развития региона	24
<i>Кьлгыдай А. Ч., Рощина И. В.</i> Слабоурбанизированные регионы: рынок труда	32
<i>Лизина О. М.</i> Масштабы теневой экономики в российских регионах	41
<i>Лифшиц А. С.</i> Об измерении и интерпретации ESG-рисков в жизненном цикле промышленного предприятия	48
<i>Лякишева В. Г., Мищенко Вит. В., Кириллов А. А., Чухно А. В.</i> Совершенствование процесса инициативного бюджетирования как реального инструмента регионального социально-экономического развития	55
<i>Майкова С. Э.</i> Модель обеспечения экономического роста при минимизации негативного антропогенного воздействия	64
<i>Мальшев Ю. А.</i> Развитие методического инструментария оценки экономической безопасности промышленной агломерации (на примере Пермской агломерации)	72
<i>Медведева Л. С.</i> Устойчивое развитие сельских территорий: концептуально-методические основы	81
<i>Мищенко Вал. В.</i> Вопросы развития машиностроения Алтайского края в форс-мажорных условиях и в стратегической перспективе	89
<i>Рабцевич А. А.</i> Миграционные потоки носителей предпринимательских компетенций: анализ трендов и последствий	100
<i>Родионова Л. В., Троцковский А. Я., Беляева В. Е.</i> Трансформации в системе расселения Алтайского края и их влияние на развитие интеграционных процессов	108
<i>Тарасова О. С.</i> К вопросу об оценке устойчивости региональных экономических систем	114
<i>Ткаченко И. Н., Савченко Я. В.</i> Научный обзор методов и инструментария исследования и оценивания ESG-трансформации в бизнесе.....	123
<i>Трофимова Н. В., Мамлеева Э. Р.</i> Развитие малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан.....	133
<i>Чучкалова Е. И., Логинова С. Л.</i> Специфика отчетов устойчивого развития организаций высшего образования.....	141
<i>Шавандина О. А., Коваленко Е. Ю.</i> Финансовые источники деятельности некоммерческой спортивной организации: концентрация и их анализ.....	148
<i>Шипунова В. В., Иванова Е. В., Цымбалюк М. В.</i> Развитие туризма в контексте диверсификации региональной экономики как фактор устойчивого развития промышленного региона.....	154
Наши авторы	164
Правила представления статей в научный журнал «Экономика Профессия Бизнес».....	166

CONTENTS

<i>Averyaskina A. S., Kogan A. B.</i> Assessment of the economic efficiency of an investment project in housing	5
<i>Alhanaqtah V. V.</i> Modern trends and standards of non-financial reporting: the interest of the russian 1experience for the Republic of Belarus	15
<i>Galchenko S. A., Ilyinova O. V.</i> Some aspects of the implementation of the sustainable agenda of the region.....	24
<i>Kylgyday A. C., Roshchina I. V.</i> Weakly urbanized regions: the labor market	32
<i>Lizina O. M.</i> Scales of shadow economy in russian regions	41
<i>Lifshits A. S.</i> On the measurement and interpretation of esg risks in the life cycle of an industrial enterprise.....	48
<i>Lyakisheva V. G., Mishchenko Vit. V., Kirillov A. A., Chukhno A. V.</i> Improving the process of initiative budgeting as a real instrument for regional socio-economic development.....	55
<i>Maykova S. E.</i> Model of ensuring economic growth while minimizing negative anthropogenic impact	64
<i>Malyshev Yu. A.</i> Development of methodological tools for assessing the economic safety of industrial agglomeration (based on the example of Perm agglomeration)	72
<i>Medvedeva L. S.</i> Sustainable development of rural areas: conceptual and methodological foundations.....	81
<i>Mishchenko Val. V.</i> Issues of development of mechanical engineering in the Altai territory in force majeure conditions and in a strategic perspective	89
<i>Rabtsevich A. A.</i> Migration flows of entrepreneurial competencies: analysis of trends and consequences	100
<i>Rodionova L. V., Trotskovsky A. Ya., Belyaeva V. E.</i> Transformations in the settlement system of Altai krai and their impact on the development of integration processes.....	108
<i>Tarasova O. S.</i> On the issue of assessing the sustainability of regional economic systems	114
<i>Tkachenko I. N., Savchenko Ya. V.</i> Scientific review of research methods and tools for assessing ESG transformation in business	123
<i>Trofimova N. V., Mamleeva E. R.</i> Development of small and medium entrepreneurship in the Republic of Bashkortostan	133
<i>Chuchkalova E. I., Loginova S. L.</i> The specifics of sustainable development reports higher education organizations	141
<i>Shavandina O. A., Kovalenko E. Y.</i> Financial sources of activity of a non-profit sports organization: concentration and their analysis.....	148
<i>Shipunova V. V., Ivanova E. V., Tsymbalyuk M. V.</i> Development of tourism the context of the regional economy diversification as a factor in sustainable development of an industrial region.....	154
Our authors.....	164
Article submission guidelines for «Economics Profession Business».....	166

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЕКТА В ЖИЛИЩНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

А. С. Аверьяскина, А. Б. Коган

Новосибирский государственный университет экономики и управления
«НИНХ» (Новосибирск, Россия)

В статье рассмотрен способ увеличения прибыли управляющих компаний за счет принятия в управление новых многоквартирных домов. Принятие нового многоквартирного дома в управление рассмотрено в качестве отдельного инвестиционного проекта управляющих компаний, требующего анализа и обоснования планируемых вложений. В статье предложена и апробирована модель оценки экономической эффективности инвестиционного проекта в жилищном хозяйстве, позволяющая оценить не только эффект от вложений, но и выявить признаки раннего ухода многоквартирного дома из управления. Выявление признаков раннего ухода многоквартирного дома из управления рассмотрено в разрезе выделенных этапов жизненного цикла инвестиционного проекта в жилищном хозяйстве. При проведении оценки инвестиционной привлекательности проекта в жилищном хозяйстве предложена авторская группировка затрат в отношении регулируемых и нерегулируемых затрат. Принцип регулируемости и нерегулируемости затрат позволяет определять не только минимально необходимые количество и стоимость работ (услуг) по содержанию, управлению и ремонту общего имущества многоквартирного дома, но и выявить потребности собственников многоквартирного дома в качественном и комфортном жилье, а также сопутствующих услугах, оказываемых управляющими компаниями. В статье предложены рекомендации, способствующие профилактике и устранению признаков раннего ухода многоквартирного дома из управления, позволяющие сохранить (увеличить) финансовый капитал управляющих компаний.

Ключевые слова: прибыль управляющих компаний, регулируемые и нерегулируемые затраты, модель инвестиционного проекта.

ASSESSMENT OF THE ECONOMIC EFFICIENCY OF AN INVESTMENT PROJECT IN HOUSING

A. S. Averyaskina, A. B. Kogan

Novosibirsk State University of Economics and Management «NINH» (Novosibirsk, Russian)

The article discusses a way to increase the profits of management companies by taking over the management of new apartment buildings. The acceptance of a new apartment building into management is considered as a separate investment project of management companies that requires analysis and justification of planned investments. The article proposes and tests a model for assessing the economic efficiency of an investment project in housing, which allows us to assess not only the effect of investments, but also to identify signs of early withdrawal of an apartment building from management. Identification of signs of early withdrawal of an apartment building from management is considered in the context of the proposed stages of the life cycle of an investment project in the field of housing. When assessing the investment attractiveness of a project in housing, the author's grouping of costs in relation to regulated and unregulated costs is proposed. The principle of controllability and non-controllability of costs makes it possible to determine not only the minimum required quantity and cost of works (services) for the maintenance, management and repair of the common property of an apartment building, but also to identify the needs of the owners of an apartment building in high-quality and comfortable housing, as well as related services provided by management companies. The article offers recommendations that contribute to the prevention and elimination of signs of early withdrawal of an apartment building from management, allowing to preserve (increase) the financial capital of management companies.

Keywords: profit of management companies, regulated and unregulated expenses, investment project model.

Введение. Основной целью компаний жилищного хозяйства принято считать получение прибыли. Одним из способов увеличения прибыли управляющих компаний (УК) можно назвать повышение количества многоквартирных домов (МКД), находящихся в их управлении. Привлечение новых МКД в управление позволяет УК расширить долю на рынке, способствуя повышению конкурентоспособности компаний; увеличить оборотный капитал, наличие которого повышает возможность оказывать больше услуг в рамках договора управления МКД; расширить инструментарий минимизации потерь и рисков [1].

Прибыль УК формируется как за счет прибытия новых МКД, так и за счет выбытия (ухода) МКД, находящихся в управлении. Потеря МКД, находящегося в управлении, влечет за собой финансовые потери для компании. Для УК, которые только входят на рынок жилищных услуг, уход МКД может стать причиной потери оборотного капитала, необходимого для обеспечения надлежащего содержания общего имущества МКД, что влечет за собой высокие риски банкротства компании.

Прибытие и уход МКД, находящихся в управлении УК, рассматривается в данной статье в рамках жизненного цикла инвестиционного проекта. Жизненный цикл инвестиционного проекта отражает временной интервал от принятия МКД в управление до его исключения из лицензии УК (в случае смены способа управления по решению собственников МКД на основании решения общего собрания).

При всем этом всегда целесообразно проводить, на наш взгляд, оценку экономической эффективности принятия МКД в управление и его обслуживания в рамках определенного срока инвестиционного проекта, позволяющего выявить не только эффект от вложений в жилищный проект, но и определить признаки смены этапов жизненного цикла инвестиционного проекта. В частности, возможность раннего выявления признаков потери МКД позволит УК скорректировать действующий инвестиционный проект, принять меры, предупреждающие ранний уход МКД из управления (уход МКД до истечения срока действия договора управления), а также сохранить действующие обороты за счет своевременного принятия новых МКД в управление соразмерно общей площади уходящего МКД.

Методы. Как было описано выше, одним из способов увеличения прибыли УК является принятие нового МКД в управление. Принятие нового МКД в управление целесообразно рассматривать как отдельный инвестиционный проект, требующий анализа и обоснования планируемых вложений и доходности. В работе предложена модель оценки экономической эффективности инвестиционного проекта в жилищном хозяйстве (принятие МКД в управление). В инвестиционную модель включена авторская группировка затрат в разрезе регулируемых и нерегулируемых затрат.

Принцип группировки в разрезе регулируемых затрат позволяет определить конкурентоспособность рыночной стоимости услуг по содержанию, управлению и ремонту общего имущества МКД, а также выявить завышение (занижение) стоимости таких услуг, в пределах регулируемых законодательно ценовых границ платы за содержание жилых помещений по договорам социального найма и договорам найма жилых помещений государственного или муниципального жилищного фонда¹, соответствующих минимальному перечню услуг, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества МКД [2]².

Группировка затрат по принципу нерегулируемости также дает возможность выявлять потребности жителей МКД в качественном и комфортном жилье, а также сопутствующим услугам по содержанию, управлению и ремонту общего имущества МКД.

Прием МКД в управление рассмотрен в рамках выделенных этапов жизненного цикла инвестиционного проекта в жилищном хозяйстве. Определенные этапы жизненного цикла инвестиционного проекта позволяют оценить и скорректировать планируемый и фактический результат инвестиционной деятельности в целях достижения наиболее эффективного результата, а также выявить признаки раннего ухода МКД из управления. Это, в свою очередь, позволяет УК выработать профилактические меры, способствующие минимизации рисков неплатежеспособности компании, а также сохранению (увеличению) финансового капитала УК.

Результаты и их обсуждение. В работе проведена апробация предложенной А. Б. Коганом инвестиционной модели оценки эффективности вложений в управление МКД в разрезе разработанной А. С. Аверьяскиной авторской группировки затрат.

¹ Постановление Мэрии города Новосибирска от 19 декабря 2022 г. № 4610 «Об установлении размера платы за содержание жилых помещений по договорам социального найма и договорам найма жилых помещений государственного или муниципального жилищного фонда».

² Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2013 г. № 290 «О минимальном перечне услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, и порядке их оказания и выполнения» (с изменениями и дополнениями от 29 июня 2020 г.).

Введем и сгруппируем исходные данные (табл. 1). Расчеты основаны на данных, предоставленных действующей УК в отношении МКД-объекта наблю-

дения, находящегося в управлении на территории г. Новосибирска.

Таблица 1

Исходные данные по МКД — объекту наблюдения

№	Показатель	Значение	Ед. изм.
1.	Цена оборудования	280 000	р.
1.1.	в т. ч. НДС	0	р.
2	Постоянные затраты:	281 144	р./мес
2.1.	постоянные регулируемые затраты	236 161	р./мес
2.2.	постоянные нерегулируемые затраты	44 983	р./мес
3	Удельные переменные затраты:	23,7	р./ед.
3.1	переменные регулируемые затраты:	18,4	р./ед.
3.2	переменные нерегулируемые затраты:	5,3	р./ед.
4	Инвестиционные расходы	1 150 000	р.
5	WACC	15	%
6	Объем производства и продаж	48 895	кв. м. в мес.
7	Стоимость услуг по содержанию, управлению и ремонту общего имущества МКД	34,6	р./кв. м.

Примечание. Цена оборудования на отдельные позиции меньше установленного лимита основных средств для целей налогового учета. Соответственно, затраты на оборудование не подлежат амортизации и списываются единой суммой в год их возникновения. В работе единожды представлено нулевое значение НДС с связи с применением УК упрощенной системы налогообложения. Показатель WACC определен в границах 15–20% по методике, предложенной А. Б. Коганом [5].

Источник: таблица составлена А. С. Аверьяскиной на основе управленческой отчетности, предоставленной УК, занимающейся обслуживанием МКД — объекта наблюдения.

В работе проведена группировка затрат по принципу определения зависимости от количества оказанных услуг (постоянные и переменные) в разрезе регулируемых и нерегулируемых затрат.

Сгруппированные и представленные в строке 2 таблицы 1 постоянные затраты не зависят от количества оказанных услуг по содержанию, управлению и ремонту общего имущества МКД.

Таблица 2

Расчет денежного потока МКД — объекта исследования

Категория	Год				
	0	1	2	3	4
1. Кол-во месяцев осуществления операционной деятельности на шаге	—	12	12	12	12
2. Объем производства и продаж (кв. м в г.)	—	586 740	586 740	586 740	586 740
3. Доходы, руб.	—	20 312 939	20 312 939	20 312 939	20 312 939
4. Инфляция, %	—	11,1	7,6	5,0	4,0
5. Затраты при осуществлении операционной деятельности постоянные, руб.	—	3 748 218	3 630 137	3 542 420	3 508 682
6. Затраты при осуществлении операционной деятельности — переменные, руб.	—	15 455 794	14 968 887	14 607 186	14 468 070
7. Затраты при осуществлении операционной деятельности — разовые, р. (табл. 1 строка 1)	—	130 000	-	150 000	-
8. EBIT, р. (стр. 3 — стр. 5, 6, 7)	—	1 238 928	1 713 915	2 313 333	2 336 187
9. Налог на прибыль, руб.	—	185 839	257 087	347 000	350 428
10. NOPAT, руб. (стр. 8 — стр. 9)	—	1 053 089	1 456 827	1 966 333	1 985 759
11. Вложения в NCA, руб. (табл. 1 строка 1)	-280 000	-	-	-	-

Окончание таблицы 2

Категория	Год				
	0	1	2	3	4
12. Инвестиционные расходы, р. (табл. 1 строка 4)	-1 150 000	-	-	-	-
13. Итого вложений NCA, руб. (стр. 11 + стр. 12)	-1 430 000	-	-	-	-
14. Величина NOWC, руб.	-	2 880 890	2 880 890	2 880 890	2 880 890
15. Изменение NOWC, руб.	-2 880 890	-	-	-	2 880 890
16. Gross investments in operating capital, руб. (стр. 13 + стр. 15)	-4 310 890	-	-	-	2 880 890
17. CF, р. (стр. 16 + стр. 10)	-4 310 890	1 053 089	1 456 827	1 966 333	4 866 648
18. CCF, руб.	-4 310 890	-3 257 801	-1 800 974	165 359	5 032 008
19. k, % (табл. 1 стр. 5)	15	15	15	15	15
20. FVIF, руб.	1,00	1,15	1,32	1,52	1,75
21. DCF, руб. (стр. 17 / стр. 20)	-4 310 890	915 729	1 101 571	1 292 896	2 782 522
22. CDCF, руб.	-4 310 890	-3 395 161	-2 293 590	-1 000 694	1 781 828

Примечание. Показатель «объем производства и продаж» рассчитан как произведение показателей «объем производства и продаж» (табл. 1 стр. 6) и «кол-во месяцев осуществления операционной деятельности на шаге» (табл. 2 стр. 1).

Показатель «доходы» рассчитан как произведение показателей «стоимость услуг по содержанию, управлению и ремонту общего имущества МКД» (табл. 1 стр. 7), «объем производства и продаж» (табл. 1 стр. 6) и «количество месяцев осуществления операционной деятельности на шаге» (табл. 2 стр. 1).

Затраты при осуществлении операционной деятельности постоянные определены как произведение показателей «постоянные затраты» (табл. 1 стр. 2) и «кол-во месяцев осуществления операционной деятельности на шаге» (табл. 2 стр. 1) с корректировкой на уровень инфляции (табл. 2 стр. 4).

Затраты при осуществлении операционной деятельности переменные определены как произведение показателей «объем производства и продаж» (табл. 2 стр. 2) и «удельные переменные затраты» (табл. 1 стр. 3) с корректировкой на уровень инфляции (табл. 2 стр. 4).

Строка 20 показатель FVIF определен как сумма (1 + стр. 19 показать «к»), возведенная в степень исследуемого года (шаг инвестиционного проекта от 0 до 4).

Инфляционные ожидания определены исходя из данных информационно-аналитического прогноза банка России, представленного на сайте URL: https://cbr.ru/collection/collection/file/43850/infl_exp_23-03.pdf

Налог на прибыль определен в размере 15% от EBIT (табл. 2 стр. 8) в отношении компаний, применяющих УСН.

Источник: таблица составлена А. С. Аверьяскиной на основе управленческой отчетности, предоставленной УК, занимающейся обслуживанием МКД-объекта наблюдения.

В постоянные регулируемые затраты включены аренда офиса³, сопутствующие траты на коммунальные ресурсы и содержание офиса, заработная плата персонала и прочее.

Учет персонала, который в статье принято считать регулируемым, определен в соответствии с рекомендациями, разработанными государственным комитетом Российской Федерации по строительной, архитектурной и жилищной политике⁴ в отношении нормирования численности персонала, требуемого для обеспечения функционирования

УК, в разрезе общей площади управляемого жилищного фонда.

Постоянные регулируемые затраты на персонал сгруппированы по следующим функциям: административные (руководитель, заместитель, секретарь), финансово-экономические (главный бухгалтер, бухгалтер, сметчик, юрист, экономист, кассир, инспектор по кадрам), информационно-методические (диспетчер, оператор, паспортист).

Дополнительно выделены постоянные регулируемые затраты на персонал, выполняющий функ-

³ Постановление Правительства РФ от 15 мая 2013 г. № 416 «О порядке осуществления деятельности по управлению многоквартирными домами» (ред. от 13 сентября 2018 г.).

⁴ Приказ Госстроя РФ от 26.03.1999 № 74 «Об утверждении «Рекомендаций по определению численности работников Службы заказчика (организации по управлению жилищным Фондом)» (вместе с «Рекомендациями... МДК 2-01.01»).

ции программирования, в соответствии с требованиями действующего законодательства⁵ и прочие должности (курьер, водитель служебного автомобиля, уборщик служебных помещений) [3, с. 32].

В постоянные регулируемые затраты в качестве прочих включено банковское обслуживание, затраты на бесперебойную работу и доступ к программному обеспечению ЭВМ для выгрузки обязательной отчетности⁶, затраты на обеспечение сотрудников аварийно-диспетчерской службы (АДС), находящейся в собственности УК, необходимым оборудованием и материалами для исполнения требования действующего законодательства⁷.

В постоянные нерегулируемые включены затраты, обеспечивающие желаемое качество жизни собственников МКД, в том числе затраты, количественно превышающие постоянные регулируемые затраты.

Удельные переменные затраты, представленные в строке 3 таблицы 1, имеют линейную зависимость от количества оказанных (не оказанных) услуг и представлены в разрезе регулируемых и нерегулируемых затрат.

Регулируемые переменные затраты определяются минимальным перечнем услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества МКД. Стоит отметить, что периодичность услуг, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества МКД, не определяется минимальным перечнем услуг, а регламентируется отдельными нормативными актами. Например, периодичность плановых и частичных осмотров элементов и помещений зданий определены Постановлением Госстроя № 170 от 26.03.1999⁸.

Периодичность оказания минимально необходимых услуг для обеспечения надлежащего содержания общего имущества МКД не в полном объеме определена законодательно. Например, для определения минимально рекомендуемой периодичности при проведении плановых мероприятий по дера-

тизации в МКД в работе взят период 1 раз в месяц в соответствии рекомендуемыми санитарно-эпидемиологическими требованиями⁹, в то время как минимально необходимая периодичность дератизации, устанавливается УК совместно с собственниками МКД, исходя из санитарно-эпидемиологической обстановки и результатов плановых мероприятий по дератизации.

В регулируемые переменные затраты включен персонал (инженер, мастер, слесарь, электрик, сантехник и т.д.), обеспечивающий оказание минимально необходимых услуг для надлежащего содержания общего имущества МКД, определенный в соответствии с Приказом Госстроя РФ от 26.03.1999 № 74, в разрезе количества площадей находящихся в управлении УК.

Затраты, не входящие в перечень минимально необходимых услуг, в работе принято считать нерегулируемыми переменными затратами. Задачей таких затрат является удовлетворение потребностей собственников МКД в качественном и комфортном жилье.

Инвестиционные расходы (строка 4) определены в размере 1 150 000 руб., исходя из оценки рыночных затрат на переход МКД в управление УК (получение лицензии, аренда офиса и организационной техники, найм сотрудников, проведение общего собрания МКД и т.д.), а также затрат на первичное содержание МКД (устранение аварийных ситуаций, текущая плановая и внеплановая работа по содержанию и ремонту МКД, обеспечение бесперебойной поставки коммунальных ресурсов и т.д.) [4].

Стоимость услуг по содержанию, управлению и ремонту общего имущества МКД (строка 7) определена по результатам общего собрания собственников (ОСС) МКД. Стоимость такой услуги является фиксированной величиной, устанавливается на срок действия договора управления МКД не менее одного года и не более пяти лет¹⁰ и может быть изменена только решением собственников МКД

⁵ Жилищный кодекс Российской Федерации. Ст. 198 от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 01.03.2023).

⁶ Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ и Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 29 февраля 2016 г. № 74/114/пр «Об утверждении состава, сроков и периодичности размещения информации поставщиками информации в государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» (ред. от 11 сентября 2020 г.).

⁷ Постановление Правительства РФ от 15 мая 2013 г. № 416 п. 9 «О порядке осуществления деятельности по управлению многоквартирными домами» (в редакции Постановления Правительства РФ от 27 марта 2018 г. № 331 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам осуществления деятельности по управлению многоквартирными домами и содержанию общего имущества собственников помещений в многоквартирных домах и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» ред. от 29 июля 2020 г.).

⁸ Постановлением Госстроя РФ от 27 сентября 2003 г. № 170 «Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда».

⁹ Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 № 4 п. 101 «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 3.3686–21 «Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней» (вместе с «СанПиН 3.3686–21. Санитарные правила и нормы...»).

¹⁰ Жилищный кодекс Российской Федерации. Ст. 162. Ч. 5 от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 21.11.2022).

либо в отдельных случаях — органами местного самоуправления¹¹.

На основе исходных данных по МКД — объекту наблюдения, требуемых вложений на переход МКД в управление УК и ее первичное содержание проведем расчет денежного потока в целях оценки эффективности использования финансовых ресурсов. Полученные результаты сгруппированы и представлены в таблице 2.

В работе инфляция выделена в отдельную категорию показателей и не учтена при формировании дохода за содержание, управление и ремонт общего имущества МКД в связи с тем, что решением об-

щего собрания собственников (ОСС) МКД не предусмотрена индексация стоимости услуг.

В случае когда ОСС предусмотрена индексация стоимости услуг за содержание, управление и ремонт общего имущества МКД, УК имеет возможность сохранить желаемый уровень доходности за счет передачи инфляционного риска собственникам МКД.

На основе данных, полученных в таблице 2, рассчитаны показатели эффективности, позволяющие дать оценку экономической целесообразности вложений в инвестиционный проект (табл. 3).

Таблица 3

Показатели эффективности МКД — объекта исследования

Показатель	Значение	Ед. изм.
1. Номинальные вложения	4 310 890	руб.
2. Дисконтированные вложения	4 310 890	руб.
3. Дисконтированные выгоды	6 092 718	руб.
4. NPV	1 781 828	руб.
5. IRR	30	%, годовых
6. PI	1,62	р. / р.
7. DPб	3,4	г., мес.
8. IS	10,3	коп. / руб.
9. Точка безубыточности по NPV по объему	41 672	кв. м в мес.

Источник: таблица составлена А. С. Аверьяскиной на основе управленческой отчетности, предоставленной УК, занимающейся обслуживанием МКД — объекта наблюдения.

Оценка инвестиционной привлекательности проекта в том числе определена с помощью показателя NPV. Текущая стоимость будущих денежных потоков от вложенных инвестиций при использовании 15% барьерной ставки доходности превышает размер первоначальных инвестиций на 1,78 млн руб.

В сочетании с показателем NPV рассмотрен показатель — внутренней нормы доходности (IRR), определенный в размере 30%. Значение показателя IRR превышает в два раза барьерную ставку доходности.

Значение показателей NPV и IRR позволяет сделать вывод, что при заданных условиях модель инвестиционного проекта окупится и будет приносить прибыль УК.

В работе определена точка безубыточности по показателю NPV, где в качестве исследуемой переменной взято значение показателя — объем производства и продаж. При объеме производства

и продаж (размер обслуживаемых площадей МКД) в 48 895 кв. м в мес., значение проекта NPV будет равняться нулю, при достижении исследуемого показателя в 41 672 кв. м в мес.

Анализ безубыточности производства позволяет в том числе сделать вывод о наличии запаса финансовой прочности компании, необходимого для учета риска неплатежеспособности УК [6]. В модели инвестиционного проекта доходы компании учтены как фиксированная величина, которую получит УК при обслуживании исследуемых площадей МКД. На практике наблюдается ситуация, когда компании имеют дебиторскую задолженность, а соответственно, недополучают часть желаемой прибыли от собственников МКД, что повышает риск неплатежеспособности компаний [7].

В работе для оценки рисков УК проведен анализ чувствительности и его результаты представлены в таблице 4.

¹¹ Жилищный кодекс Российской Федерации. Ст. 158. Ч. 4 от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 21.11.2022).

Таблица 4

Анализ чувствительности МКД — объекта исследования

Фактор	Базовое значение фактора	Изменение NPV руб. при изменении базовых значений факторов, р.		
		-10%	0%	10%
1. Стоимость услуг по содержанию, управлению и ремонту общего имущества МКД, руб./кв. мес.	34,6	-3 147 577	1 781 828	6 711 233
2. Объем производства и продаж, кв. мес.	48 895	575 698	1 781 828	2 987 958
3. Удельные переменные затраты, руб./ед.	23,7	5 505 103	1 781 828	-1 941 447
4. Постоянные затраты, руб. в мес.	281 144	2 684 768	1 781 828	878 889
5. Итого вложений, руб.	1 430 000	1 924 828	1 781 828	1 638 828
6. Ставка дисконтирования, %	15	2 025 215	1 781 828	1 551 992

Источник: таблица составлена А. С. Аверьяскиной на основе управленческой отчетности, предоставленной УК, занимающейся обслуживанием МКД — объекта наблюдения.

Предложенная модель инвестиционного проекта в жилищном хозяйстве имеет высокую чувствительность по отношению к изменению фактора стоимости услуг. Изменение стоимости услуг по содержанию, управлению и ремонту общего имущества МКД (снижение) на 10% отражает отрицательный эффект инвестиций. В то же время повышение стоимости услуг по содержанию, управлению и ремонту общего имущества МКД на 10% может предоставить возможность УК получения сверх прибыли (в 3,5 раза больше базового значения). Стоит отметить, что высокая доля переменных затрат в совокупных затратах при увеличении на 10% снижает инвестиционную привлекательность проекта, в то время как снижение переменных затрат на 10% в три раза увеличивает базовое значение показателя NPV.

Оценка эффективности инвестиционного проекта позволяет сделать вывод, что жилищное хозяйство — это высокорискованный бизнес. Факторы риска получения отрицательного результата могут быть снижены в том числе при масштабировании деятельности УК, где с каждым вновь принятым в управление МКД увеличивается не только оборотный капитал компании, но и ее прибыль.

Предложенная и апробированная модель оценки экономической эффективности инвестиционного проекта в жилищном хозяйстве представляет собой первый этап жизненного цикла инвестиционного проекта — прием МКД в управление.

Вторым выделен этап адаптации УК к управлению МКД. На данном этапе между собственниками МКД и УК устанавливаются товарно-денежные отношения, которые позволяют УК достигнуть (не достигнуть) поставленной цели инвестиционного проекта. В частности, данная стадия жизненного цикла позволяет выявить скрытые потребности собственников МКД, а также степень удовлетво-

рения оказываемой услугой. На втором этапе УК может получать первичную обратную связь от жителей МКД, как в виде получаемых платежей за услугу, так и за счет коммуникативной стороны общения с собственниками МКД (собрания, ответы на жалобы, взаимодействие с советом и активом МКД и т. д.). В соответствии с полученной обратной связью от собственников МКД УК может скорректировать действующий инвестиционный проект, а также выявить признаки раннего ухода МКД из управления, такие как:

- увеличение количества жалоб в контрольно-надзорные органы от собственников МКД;
- увеличение судебных процессов по исследуемому МКД-объекту управления;
- частые конфликты менеджмента УК с собственниками МКД и советом дома;
- снижение собираемости платы за услуги по содержанию, управлению и ремонту общего имущества МКД;
- снижение количества принятых вопросов повестки дня общего собрания собственников МКД и т. д.

В работе предложены рекомендации, способствующие профилактике и устранению признаков раннего ухода МКД из управления для второго этапа жизненного цикла инвестиционного проекта в жилищном хозяйстве:

- создание коммуникативных каналов (чат собственников, чат-бот ответы на распространенные вопросы, мессенджер и т. д.), через которые будут оперативно приниматься запросы от собственников МКД, позволяющие решать возникающие вопросы в допретензионном порядке;
- предоставление собственникам прозрачной отчетности о проводимых работах на МКД;

- предложение собственникам МКД мероприятий по улучшению качества предоставляемых услуг;
- обеспечение доступа к проведению электронного голосования собственников МКД в целях вовлечения большего количества заинтересованных собственников МКД;
- взаимодействие со стейкхолдерами, использующими общее имущество МКД с целью защиты интересов собственников МКД (за счет доходов, получаемых от использования общего имущества МКД, увеличение количества услуг, оказываемых собственникам МКД либо снижение стоимости услуг по содержанию, управлению и ремонту общего имущества МКД);
- проведение регулярных встреч с советом дома для обсуждения текущих и планируемых работ.

При переходе жизненного цикла инвестиционного проекта на третий этап управления МКД (зрелое управление МКД) УК также может столкнуться с признаками раннего ухода МКД из управления. В случае первичного выявления признаков раннего ухода МКД из управления на третьем этапе используются рекомендации, предложенные для второго этапа жизненного цикла, в целях профилактики или устранения признаков раннего ухода МКД из управления.

В случае повторного выявления признаков раннего ухода МКД из управления, в том числе усиление ранее выявленных признаков, в работе предложены следующие рекомендации, способствующие снижению или устранению признаков раннего ухода МКД:

- смена подхода к управлению МКД, в том числе ротация ТОП-менеджмента УК либо привлечение новых сотрудников, способных изменить политику компании в отношении выявленного проблемного участка внутренней или внешней организационной среды в рамках стратегического планирования [8];
- маркетинг и (или) ребрендинг УК как способ улучшения репутации компании;
- поиск новых субподрядчиков, оказывающих услуги в рамках договора управления МКД;
- взаимодействие с органами местного самоуправления в части поиска дополнительных источников финансирования инвестиционных проектов, в целях улучшения качества жизни собственников МКД [9];
- при выявлении дефектов общего имущества в случае наличия гарантийных обязательств у застройщика МКД — объекта

исследования защита интересов собственников МКД, в том числе понуждение застройщика к устранению выявленных дефектов за свой счет;

- проведение претензионной работы в интересах собственников МКД с ресурсоснабжающими организациями по вопросам качества или стоимости коммунальных ресурсов;
- участие УК в проектах формирования качественной городской среды в части повышения уровня благоустройства на территориях, близлежащих к территории расположения управляемыми МКД [10].

В случае если проведение профилактических мер, описанных выше, на третьем этапе жизненного цикла инвестиционного проекта не дает нужного результата, то УК рекомендовано начать подготовку к принятию новых МКД в управление с характеристиками, тождественными МКД — объекту исследования (площадь жилых и нежилых помещений МКД, стоимость и количество оказываемых услуг, расположение и т. д.).

При переходе на 4-й этап жизненного цикла инвестиционного проекта УК, в случае невозможности сохранения управления МКД, заканчивает цикл инвестиционного проекта, то есть МКД — объект исследования уходит из управления. В то же время при соблюдении профилактических мер, описанных выше (поиск и принятие новых МКД, тождественных МКД — объекту исследования, в управление в течение 3-го и 4-го этапов жизненного цикла инвестиционного проекта), УК не понесет значительных финансовых потерь и имеет возможность сохранить имеющийся финансовый капитал.

В случае сохранения управления МКД УК при переходе на 4-й этап жизненного цикла инвестиционного проекта готовится к обновлению цикла и повторному принятию МКД — объекта исследования в управление.

Заключение. В статье проведена апробация предложенной модели оценки экономической эффективности инвестиционного проекта в жилищном хозяйстве. В предложенную инвестиционную модель включена авторская группировка затрат на содержание, управление и ремонт общего имущества МКД, позволяющая оценить потребности собственников МКД в разрезе регулируемых и нерегулируемых затрат.

Анализ экономической эффективности инвестиционного проекта в жилищном хозяйстве позволил определить не только эффект от вложений в управление МКД, но и выявить признаки раннего ухода МКД из управления УК в выделенных этапах жизненного цикла инвестиционного проекта.

В рамках проведенного исследования предложены рекомендации, способствующие увеличению (сохранению) финансового капитала УК, а также

минимизации рисков неплатежеспособности УК, в том числе за счет профилактики и устранения признаков раннего ухода МКД из управления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Хомкалов Г. В., Кельберг Е. И. Управление рисками в инвестиционно-строительной деятельности // *Baikal Research Journal*. 2017. Т. 8. № 3. С. 7. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8 (3).7.
2. Грабовый П. Г., Самосудова Н. В. Законодательная основа, правоприменение и перспективы развития жилищной политики и жилищных отношений // *Недвижимость: экономика, управление*. 2020. № 2. С. 73–82. DOI: 10.22227/2073-8412.2020.2.73-82.
3. Беляев В. И., Мищенко В. В., Мищенко В. В. Нормирование труда и исследование затрат рабочего времени: забытые категории экономической науки // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2019. № 45. С. 19–37. DOI: 10.17223/19988648/45/2.
4. Коган А. Б., Аверьяскина А. С. Совершенствование финансовой модели управляющей компании, обслуживающей многоквартирные дома, путем учета требуемой доходности капитала в стоимости оказываемых ею услуг // *Сибирская финансовая школа*. 2022. № 4 (148). С. 79–88. DOI: 10.34020/1993-4386-2022-4-79-88.
5. Коган А. Б. Эмпирическое обоснование стоимости собственного капитала отечественных компаний по «Capital Assets Pricing Model» // *Сибирская финансовая школа*. 2022. № 4. С. 111–119. DOI: 10.34020/1993-4386-2022-4-111-119.
6. Санникова И. Н., Дубина И. Н., Межев С. И. Формирование системы управления комплексными рисками устойчивого развития территорий: постановка и пути решения научно-исследовательской проблемы // *Экономика Профессия Бизнес*. 2023. № 1. С. 81–89. DOI: 10.14258/epb202309.
7. Бурова И. В., Паничкина М. В. Исследование финансового состояния в практике менеджмента управляющих компаний // *Фундаментальные и прикладные разработки естественных и гуманитарных наук: современные концепции, последние тенденции развития: материалы XV Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 24 сентября 2018 г.)*. Ростов-на-Дону, 2018. С. 181–187.
8. Шуплецов А. Ф., Матвеева М. В., Буров К. О. О периодичности мониторинга и обновлении стратегических планов развития бизнеса компании // *Baikal Research Journal*. 2021. Т. 12. № 4. DOI: 10.17150/2411-6262.2021.12 (4).14.
9. Нечаев А. С., Баданов А. Б. Методические подходы к финансированию инвестиционных проектов // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2022. Т. 1. № 11 (131). С. 139–145. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.11.01.017.
10. Яськова Н. Ю., Сарченко В. И., Хиревич С. А. Комплексный подход к формированию качественной городской среды // *Недвижимость: экономика, управление*. 2020. № 2. С. 12–21. DOI: 10.22227/2073-8412.2020.2.12-21.

REFERENCES

1. Khomkalov G. V., Kelberg E. I. Risk management in investment and construction activities. *Baikal Research Journal*. 2017. Vol. 8. No. 3. Pp. 7. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8 (3).7.
2. Grabovyi P. G., Samosudova N. V. Legislative framework, law enforcement and prospects for the development of housing policy and housing relations. *Real estate: economics, management*. 2020. No. 2. Pp. 73–82. DOI: 10.22227/2073-8412.2020.2.73-82.
3. Belyaev V. I., Mishchenko V. V., Mishchenko V. V. Labor rationing and study of working time costs: forgotten categories of economic science. *Bulletin of Tomsk State University. Economy*. 2019. No. 45. Pp. 19–37. DOI: 10.17223/19988648/45/2.
4. Kogan A. B., Averyaskina A. S. Improving the financial model of a management company servicing apartment buildings by taking into account the required return on capital in the cost of the services it provides. *Siberian Financial School*. 2022. No. 4 (148). Pp. 79–88. DOI: 10.34020/1993-4386-2022-4-79-88.
5. Kogan A. B. Empirical justification of the cost of equity capital of domestic companies according to the «Capital Assets Pricing Model». *Siberian Financial School*. 2022. No. 4. Pp. 111–119. DOI: 10.34020/1993-4386-2022-4-111-119.

6. Sannikova I. N., Dubina I. N., Mezhov S. I. Formation of a system for managing complex risks of sustainable development of territories: formulation and ways to solve a scientific research problem. *Economics Profession Business*. 2023. No. 1. Pp. 81–89. DOI: 10.14258/epb202309.

7. Burova I. V., Panichkina M. V. Study of the financial condition in the management practice of management companies. *Fundamental and applied developments in natural sciences and humanities: modern concepts, latest development trends: Proceedings of the XV All-Russian Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, September 24, 2018)*. Rostov-on-Don, 2018. Pp. 181–187.

8. Shupletsov A. F., Matveeva M. V., Burov K. O. On the frequency of monitoring and updating the company's strategic business development plans. *Baikal Research Journal*. 2021. Vol. 12. No. 4. DOI: 10.17150/2411–6262.2021.12 (4).14.

9. Nechaev A. S., Badanov A. B. Methodological approaches to financing investment projects. *Economics and management: problems, solutions*. 2022. Vol. 1. No. 11 (131). Pp. 139–145. DOI: 10.36871/ek. up.p.r. 2022.11.01.017.

10. Yaskova N. Yu., Sarchenko V. I., Khirevich S. A. An integrated approach to the formation of a high-quality urban environment. *Real estate: economics, management*. 2020. No. 2. Pp. 12–21. DOI: 10.22227/2073–8412.2020.2.12–21.

Поступила в редакцию: 15.05.2024.

Принята к печати: 25.06.2024.

УДК 657.9 (476)
DOI 10.14258/epb202433

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И СТАНДАРТЫ НЕФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ: ИНТЕРЕС РОССИЙСКОГО ОПЫТА ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. В. Альханакта

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

Существует гипотеза, что нефинансовая отчетность способствует следованию бизнес-организациями целям устойчивого развития и, соответственно, обеспечивает доступ к «зеленому» (устойчивому) финансированию. Целью данной статьи является анализ современных трендов в области нефинансового учета и отчетности, сравнительная характеристика основных систем нефинансового учета и отчетности, рассмотрение российского опыта по построению ESG-инфраструктуры для успешного его применения в Республике Беларусь. Современной мировой тенденцией является выход ESG-рейтингов на новый уровень в связи с тем, что все больше организаций начинают публиковать свою нефинансовую отчетность, демонстрируя приверженность (формальную или реальную) принципам устойчивого развития. Поскольку существует ряд дискуссионных вопросов, обозначенных в статье, представляется целесообразным продолжать развивать ESG-практики, но остановиться на добровольной нефинансовой отчетности.

Ключевые слова: устойчивое развитие, нефинансовая отчетность, стандарты, ESG-практики, Россия, Беларусь.

MODERN TRENDS AND STANDARDS OF NON-FINANCIAL REPORTING: THE INTEREST OF THE RUSSIAN EXPERIENCE FOR THE REPUBLIC OF BELARUS

V. V. Alhanaqtah

Belarusian State University (Minsk, Belarus)

There is a hypothesis that non-financial reporting contributes to the adherence of business organizations to sustainable development goals and, accordingly, provides access to «green» (sustainable) financing. The purpose of this article is to analyze current trends in the field of non-financial accounting and reporting, to compare the main systems of non-financial accounting and reporting, to consider the Russian experience in building ESG-infrastructure for its successful implementation in the Republic of Belarus. The current global trend is to take ESG-ratings to a new level due to the fact that more and more organizations are starting to publish their non-financial statements, demonstrating commitment (formal or real) to the principles of sustainable development. Since there are a number of controversial issues identified in the article, it seems advisable to continue to develop ESG-practices, but focus on voluntary non-financial reporting.

Keywords: sustainable development, non-financial reporting, standards, ESG practices, Russia, Belarus.

Введение. Сегодня корпоративная социальная ответственность стала частью концепции устойчивого развития с его 17 целями, разработанными Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 г. Теория корпоративного устойчивого развития является своего рода проекцией концепции устойчивого развития на микроуровень (уровень бизнес-организации) [1, с. 42; 2, с. 29]. В середине

2000-х гг. устойчивое развитие закрепились в бизнес-практике в форме инвестиционной методологии — концепции ESG, базирующейся на следующих принципах: ответственное отношение к окружающей среде (Environment), социальная ответственность (Social), высокое качество корпоративного управления (Governance). Существует гипотеза, что нефинансовая отчетность способствует

следованию бизнес-организациями целям устойчивого развития и, соответственно, обеспечивает доступ к «зеленому» (устойчивому) финансированию, то есть финансированию проектов, связанных с решением экологических задач. Нефинансовая отчетность заверяется и публикуется в открытом доступе, что позволяет присвоить организации ESG-рейтинг и проранжировать организации между собой. Предполагается, что за высокий ESG-рейтинг организация может претендовать на льготы и преференции со стороны государства. Помимо этого, нефинансовая отчетность и высокий ESG-рейтинг в перспективе дают возможность разместить «зеленые» облигации на фондовой бирже.

Целью написания данной статьи является анализ современных трендов в области нефинансового учета и отчетности, сравнительная характеристика основных систем нефинансового учета и отчетности, рассмотрение российского опыта по построению ESG-инфраструктуры для успешного его применения в Республике Беларусь.

Взаимосвязь финансовой и нефинансовой отчетности. Прежде чем рассмотреть дискуссионные вопросы в отношении нефинансовой отчетности, нужно четко разграничить между собой понятия финансовой и нефинансовой отчетности.

На основании ст. 3 Федерального закона РФ от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» «бухгалтерская (финансовая) отчетность — это информация о финансовом положении хозяйствующего субъекта на определенную дату, финансовом результате его деятельности и движении денежных средств за отчетный период...». Она отражает только то, что поддается количественному учету. Ожидания, гипотетические возможности, описание общей обстановки финансовому учету не подлежат. Бухгалтерская отчетность формируется на основе национального законодательства¹

и не нуждается в предоставлении всей информации для внутренних (управленческий персонал, владельцы контрольных пакетов акций, бухгалтеры) или внешних (государственные контролирующие органы, кредиторы, аудиторы, потенциальные инвесторы, др.) пользователей, которую они хотели бы видеть для принятия решений.

Важными документами по развитию нефинансовой отчетности в рамках концепции устойчивого развития в России являются: Кодекс корпоративного управления (Письмо Банка России от 10 апреля 2014 г. № 06–52/2463), содержащий рекомендации в основном государственным и крупным частным организациям, Распоряжение Правительства РФ от 5 мая 2017 г. № 876-р о «Концепции развития публичной нефинансовой отчетности и плана мероприятий по ее реализации» (далее — Распоряжение). «Публичная нефинансовая отчетность представляет собой совокупность сведений и показателей, отражающих цели, подходы и результаты деятельности организаций по всем существенным вопросам социальной ответственности и устойчивого развития, включая минимальный перечень обязательно раскрываемых показателей» (см. Распоряжение). Нефинансовая отчетность — это добровольно раскрываемая информация, связанная с реализацией концепции устойчивого развития.

До 2017 г. в России открытая нефинансовая отчетность для крупного бизнеса была добровольной. Государственные учреждения и некоммерческие организации практически не затрагивались [3, с. 289]. Пользователями нефинансовой отчетности могли быть все желающие: кредиторы, инвесторы, государственные учреждения, сотрудники, потребители, конкуренты, т. д.

Взаимосвязь финансовой и нефинансовой отчетности в соответствии с МСФО 1 представлена в таблице.

Взаимосвязь финансовой и нефинансовой отчетности

	Финансовая отчетность	Нефинансовая отчетность
Цель составления	Информирование о финансовом состоянии организации и финансовых результатах ее деятельности	Информирование о состоянии и результатах экологических и социальных мероприятий
Объект оценки	Результаты финансово-хозяйственной деятельности организации	Экологические, экономические и социальные аспекты
Финансовые отчеты	Отчет о финансовом состоянии организации (бухгалтерский баланс), отчет о совокупном доходе (о финансовых результатах), отчет о собственном капитале, отчет о движении денежных средств, примечание к годовой финансовой отчетности	

¹ Формирование бухгалтерской (финансовой) отчетности Центрального банка Российской Федерации устанавливается Федеральным Законом от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». В Республике Беларусь главным регулятором бухгалтерской отчетности является Закон Республики Беларусь № 57–3 «О бухгалтерском учете и отчетности» от 12 июля 2013 года.

Окончание таблицы

	Финансовая отчетность	Нефинансовая отчетность
Социальные отчеты		Показатели деятельности в экологической, социальной, трудовой сферах
Управленческие (внутренние) отчеты	Финансовые показатели	Экологические, экономические и социальные последствия хозяйственной деятельности
	Информационная основа нефинансовой отчетности	
Регулирование	Национальным законодательством утверждены четкие требования к отчетности и правила ее составления	Имеются рекомендации на основе международных стандартов
Периодичность	Ежегодна и обязательна	Не определена, в основном добровольна, для некоторых предприятий обязательна

Источник: составлено автором на основе [3, с. 290; 17, с. 46].

Из таблицы следует, что предметом оценки финансовой отчетности являются финансовые показатели, а предметом оценки нефинансовой отчетности — и финансовые, и нефинансовые (отличаются по отраслям) показатели. В связи с этим возникает необходимость регулирования взаимосвязи (совместимости) финансовой и нефинансовой отчетности. Также представляется целесообразным осуществлять подготовку и переподготовку кадров, внедрить системы сертификации по нефинансовой отчетности для специалистов.

Что касается обязательности, то наблюдается постепенный переход от принципа добровольности к обязательности предоставления нефинансовой информации. Для решения проблемы наличия различных показателей и фрагментарности информации важна выработка четких и понятных требований к составлению нефинансовой отчетности на уровне страны или союзного государства, публикация методологии ESG-рейтингов соответствующими рейтинговыми агентствами. Иными словами, подход к раскрытию нефинансовой информации должен быть стандартизирован и, с позиции автора, добровольен.

Подходы к исследованию систем нефинансовой отчетности. Проанализировав ряд работ, можно заключить, что ученые выделяют следующие основные подходы к исследованию систем нефинансовой отчетности [4].

Неолиберальные идеологические принципы. В рамках данного подхода социально-экономические, экологические, политические факторы рассматриваются с позиции полезности для компаний: интересны только как возможность оптимизировать бизнес-операции. Нефинансовая отчетность рассматривается весьма прагматично, а именно как дополнительная возможность по увеличению экономической эффективности, конкурентоспособности и привлекательности бизнеса [5, 6].

Эволюционная теория. Данный подход фокусируется на этических и моральных изменениях в культуре в целом, что положительно влияет на социально-экономические взаимодействия между людьми, бизнесом и государственными структурами. Это в свою очередь влияет и на отношение к качеству систем финансового учета и отчетности. В рамках данного подхода проявляется значительный интерес к взаимосвязи нефинансовой отчетности с микрополитическими изменениями в обществе [7, 8]. Актуальным вопросом для исследования остается: что же является социальной ответственностью бизнеса?

Теории, критикующие социально-экономические отношения, лежащие в основе систем нефинансовой отчетности. Существующая капиталистическая система привела мир на порог экологической и социальной катастрофы, поэтому менять нужно саму систему с ее технократическим подходом к природе и обществу. То, что системы нефинансовой отчетности будут способствовать интеграции целей устойчивого развития в бизнес, является лишь гипотезой, еще не прошедшей проверки временем и хозяйственной практикой. Нефинансовая отчетность, базирующаяся на капиталистических отношениях с тенденцией к максимизации прибыли и увеличению социального неравенства, не может способствовать учету экологической и социальной составляющей, разве что декларативно. Фокус исследования переносится на пересмотр нормативно-правовой базы на основе прогрессивных учетных практик в тесной взаимосвязи с совершенствованием социально-экономических отношений, а также на пересмотр смысла успеха для бизнеса [9]. В еще более радикальных теориях и сам термин «устойчивое развитие» (и построенная на его основе одноименная концепция) считается идеологемой, эксплуатирующей экологическую проблематику

в замысле по установлению нового мирового порядка [10]².

Подход, интегрирующий устойчивое развитие в бизнес. В рамках данного подхода предполагается, что следование индикаторам систем нефинансового учета и отчетности позволит бизнесу пошагово приближаться к принципам устойчивого развития. Основное внимание исследователей уделяется интеграции устойчивого развития в практику бизнес-организаций таким образом, чтобы их руководители были сами заинтересованы в реализации его принципов и целей. Поскольку у систем нефинансовой отчетности тоже есть свои ограничения, необходимо изучать перспективы учета и отчетности в контексте неустойчивого развития современной мировой системы [11, 12].

Подводя итог, отметим следующее: несмотря на то, что за последнее десятилетие достигнут большой прогресс в исследованиях систем нефинансовой отчетности и они постепенно интегрируются в бизнес-практику, еще существует большой потенциал для совершенствований и согласования дискуSSIONНЫХ вопросов.

Современные тенденции в области нефинансового учета и отчетности. В последние десятилетия был предпринят ряд важных документов в сфере устойчивого развития: 1) вступление в силу Повестки дня до 2030 г. ООН (определяет 17 целей устойчивого развития, ЦУР); 2) подписание Парижского соглашения об изменении климата, нацеленного на снижение рисков от изменения климата. Перед исследовательской группой G20 по экологическим финансам (G20 Green Finance Study Group) поставлена задача внести вклад в приведение международной финансовой системы в соответствие с целями указанных документов.

В 2009 г. была запущена инициатива ООН «Устойчивые фондовые биржи» (UN Sustainable Stock Exchange, SSE), являющаяся глобальной платформой по изучению эффективности сотрудничества бирж с инвесторами, бизнес-организациями, международными организациями и руководящими структурами в области ESG. SSE поддерживает базу данных всех руководящих документов, предоставляемых фондовыми биржами для компаний, котирующихся на бирже, чтобы другие фондовые биржи могли изучать имеющийся опыт. В 2019 г. вышел первый нефинансовый отчет Московской фондовой биржи, подготовленный для широкой общественности. По данным 2024 г. 121 фондовая биржа (с 63941 компанией) публикует норма-

тивные документы по нефинансовой отчетности. В данном списке Белорусской фондовой биржи нет.

В 2018 г. в России была запущена программа по продвижению ЦУР (E+Change). Исследование 2022 г. свидетельствует, что в настоящее время компании больше всего имплементировали в свои проекты ЦУР 12 «Ответственное потребление и производство», поскольку в наибольшей степени уделяют внимание маркетингу и коммуникациям с потребителями [13, с. 99].

В настоящее время под влиянием геополитических событий возросла роль национальных факторов: рост требований и ожиданий государства от бизнеса, внедрение наилучших доступных технологий, реализация национального проекта «Экология» в России (2019–2024), реализация ряда всеобъемлющих государственных программ (2021–2025) в Беларуси [14]. Происходит переосмысление ESG-повестки (остаются актуальными ESG-рейтинги как инструмент оценки инвестиционной привлекательности компаний), фокус внимания смещается к инвесторам из стран Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона. В то же время не прекращается дискуссия о потенциальных финансовых выгодах для бизнес-организаций от открытия доступа к нефинансовым данным.

Стандарты нефинансовой отчетности. GRI (стандарт Глобальной инициативы по отчетности). Признанным стандартом в области международной стандартизации отчетности по устойчивому развитию является стандарт GRI G4, где G4 — это последнее поколение Руководства по отчетности в области устойчивого развития. В настоящее время GRI имеет модульные стандарты: три универсальных (GRI 101 «Основные стандарты», GRI 102 «Общие показатели отчетности», GRI 103 «Подход в области менеджмента») и 33 специфических, сгруппированных по сериям: экономические, экологические и социальные. Модульность стандартов дает возможность компаниям выбирать глубину раскрытия нефинансовой информации.

SASB (Стандарты в области устойчивого развития) используются с 2011 г., в основном компаниями США, акции которых котируются на американских фондовых биржах. Они предназначены для стандартизации раскрытия информации по вопросам устойчивого развития в 77 сферах народного хозяйства и для помощи компаниям по раскрытию существенных рисков и возможностей в области ESG для своих инвесторов. Исследовательская группа SASB проводит тщательный ана-

² Сегодня термин «новый мировой порядок» стал очень популярен среди политиков, экономистов, журналистов. Предположительно, термин появился в 1928 г. и его авторство, или по крайней мере популяризация, принадлежит члену фабианского общества, директору британской разведки времен Первой мировой войны, писателю Герберту Уэллсу, который призывал к его созданию в своих книгах «Новый мировой порядок» (1940), «Открытый заговор» (1933). «Открытый заговор» можно назвать манифестом, программным документом реализации нового мирового порядка.

лиз каждой отрасли с целью выявления наиболее актуальных аспектов устойчивого развития, которые должны быть отражены в стандартах. Затем стандарты детально разрабатываются для каждой проблемной области, рассматриваются отраслевой рабочей группой и Комитетом по технической экспертизе, прежде чем быть открытыми для общественного обсуждения. Нефинансовая информация отражается в формах 10-K, 20-F, 40-F в соответствии с законодательством США. Компании могут использовать стандарты SASB для представления отчетов о своей деятельности. Стандарты SASB являются добровольными, но все большее число компаний их используют, чтобы продемонстрировать свою приверженность принципам устойчивого развития и обеспечить прозрачность для инвесторов и заинтересованных сторон.

Стандарты GRI и SASB являются совместимыми. Они разработаны для достижения разных целей и основаны на разных подходах. Стандарты SASB сосредоточены на вопросах устойчивого развития, которые, скорее всего, повлияют на принятие решений инвесторами. Стандарты GRI фокусируются на экономическом, экологическом и социальном воздействии компании на устойчивое развитие, что представляет интерес для широкого круга заинтересованных сторон.

AA1000 являются стандартами управления для проведения нефинансового аудита и ведения отчетности (всего их три — AA1000AP, AA1000SES, AA1000ASv3). Стандарты AA1000 оказывают влияние на продвижение крупномасштабных, комплексных и целенаправленных изменений в ESG.

ISO. Стандарты ISO признаются экспертами на международном уровне и являются своего рода инструкцией по наилучшему способу выполнения какой-либо хозяйственной деятельности. Спектр деятельности широк — производство продуктов, управление процессами, поставки материалов и т. д. Для стратегического подхода к решению экологических проблем применяется стандарт ISO14001, устанавливающий критерии для системы экологического менеджмента. Вместе с набором сопроводительных документов он образует семейство стандартов ISO 14000. Они являются признанными лидерами в области экологии. Для организаций, которые заботятся о снижении рисков на рабочем месте и создании лучших и безопасных условий труда, существует стандарт ISO45001. Применимый ко всем типам производителей стандарт ISO22000 помогает организациям выявить и контролировать риски, связанные с безопасностью пищевых продуктов в рамках глобальной цепочки поставок продуктов питания. Применяется совместно с другими стандартами ISO по управлению, такими как ISO9001. Опубликованный в 2010 г. стандарт

ISO26000 является практическим руководством по ведению социально ответственного бизнеса. Он содержит определение и принципы социальной ответственности и детальные инструкции по их реализации.

Резюмируем: в последние годы растет количество стандартов и руководств по нефинансовому учету и отчетности. Международным лидером продолжает оставаться GRI, поскольку сочетает в себе не только учетные, но и аналитические функции, развивает сотрудничество с другими системами нефинансовой отчетности в области устойчивого развития.

Развитие ESG-инфраструктуры в Республике Беларусь с учетом российского опыта. В Республике Беларусь создана структура по достижению целей устойчивого развития на макроуровне: создан Совет по устойчивому развитию, назначен национальный координатор, разработаны национальные программы и нормативно-правовая база. Однако на микроуровне еще не получили должного развития механизмы вовлечения хозяйствующих субъектов в процессы устойчивого развития. Предполагается, что создание соответствующей инфраструктуры повысит инвестиционную привлекательность субъектов хозяйствования и обеспечит им доступ к «зеленому» финансированию. Потребность в нем в госсекторе составляет порядка 17 млрд бел. руб. на период 2021–2025 гг. [15, с. 30]. Развитие «зеленого» финансирования требует построения в стране соответствующей инфраструктуры ESG. Есть исследователи, работающие в данном направлении. В работе [16, с. 51] предлагается модель инфраструктуры ESG для управления устойчивым развитием в Республике Беларусь на основе ведения нефинансовой отчетности и получения ESG-рейтинга.

Изменение геополитической обстановки привело к приостановке сотрудничества Беларуси с международными организациями в области устойчивого развития. В плане инвестиций интерес переместился на рынки ЕАЭС и Азиатско-Тихоокеанского региона. Рынки России, Казахстана, Китая и ОАЭ видятся наиболее перспективными для Беларуси.

Для привлечения «зеленого» финансирования хозяйствующим субъектам требуется продемонстрировать приверженность целям устойчивого развития с помощью нефинансовой отчетности. Работа над созданием нормативно-правовой базы в этом направлении в Беларуси уже ведется. Одной из целей подпрограммы 6 «Регулирование бухгалтерского учета, отчетности и аудита в корпоративном секторе» (часть госпрограммы «Управление государственными финансами и регулирование финансового рынка» на 2020 год

и на период до 2025 года» (Постановление Совета Министров РБ от 12 марта 2020 г. № 143)) является развитие системы нефинансовой отчетности в корпоративном секторе.

Если говорить о рейтинговой деятельности, то в Беларуси она недостаточно развита. Регулятором рейтинговой деятельности выступает Национальный банк [17]. Регулирование ESG-рейтингов вовсе отсутствует, что связано в первую очередь с отсутствием нефинансовой отчетности как базы их становления.

Российский опыт развития ESG-практик интересен для Беларуси по ряду причин: идут активные интеграционные процессы в рамках союзного государства, приостановлено сотрудничество в обеих странах с рядом международных инициатив в связи с геополитической ситуацией, Россия имеет развитые практики в области нефинансовой отчетности, достаточно развитую ESG-инфраструктуру, национальные рейтинговые агентства, успешно развиваются национальные стандарты и их методология [18]. Важно и то, что в России государство является ключевой движущей силой в масштабировании ESG-повестки.

Законодательное утверждение нефинансовой отчетности в России было осуществлено распоряжением Правительства РФ от 05.05.2017 г. № 876-р (Концепция развития публичной нефинансовой отчетности и План мероприятий³ по ее реализации), проект Федерального закона «О публичной нефинансовой отчетности». Документами, регламентирующими структуру отчетности, выступают международные стандарты GRI, SASB, др., а также Информационное письмо Банка России от 12.07.2021 о рекомендациях по раскрытию публичными АО нефинансовой информации, Информационное письмо Банка России участникам финансового рынка от 30.06.2023 о рекомендациях по разработке методологии и присвоению ESG-рейтингов. В России идет формирование национального Регистра нефинансовых отчетов (Российский союз промышленников и предпринимателей, РСПП). РСПП также является и консультационным органом, наряду с консалтинговыми организациями и Центром устойчивого развития «Сколково». Нефинансовая отчетность верифицируется РСПП и аудиторскими организациями.

Как видно, нормативные и методические документы, биржевые регулирующие документы

мотивируют бизнес предоставлять нефинансовую отчетность, что, предполагается, повысит имидж и инвестиционную привлекательность компаний. Беларуси рекомендуется использовать опыт России для построения национальной ESG-инфраструктуры.

Результаты и обсуждение. Мировой тенденцией является то, что все больше организаций начинают публиковать свою нефинансовую отчетность, демонстрируя приверженность (формальную или реальную) принципам устойчивого развития. Более того, от статуса добровольной нефинансовой отчетности переходит к статусу обязательной. Представляется, что когда будут устранены методологические пробелы, разработана и унифицирована нормативно-правовая база на международном уровне, предоставление нефинансовой отчетности станет обязательным для всех организаций.

Существуют разные подходы к оценке такого явления, как добровольная нефинансовая отчетность. Каковы будут подходы к сбору, анализу и, главное, использованию данных в сфере устойчивого развития? Как этими данными воспользуются конкуренты? Не приведет ли раскрытие нефинансовой информации (в которую заложено немало и финансовой) к недружественным слияниям и поглощениям компаний? Что будет с социально значимыми, градообразующими предприятиями, получившими низкий ESG-рейтинг? В связи с цифровизацией экономики будет ли нефинансовая отчетность предоставляться в режиме реального времени?..

Выражая субъективную авторскую позицию, хотелось бы отметить приверженность теории, критикующей социально-экономические отношения, лежащие в основе систем нефинансовой отчетности (см. четыре подхода к системам нефинансовой отчетности выше). С одной стороны, забота об окружающей среде, социальная ответственность и качественное управление компанией — это очень благородная задача. С другой стороны, ими могут быть прикрыты неблагоприятные цели. Вполне возможно, что со временем мы увидим, что окружающая среда и социальная ответственность бизнеса окажутся эксплуатируемыми темами в рамках установления единого нового мирового порядка, в котором национальные государства перестанут играть свою суверенную роль, постепенно пере-

³ С 2023 г. начался четвертый этап Плана мероприятий, в рамках которого планируется распространить требование публикации публичных нефинансовых отчетов на 500 крупнейших российских компаний, объем выручки которых соответствует критериям ведущих российских рейтингов (см. Распоряжение).

дав свои функции субгосударственным («большому» бизнесу/транснациональным корпорациям⁴) и надгосударственным акторам (в лице региональных союзов и наднациональных институтов (ООН, МВФ, Всемирный банк, ВТО и др.) через постепенную стандартизацию и унификацию законодательства, введения обязательной нефинансовой, а затем и финансовой отчетности, и пр. Есть ряд исследований, утверждающих, что именно таким путем и будет постепенно теряться национальный суверенитет [19].

Более того, любая система рейтингов, будь то ESG-рейтинги или любые другие, не может быть совершенна и объективна. Очень сложно свести множество разнородной, разнонаправленной количественной и качественной информации в одну точку (индекс, рейтинг). Если немного поменять методику, веса того или иного показателя — и результат уже будет другим. Например, в статье [20] анализируется методика Всемирного банка по формированию показателей эффективности государственного управления. Показывается, как все индексы, публикуемые Всемирным банком, «грешат» сдвигом весовых коэффициентов в пользу бизнеса и рынка. Также не все факторы учитываются в индексах или, наоборот, они могут быть «загружены» дополнительными измерениями в пользу определенных стейкхолдеров.

В работе [21] изучаются исторические истоки иностранной помощи и на эмпирических данных показывается, как происходит ее распреде-

ление (аналогично потенциальному «зеленому» финансированию) при помощи все тех же рейтингов. Одни доноры (инвесторы) действительно заботились о потребностях стран-получателей иностранной помощи. Другие доноры, обычно более крупные, использовали рейтинги при распределении иностранной помощи в качестве инструмента внешней и коммерческой политики, направленной на достижение ряда политических, стратегических, экономических, а также и подлинно гуманитарных целей. То есть личная заинтересованность была неизменной чертой отношений между донорами и получателями помощи.

Данные ремарки не имеют прямого отношения к тематике настоящей статьи, но опосредованно обращают внимание на то, а что если и ESG-рейтинги (или иные другие рейтинги в контексте устойчивого развития) будут «грешить» в пользу тех или иных заинтересованных сторон?

Поскольку существует ряд дискуссионных вопросов, вопрос национального суверенитета является очень чувствительным, представляется целесообразным развивать ESG-практики, но остановиться на добровольной нефинансовой отчетности. Проверка временем и хозяйственной практикой покажет, насколько ESG-практики эффективны в плане решения экологических и социальных вопросов и насколько легко организации будут получать доступ к «зеленому» финансированию, различные потенциально обещанные льготы и преференции со стороны государства и инвесторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бояров А. Д. Инструментарий корпоративного управления: корпоративная социальная ответственность и устойчивое развитие компании // Российское предпринимательство. 2009. № 7 (1). С. 41–45.
2. Завьялова Е. Б. Корпоративная социальная ответственность: эволюция подходов и идей // Финансовый бизнес. 2018. № 2. С. 26–31.
3. Башкатов В. В., Быкова Ю. В., Глотова М. А. Сущность финансовой и нефинансовой отчетности // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 36 (4). С. 287–292. DOI: 10.24412/2309–4788–2021–11312.
4. Сенаторова Е. А. Нефинансовая отчетность: международный опыт, российская практика // Корпоративные финансы. 2018. № 3. Т. 12. С. 81–92.
5. Lehman G., Kuruppu S. C. A framework for social and environmental accounting research // Accounting Forum. 2017. № 41 (3). Pp. 139–146. DOI: 10.1016/j. accfor. 2017.07.001.
6. Gray R. Reading for displeasure: Why bother with social accounting at all? // Social and Environmental Accountability Journal. 2016. № 36 (2). Pp. 153–161. DOI: 10.1080/0969160X. 2016.1197625.

⁴ Имея свои активы более чем в одной стране, они могут выбирать среди множества альтернативных расположений, что дает им преимущество в отношениях с правительствами и позволяет добиваться от них ряда уступок в виде налоговых льгот и отступлений от требований законодательства. Кроме того, ТНК регулярно используют свои средства и опыт для влияния на государственное законодательство и нормативные акты посредством лоббирования собственных интересов. Их бизнес-стратегия определяется централизованно в штаб-квартире, независимо от потребностей отдельных стран или последствий принятых в этих странах решений. Иными словами, «большой» бизнес очень влиятелен, в том числе в политических процессах, и может манипулировать там, где появляется прибыль, и там, где они платят налоги.

7. Lehman G. The language of environmental and social accounting research: The expression of beauty and truth // *Critical Perspectives on Accounting*. 2017. № 44. Pp. 30–41. DOI: 10.1016/j.cpa.2016.11.005.
8. Walker S. P. Revisiting the roles of accounting in society // *Accounting, Organizations and Society*. 2016. № 49. Pp. 41–50. DOI: 10.1016/j.aos.2015.11.007.
9. Milne M. J., Gray R. H. W (h)ither ecology? The triple bottom line, the global reporting initiative, and corporate sustainability reporting // *Journal of Business Ethics*. 2013. № 118 (1). Pp. 13–29. DOI: 10.1007/s10551-012-1543-8.
10. Павленко В. Б. Институциональные аспекты глобального управления политическими процессами: дис. ... д-ра полит. наук. 23.00.02 / Гос. гос. социал. ун-т. М., 2008.
11. Brown J., Dillard J. Opening accounting to critical scrutiny: Towards dialogic accounting for policy analysis and democracy // *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. 2015. № 17 (3). Pp. 247–268. DOI: 10.1080/13876988.2014.989684.
12. Higgins C., Coffey B. Improving how sustainability reports drive change: A critical discourse analysis // *Journal of Cleaner Production*. 2016. № 136 (Pt. A). Pp. 18–29. DOI: 10.1016/j.jclepro.2016.01.101.
13. Как соответствовать лучшим практикам устойчивого развития. Руководство для эмитента. МОЕХ: Московская биржа. URL: <https://fs.moex.com/f/16010/mosbirzha-esg-rus-book-1012.pdf> (дата обращения: 11.05.2024).
14. Перечень государственных программ на 2021–2025 годы. Министерство экономики Республики Беларусь. URL: <https://economy.gov.by/ru/gos-progr-2021-25-ru/> (дата обращения: 11.05.2024).
15. Шушкевич А. «Зеленое» и устойчивое финансирование как перспективный механизм привлечения иностранных инвестиций в Республике Беларусь // *Банковский вестник*. 2022. № 3. С. 24–35.
16. Грузневич Е. Управление устойчивым развитием Республики Беларусь на основе инфраструктуры ESG // *Банковский вестник*. 2023. № 9. С. 46–55.
17. Веренько Н., Гришанкова С., Каменков А. Практические аспекты системы представления и раскрытия информации в ESG-сфере: экосистемный подход // *Банковский вестник*. 2023. № 10. С. 39–51.
18. Санникова И. Н., Семиколонова М. Н. Нефинансовая отчетность: практика формирования и мониторинга ESG-данных // *Экономика Профессия Бизнес*. 2024. № 1. С. 64–71. DOI: 10.14258/epb202409.
19. Keck M., Sikkink K. Transnational advocacy networks in international and regional politics // *International Social Science Journal*. 2018. № 68 (227–228). Pp. 65–76. DOI: 10.1111/issj.12187.
20. Alhanaqtah O., Alhanaqtah V. Governance indicators for strategic business decisions: diversity of Western Asian countries in terms of democracy // *Asian Economic and Financial Review*. 2018. Vol. 8 (3). Pp. 378–393. DOI: 10.18488/journal.aefr.2018.83.378.393.
21. Hjertholm P., White H. Survey of foreign aid: history, trends and allocation. 2000. URL: https://www.researchgate.net/publication/5161044_Survey_of_Foreign_Aid_History_Trends_and_Allocation (дата обращения: 11.05.2024).

REFERENCES

1. Boyarov A. D. Corporate governance tools: corporate social responsibility and sustainable development of the company. *Russian entrepreneurship*. 2009. No. 7 (1). Pp. 41–45.
2. Zav'yalova E. B. Corporate social responsibility: the evolution of approaches and ideas. *Financial business*. 2018. No. 2. Pp. 26–31.
3. Bashkatov V. V., Bykova Y. V., Glotova M. A. The essence of financial and non-financial reporting. *Natural sciences and humanities research*. 2021. No. 36 (4). Pp. 287–292. DOI: 10.24412/2309-4788-2021-11312.
4. Senatorova E. A. Non-financial reporting: international experience. *Russian practice. Corporate Finance*. 2018. No. 3. T. 12. Pp. 81–92.
5. Lehman G., Kuruppu S. C. A framework for social and environmental accounting research. *Accounting Forum*. 2017. No. 41 (3). Pp. 139–146. DOI: 10.1016/j.accfor.2017.07.001.
6. Gray R. Reading for displeasure: Why bother with social accounting at all? *Social and Environmental Accountability Journal*. 2016. No. 36 (2). Pp. 153–161. DOI: 10.1080/0969160X.2016.1197625.
7. Lehman G. The language of environmental and social accounting research: The expression of beauty and truth. *Critical Perspectives on Accounting*. 2017. No. 44. Pp. 30–41. DOI: 10.1016/j.cpa.2016.11.005.
8. Walker S. P. Revisiting the roles of accounting in society. *Accounting, Organizations and Society*. 2016. No. 49. Pp. 41–50. DOI: 10.1016/j.aos.2015.11.007.

9. Milne M. J., Gray R. H. W. (h) ither ecology? The triple bottom line, the global reporting initiative, and corporate sustainability reporting. *Journal of Business Ethics*. 2013. No. 118 (1). Pp. 13–29. DOI: 10.1007/s10551-012-1543-8.
10. Pavlenko V. B. Institutional aspects of global management of political processes: dis. ... Dr. polit. sciences. 23.00.02 / Gos. gos. social. un-t. Moscow, 2008.
11. Brown J., Dillard J. Opening accounting to critical scrutiny: Towards dialogic accounting for policy analysis and democracy. *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. 2015. No. 17 (3). Pp. 247–268. DOI: 10.1080/13876988.2014.989684.
12. Higgins C., Coffey B. Improving how sustainability reports drive change: A critical discourse analysis. *Journal of Cleaner Production*. 2016. No. 136 (Pt. A). Pp. 18–29. DOI: 10.1016/j.jclepro. 2016.01.101.
13. How to comply with the best practices of sustainable development. A guide for the issuer. MOEX: Moscow Stock Exchange. URL: <https://fs.moex.com/f/16010/mosbirzha-esg-rus-book-1012.pdf> (date of access: 11.05.2024).
14. The list of government programs for 2021–2025. Ministry of Economy of the Republic of Belarus. URL: <https://economy.gov.by/ru/gos-progr-2021-25-ru/> (date of access: 11.05.2024).
15. Shushkevich A. «Green» and sustainable financing as a promising mechanism for attracting foreign investment in the Republic of Belarus. *Banking Bulletin*. 2022. No. 3. Pp. 24–35.
16. Gruznevich E. Sustainable Development management of the Republic of Belarus based on ESG infrastructure. *Banking Bulletin*. 2023. No. 9. Pp. 46–55.
17. Veren'ko N., Grishankova S., Kamenkov A. Practical aspects of the system of presentation and disclosure of information in the ESG sphere: an ecosystem approach. *Banking Bulletin*. 2023. No. 10. Pp. 39–51.
18. Sannikova I. N., Semikolenova M. N. Non-financial reporting: the practice of generating and monitoring ESG data. *Economics Profession Business*. 2024. No. 1. Pp. 64–71. DOI: 10.14258/epb202409.
19. Keck M., Sikkink K. Transnational advocacy networks in international and regional politics. *International Social Science Journal*. 2018. No. 68 (227–228). Pp. 65–76. DOI: 10.1111/issj. 12187.
20. Alhanaqtah O., Alhanaqtah V. Governance indicators for strategic business decisions: diversity of Western Asian countries in terms of democracy. *Asian Economic and Financial Review*. 2018. Vol. 8 (3). Pp. 378–393. DOI: 10.18488/journal. aefr. 2018.83.378.393.
21. Hjertholm P., White H. Survey of foreign aid: history, trends and allocation. 2000. URL: https://www.researchgate.net/publication/5161044_Survey_of_Foreign_Aid_History_Trends_and_Allocation (date of access: 11.05.2024).

Поступила в редакцию: 07.06.2024.

Принята к печати: 10.07.2024.

УДК 332.122:502.131.1

DOI 10.14258/epb202434

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОВЕСТКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

С. А. Гальченко¹, О. В. Ильинова²

¹Курский государственный университет (Курск, Россия)

²Автономная некоммерческая организация «Центр «Мой бизнес» Курской области» (Курск, Россия)

В последнее время тренды организационной айдентики все чаще создаются на основе принципов устойчивого развития, баланса интересов заинтересованных сторон, элементов «зеленой экономики». Направления модного тренда, безусловно, полезны и значимы для любой социально-экономической системы. В свою очередь, представители корпоративного управления осознали, что долгосрочный успех в бизнесе основан на установлении и развитии хороших отношений с широким кругом заинтересованных сторон. В последние десятилетия все чаще упоминаются цели устойчивого развития ООН и появилось впечатляющее количество литературы по этой теме. Руководители организаций понимают, что участие в решении проблем устойчивого развития приносит пользу компаниям, окружающей среде и обществу в целом.

В статье показано, что ответственное управление и устойчивый менеджмент представляют собой многомерные концепции, которые охватывают не только экономические аспекты, но также социальные и экологические составляющие. Перечисленные направления предполагают широкий спектр обязанностей, возложенных на различных участников, таких как правительство, транснациональные корпорации или небольшие компании. Кроме того, вышесказанное свидетельствует о том, что ответственное управление способствует устойчивому развитию множеством способов.

Ключевые слова: устойчивое развитие, ESG, предпринимательские структуры, индекс устойчивого развития, цели устойчивого развития.

SOME ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE SUSTAINABLE AGENDA OF THE REGION

S. A. Galchenko¹, O. V. Ilyinova²

¹Kursk State University (Kursk, Russia)

²Autonomous non-profit Organization «Center «My Business» of the Kursk Region» (Kursk, Russia)

Currently, social responsibility, sustainable development of organizations, constructive interaction with stakeholders, which include: employees, customers, business partners, investors, shareholders, government, communities and the environment. Recently, corporate governance representatives have realized that long-term business success is based on establishing and developing good relationships with a wide range of stakeholders. In recent decades, the UN Sustainable Development Goals have been increasingly mentioned and an impressive amount of literature on this topic has appeared. Heads of organizations are increasingly realizing that participation in solving sustainable development issues benefits companies, the environment and society as a whole.

The article shows that responsible management and sustainable management are multidimensional concepts that cover not only economic aspects, but also social and environmental components. These areas involve a wide range of responsibilities assigned to various actors, such as the Government, multinational corporations or small companies. In addition, it shows that responsible management contributes to sustainable development in many ways.

Keywords: sustainable development, ESG, business structures, sustainable development index, sustainable development goals.

Введение. В последние десятилетия распространяется такая специфическая концепция, как устойчивость, устойчивое развитие, со-

блюдение повестки устойчивого развития, следование целям устойчивого развития. Все данные направления лаконично вписываются как в основные,

так и в обеспечивающие, вспомогательные и иные бизнес-процессы организации. Устойчивая повестка пронизывает следующие направления организационной деятельности: основное производство и система управления качеством, HR-бренд, корпоративная культура, маркетинг и уникальное торговое предложение, концепция взаимодействия с внешними стейкхолдерами и многие другие.

Цель статьи — представить на основе расширенного обзора источников систему ответственного управления и устойчивого развития, показать их взаимосвязь и влияние на региональные предпринимательские структуры. Для достижения цели авторами использованы теоретические и эмпирические методы: компаративный анализ, системный анализ и синтез, обобщение и аналитический метод, контент-анализ, веб-серфинг.

Поскольку коммерческие организации составляют важную часть сообществ, в которых они работают, заинтересованные стороны ожидают, что товары, услуги и процессы будут отражать социально и экологически ответственное деловое поведение. Именно поэтому на корпоративном уровне изменилась концепция в направлении того, что долгосрочный успех в бизнесе основан на установлении и развитии хороших отношений с широким кругом заинтересованных сторон.

Часто встречается мнение о том, что ответственное управление предполагает моральную свободу действий и осознание того, что мы формируем свою жизнь вместе с другими участниками системы [1–4]. Высшее руководство все больше понимает, что участие в решении вопросов устойчивого развития приносит пользу компаниям, окружающей среде и обществу в целом. Фактически устойчивое развитие предполагает участие различных заинтересованных сторон и точек зрения, в идеале — согласование идентичных, а иногда и противоположных ценностей и целей для нового синтеза и последующей координации совместных действий для достижения обеих ценностей одновременно и даже синергетически.

Перспективы устойчивого развития в регионах РФ. Рассмотрев международную повестку в области устойчивого развития, проанализируем деятельность регионов РФ, их вклад в соблюдение повестки и показатели ЦУР.

В регионах РФ развитие направлений устойчивости осуществляется в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [5], Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [6], а также Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. [7].

Анализируя результаты бюллетеня Счетной палаты Российской Федерации за 2023 г. [8], можно сделать вывод о том, что интеграция положений федеральных документов стратегического планирования в региональные документы показала следующее: стратегии субъектов Российской Федерации в значительной степени ориентированы на достижение национальных целей. Вместе с тем в анализируемых региональных стратегиях выявлены случаи необходимости более полного отражения задач ряда национальных приоритетов, обозначенных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [6].

Согласно результатам опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), лишь 5% респондентов ответили, что хорошо знакомы с такими понятиями, как «цели устойчивого развития ООН» и аббревиатурой «ESG». Это свидетельствует о необходимости более активного информирования и просвещения населения по вопросам устойчивого развития, экологической, социальной и корпоративной ответственности (рис. 1) [9]. В целом в обществе на низком уровне сформирована ценность социальной ответственности, низкий уровень осведомленности о целях устойчивого развития и следования данным ориентирам. Целесообразно формировать культуру социальной ответственности и устойчивого развития на локальном уровне, путем встраивания компонентов ЦУР в корпоративную культуру коммерческих структур, то есть хозяйствующих субъектов.

Рис. 1. Результаты исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения по вопросу информированности населения о ЦУР

Представим модель присутствия в регионе системы ESG и принципов устойчивого развития (рис. 2). Отметим, что взаимосвязь компонентов экономической, социальной и экологической подсистем реализуется в локальной системе социально-экономического развития региона, данную точку зрения разделяют многие исследователи [10, 11]. Межподсистемное взаимодействие способствует появле-

нию синергетического эффекта, что благоприятно сказывается на реализации повестки устойчивого развития. Поскольку каждый регион не обособлен, а существует в межрегиональной, всероссийской и мировой коллаборации, то на функционирование региональной социально-экономической системы оказывают влияние составляющие четыре И: инфраструктура, инвестиции, инновации, институты.

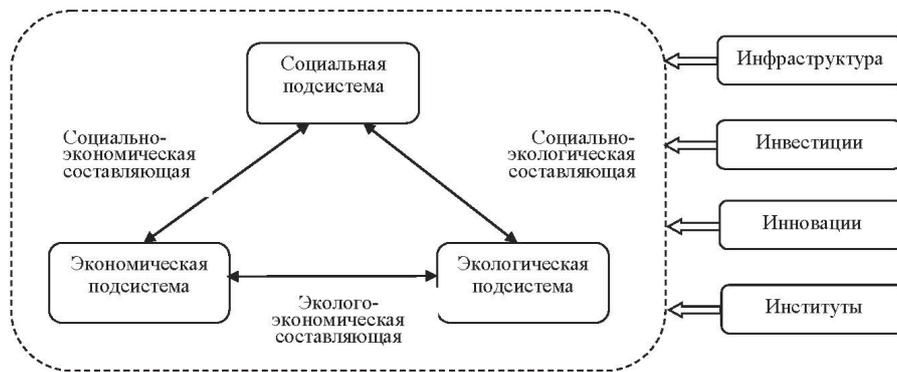

Рис. 2. Модель присутствия в регионе системы ESG

Изучив тенденции устойчивого развития российских регионов, выявлено два основных направления: традиционное и современное. Традиционное направление основано на принципах

социальной ответственности, как внешней, так и внутренней. Современное направление устойчивого развития содержит принципы повестки и некоторые элементы следования ЦУР (табл. 1).

Таблица 1

Тенденции устойчивого развития российских регионов

Традиционные	Современные
Изменение экономического ландшафта	Использование ESG-принципов в региональном и муниципальном управлении
Развитие ответственного инвестирования на принципах ESG	Рейтинг регионов как инструмент регулирования устойчивого развития
Углеродное регулирование	Устойчивое развитие на принципах ESG как платформа для внешнеэкономической деятельности регионов
Цифровизация устойчивого развития и ESG-трансформаций	Развитие системы здравоохранения и образования

Источник: составлено автором.

Следует отметить, что концепция устойчивого развития региона разработана не у всех субъектов федерации, это свидетельствует об отставании территорий в следовании современным трендам.

Целесообразно программу развития региона выстраивать в концепте государственной и межрегиональной программы, которые в свою очередь следуют международным тенденциям. В этой связи программы устойчивого развития коммерческих структур региона (хозяйствующих субъектов) будут ориентированы на региональную и государственную программу. При соблюдении такого алгоритма велика вероятность получения коммулятивного эффекта, то есть усилиями от-

дельных элементов системы будет получен больший результат и рост индекса устойчивого развития страны.

Анализ и перспективы устойчивого развития в Курской области. Рассмотрим региональный аспект политики в области устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности на примере Курской области. Следует отметить, что Курская область имеет существенный производственно-экономический потенциал. За первый квартал 2024 г. его рост составил 108,1% при общероссийском показателе в 105,6%. В регионе активно ведется работа по развитию предпринимательства, в том числе малого и среднего.

В Курской области отсутствует централизованная программа устойчивого развития, также не встречаются показатели ESG повестки региона в большинстве докладов и отчетов, но следует отметить, что направления устойчивого развития региона отражены в Стратегии социально-экономического развития Курской области до 2030 г. [12]. А сам документ разработан под девизом «Регион, в котором хочется жить», что явно свидетельствует о следовании социальным приоритетам.

Принципы устойчивого развития также прослеживаются в следующем описании региона: «Курская область — край контрастов, место, где мир невероятной природы переплетается с историей долгих лет отваги и героизма. Это не только место, где расположено крупнейшее мировое месторождение железа и эталонного чернозема с невероятно плодородны-

ми и красивыми лугами, но и колыбель великих лириков, символизирующая несокрушимый дух и величие. Здесь возводится самая передовая атомная электростанция, а также зарождаются новаторские кластеры, формирующие регион в центр инноваций» — фрагмент описания региона из презентации Правительства Курской области в рамках подготовки выставочного стенда для участия в международной выставке-форуме «Россия» [13].

По итогам анализа ренкинга регионов РФ в рамках Экологического кластера за 2023 г. лидером является Республика Марий Эл, на втором месте — Курская область, на третьем — Орловская область [14, 15]. Комплексная оценка в ренкинге основывалась на четырех кластерах: институциональном, экологическом, экономическом и социальном (рис. 3).

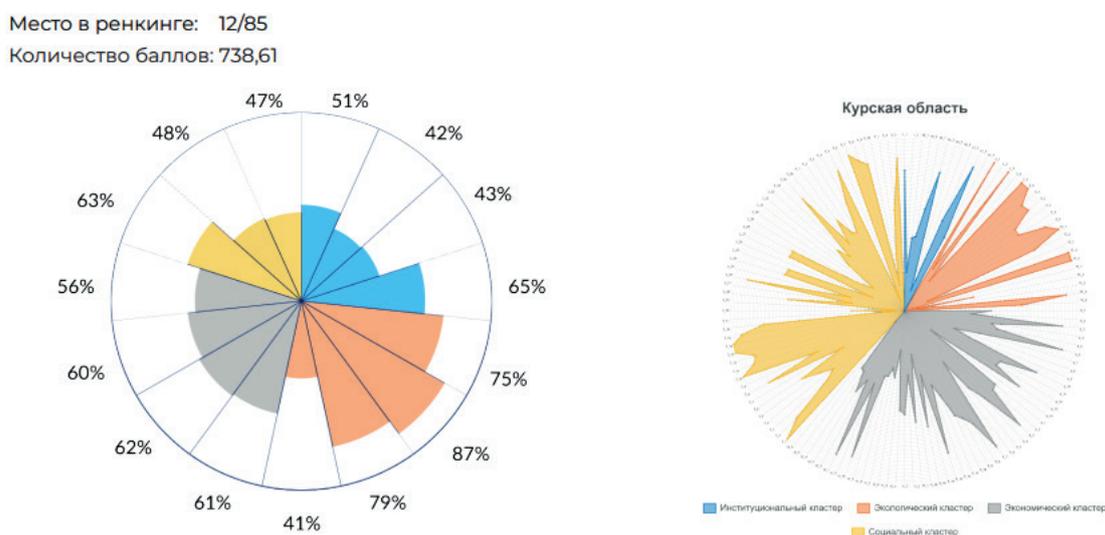

Рис. 3. Графическое представление достижений ЦУР в Курской области по всем кластерам и показателям в ренкинге 2023 г.

При исследовании структуры устойчивого развития и соблюдения ЦУР ООН в Курской области не выявлено аккумулированной информации об ориентирах конкретных организаций в дан-

ном направлении. Исходя из этого нами проведен контент-анализ элементов устойчивого развития в Курской области (табл. 2).

Таблица 2

Контент-анализ элементов устойчивого развития коммерческих структур в Курской области в 2024 г.

Наименование организации	Сайт	+ / -				Баллы			
		Наличие концепции устойчивого развития	Наличие отчета об устойчивом развитии	ЦУР ООН	Взаимодействие с НКО	Экологические показатели	Социальные показатели	Экономические показатели	Система управления рисками
Металлоинвест	https://www.metalloinvest.com/	+	+	+	+	3	3	4	4
АПХ Мираторг	https://miratorg.ru/	+	+	-	+	1	1	3	3

Окончание таблицы 2

Наименование организации	Сайт	+/-				Баллы			
		Наличие концепции устойчивого развития	Наличие отчета об устойчивом развитии	ЦУР ООН	Взаимодействие с НКО	Экологические показатели	Социальные показатели	Экономические показатели	Система управления рисками
ГК Русагро	https://www.rusagrogroup.ru/ru/	+	+	+	+	4	4	2	4
РосэнергоАтом	https://rosenergoatom.ru/stations_projects/sayt-kurskoy-aes/	+	+	+	+	3	2	4	3
Продимекс	https://prodimex.ru/	+	-	-	+	1	1	1	0
Черкизово	https://cherkizovo-group.com/	+	+	+	+	3	3	2	3
Фармстандарт	https://pharmstd.ru/page_17.html	+	-	-	-	0	2	1	0
ГОТЭК	http://www.gotek.ru/	+	-	+	-	1	3	0	0
КОНТИ	http://www.konti.com/ru	+	-	+	+	2	3	2	0
Авиаавтоматика	https://www.aviaavtomatika.ru/	-	-	+	+	2	2	2	0
Курскрезинотехника	https://rubexgroup.ru/	+	-	-	+	0	2	2	2
Химволокно	https://www.kurskvolokno.ru/	-	+	+	-	2	2	3	2
Агропромкомплектация	https://www.apkholding.ru/	+	-	-	-	2	2	1	0
Эконива	https://ekoniva-apk.ru/	+	+	+	+	4	4	3	4

Источник: составлено автором.

При определении генеральной совокупности и единиц наблюдения, обладающих первичной информацией, проанализированы организации региона, оказывающие влияние на индекс промышленного производства и социально-экономическое развитие территории.

При формировании выборочной совокупности для исследования определены организации из различных областей отраслевой специализации региона: сельского хозяйства, производства продовольственных товаров, добывающей промышленности, фармацевтической отрасли, государственных организаций. Для анализа сделана выборка из 14 крупных организаций региона и проанализированы следующие показатели устойчивого развития: наличие концепции устойчивого развития, наличие отчета об устойчивом развитии, соблюдение ЦУР ООН, экологические, социальные, экономические показатели и система управления рисками. Информационным ресурсом для анализа послужили официальные сайты исследуемых организаций и открытые источники. При проведении качественной оценки показателей нефинансовой отчетности исследуемых организаций, использована методика контент-анализа и критерии после-

довательной балльной оценки, представленные в трудах И. Н. Санниковой [10; 16, с. 65]:

0 баллов — показатель не отражен в отчетности компании;

1 балл — показатель количественно определен;

2 балла — представлены итоги мониторинга показателя за ряд лет;

3 балла — отражена процедура сбора данных, указаны полнота раскрытия показателя в соответствии со стандартами GRI, SASB и Методическими рекомендациями Минэкономразвития;

4 балла — сформированы прогнозные значения показателя на среднесрочную или долгосрочную перспективу.

При анализе результатов контент-анализа элементов устойчивого развития коммерческих структур в Курской области подтвердилась общерегиональная тенденция в направлении закрытости и соответствия отдельным направлениям ЦУР, у ряда организаций они совсем отсутствуют. Большинство коммерческих структур ориентированы только лишь на внутреннюю социальную ответственность, в отношении организации внутренних бизнес-процессов и обеспечения сотрудников. Баланс интересов заинтересованных сторон пол-

ностью отсутствует. Незаслуженно малое внимание уделяется системе управления рисками, данное направление в условиях современных глобальных технологических сдвигов и кризисов очень актуально.

Поскольку в Курской области развит производственный сектор с уклоном в аграрное направление, то большинство организаций в своей деятельности стараются соответствовать выборочным ЦУР, разделяя их на основные и дополнительные:

1) Основные ЦУР ООН [17]: 2, 3, 8, 12, 13.

Данные цели ориентированы на обеспечение продовольственной безопасности, занятости для трудоспособного населения, развитие здоровьесберегающих технологий, рациональное отношение к потреблению и контроль изменения климата.

2) Дополнительные ЦУР ООН [17]: 4, 9, 11, 17.

Дополнительные цели направлены на развитие интеллектуальных способностей и инвестиций в обучение, инфраструктурное развитие, формирование и развитие устойчивой повестки во всех населенных пунктах, международное взаимодействие в направлении реализации ЦУР.

В настоящее время модель реализации стратегии устойчивого развития организации осуществляется путем самостоятельной инициативы, при возникновении необходимости в отчетах устойчивого развития и в ее включенности в данный процесс. Перечисленные обстоятельства обязывают организации составлять и популяризировать нефинансовую отчетность, в которой отражаются основные результаты финансово-экономической и социальной деятельности [16]. Данная модель носит закрытый характер и не соответствует региональным и национальным целям исполнения повестки.

Полученные результаты и их обсуждение.

Проанализировав тенденции устойчивого разви-

тия методом веб-серфинга, мы выявили безусловную значимость системы долгосрочного устойчивого развития региональных коммерческих структур в условиях современных глобальных технологических сдвигов и кризисов. На внутриорганизационном, региональном, всероссийском уровне, в регионах СНГ, на мировой арене ЦУР фундаментально важны как в среднесрочной, так и в долгосрочной перспективе. Следует отметить, что ЦУР напрямую коррелируют с популярной сегодня системой человекоцентричности и массовой уникальности. Бизнесу нужны высококвалифицированные специалисты, он не выживет без талантов и лидеров, а способность готовить таких лидеров становится сегодня ключевым конкурентным преимуществом. Этим талантам в обязательном случае нужны все направления ЦУР.

Согласимся с мнением С. Иванова [18], который утверждает, что для устойчивого существования в будущем бизнес-модели организаций должны удовлетворять трем обязательным критериям, которые называются созидательным лидерством или созидательным предпринимательством:

- 1) быть человекоцентричными;
- 2) быть мультикультурными;
- 3) быть социально ответственными.

В свою очередь, компетенция созидательного предпринимателя (созидательного лидера) основывается на следующих составляющих: эмпатия, образное мышление, самодисциплина, скромность в личном потреблении, способность любить себя, способность служить идее (что-то большее, чем деньги, ставить выше в своих целях).

Понимание ценности созидательного лидерства и созидательного предпринимательства формируется у многих современных руководителей крупных организаций, что дает возможность проникнуться устойчивой повесткой и соблюдать требования ЦУР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ESG в цифровом мире: вызовы и возможности / Технологии доверия и Skolkovo. Московская школа управления. URL: https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/71779f9b-9874-44a0-ab2a-a3ee0b9fdca2/ESG_FINAL.pdf/ (дата обращения: 23.04.2024).
2. Лось В. Возможно ли устойчивое развитие в турбулентном мире. URL: https://www.ng.ru/ideas/2023-08-22/7_8806_ideas.html/ (дата обращения: 23.04.2024).
3. Нарендра Моды. Вместе к общему будущему. URL: <https://rg.ru/2023/09/07/modi.html/> (дата обращения: 26.04.2024).
4. Ибрагимова З. А. Фундаментальные принципы устойчивого развития региона // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2024. № 1. С. 99–108.
5. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015/> (дата обращения: 10.05.2024).

6. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 23.04.2024).
7. Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: <https://www.mid.ru/upload/archive/59cc2d203768087f4432b40010d0acd1.pdf/> (дата обращения: 06.05.2024).
8. Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2023. №9. Устойчивое развитие регионов. 167 с.
9. Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/presentation/> (дата обращения: 23.04.2024).
10. Санникова И. Н., Дубина И. Н., Межов С. И. Формирование системы управления комплексными рисками устойчивого развития территорий: постановка и пути решения научно-исследовательской проблемы // Экономика Профессия Бизнес. 2023. №1. С. 81–89.
11. Белов В. И. Оценка устойчивого развития регионов России // Общество: политика, экономика, право. 2024. №1. С. 84–89.
12. Стратегия социально-экономического развития Курской области до 2030 года. URL: <https://kursk.ru/region/economu/page-114785/> (дата обращения: 03.05.2024).
13. Презентация агентства «Лира» «Курская область: концепция экспозиции Курской области на форуме «Россия». 2023. 40 с.
14. Отчет об устойчивом развитии 2023. URL: <https://dashboards.sdindex.org/chapters/> (дата обращения: 26.04.2024).
15. Региональные отчеты по достижению ЦУР 2023. URL: <https://ranking.mgimo.ru/report2023/> (дата обращения: 06.05.2024).
16. Санникова И. Н., Семиколонова М. Н. Нефинансовая отчетность: практика формирования и мониторинга ESG-данных // Экономика Профессия Бизнес. 2024. №1. С. 64–71.
17. Официальный сайт ООН. Цели в области устойчивого развития URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 26.04.2024).
18. Телеграм-канал Сергея Иванова. URL: https://ru.telegram-store.com/catalog/channels/sergei_ivanov_efko/ (дата обращения: 03.05.2024).

REFERENCES

1. ESG in the Digital World: Challenges and Opportunities / Trust Technologies and Skolkovo. Moscow School of Management. URL: https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/71779f9b-9874-44a0-ab2a-a3ee0b9fdca2/ESG_FINAL.pdf/ (date of access: 23.04.2024).
2. Moose V. Is sustainable development possible in a turbulent world. URL: https://www.ng.ru/ideas/2023-08-22/7_8806_ideas.html/ (date of access: 23.04.2024).
3. Narendra Modi Together towards a Common Future. URL: <https://rg.ru/2023/09/07/modi.html> (date of access: 26.04.2024).
4. Ibragimova Z. A. Fundamental principles of sustainable development of the region. Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2024. No. 1. Pp. 99–108.
5. Decree of the President of the Russian Federation dated 05.07.2024 No. 309 «On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015/> (date of access: 10.05.2024).
6. Decree of the President of the Russian Federation dated 07.02.2021 No. 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (date of access: 23.04.2024).
7. The 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: <https://www.mid.ru/upload/archive/59cc2d203768087f4432b40010d0acd1.pdf/> (date of access: 06.05.2024).
8. Bulletin of the Accounting Chamber of the Russian Federation. 2023. №9. Sustainable development of the regions. 167 p.
9. All-Russian Center for the Study of Public Opinion. URL: <https://wciom.ru/presentation/> (date of access: 23.04.2024).
10. Sannikova I. N., Dubina I. N., Mezhev S. I. Formation of a complex risk management system for sustainable development of territories: formulation and solutions to a research problem. Economics Profession Business. 2023. No. 1. Pp. 81–89.

11. Belov V.I. Assessment of sustainable development of Russian regions. Society: politics, economics, law. 2024. No. 1. Pp. 84–89.

12. Strategy of socio-economic development of the Kursk region until 2030 URL: <https://kursk.ru/region/economy/page-114785> (date of access: 03.05.2024).

13. Presentation of the agency «Lira» «Kursk region: the concept of the Kursk region exposition at the Russia Forum», 2023. 40 p.

14. Sustainability Report 2023. URL: <https://dashboards.sdindex.org/chapters/> (date of access: 26.04.2024).

15. Regional reports on the achievement of SDGs 2023. URL: <https://ranking.mgimo.ru/report2023/> (date of access: 06.05.2024).

16. Sannikova I. N., Semikolenova M. N. Non-financial reporting: the practice of forming and monitoring ESG data. Economy Profession Business. 2024. No. 1. Pp. 64–71.

17. The official UN website. The Sustainable Development Goals. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (date of access: 26.04.2024).

18. Sergey Ivanov's Telegram-channel. URL: https://ru.telegram-store.com/catalog/channels/sergei_ivanov_efko/ (date of access: 03.05.2024).

Поступила в редакцию: 18.05.2024.

Принята к печати: 21.06.2024.

УДК 331.5

DOI 10.14258/epb202435

СЛАБОУРБАНИЗИРОВАННЫЕ РЕГИОНЫ: РЫНОК ТРУДА

А. Ч. Кылгыдай¹, И. В. Рощина²

¹ Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН (Кызыл, Россия)

² Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия)

Трудовое поведение человека с его разнообразными общественными функциями (характер и интенсивность деятельности, досуг, подвижность, ориентация) меняется по мере обеспечения благоприятных условий для его социального и профессионального развития. Урбанизация ныне становится одним из важных факторов развития экономики, культуры, оказывая существенное влияние на все стороны жизни современного общества. Города являются центрами инноваций и экономического развития и становятся магнитом для людей, привлекая их своими возможностями и разнообразием.

Изменения в расселении населения обусловлены сменой типа его воспроизводства и типа хозяйства. Прежде всего, к эффектам урбанизации следует отнести изменения в потребности и поведении человека, интенсификацию деятельности, использовании свободного времени, ценностных ориентациях и т. п.

В рамках данного исследования акцентируется внимание на взаимообусловленности рынка труда и уровня урбанизированности региона. В ходе анализа выявлены и подтверждены особенности и закономерности развития региональных рынков труда. Аргументирована необходимость выявления специфических факторов, влияющих на его формирование и функционирование. Это особенно актуально для регионов с низкой степенью урбанизации, где из-за недостаточной диверсифицированности экономики наблюдается высокий уровень общей безработицы.

Ключевые слова: рынок труда, урбанизация, слабоурбанизированные регионы.

WEAKLY URBANIZED REGIONS: THE LABOR MARKET

A. C. Kylgyday¹, I. V. Roshchina²

¹ Tuvan Institute of Integrated Development of Natural Resources SB RAS (Kyzyl, Russia)

² National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)

The work behavior of a person with his various social functions (the nature and intensity of activity, leisure, mobility, orientation) changes as favorable conditions for his social and professional development are provided. Urbanization is now becoming one of the important factors in the development of the economy and culture, having a significant impact on all aspects of modern society. Cities are centers of innovation and economic development, and become a magnet for people, attracting them with their opportunities and diversity.

Changes in population distribution are due to a change in the type of its reproduction and the type of management. First of all, the effects of urbanization include changes in human needs and behavior, intensification of activities, use of free time, value orientations, etc.

This study focuses on the interdependence of the labor market and the level of urbanization of the region. The analysis identified and confirmed the features and patterns of development of regional labor markets. The need to identify specific factors influencing its formation and functioning of the labor market is argued. This is especially true for regions with a low degree of urbanization, where, due to insufficient diversification of the economy, there is a high level of overall unemployment.

Keywords: labor market, urbanization, poorly urbanized regions.

Введение. Урбанизация, являясь результатом развития производительных сил, воздействующих на расселение через террито-

риальную структуру хозяйства, становится одним из важных факторов развития национальной экономики и культуры, оказывает значительное влия-

ние на все стороны жизни общества. Территориальная структура хозяйства и расселение совместно во многом определяют характер использования территории в конкретных условиях данной природной среды.

Объективный ход событий требует все возрастающего внимания к урбанизации, изучения ее как фактора, влияющего на природу, население, хозяйство. В России продолжается активная урбанизация, сопровождаемая концентрацией населения в крупных городах [1, с. 14–15]. При этом показатели уровня урбанизации сильно дифференцированы по стране [2, с. 47–48]. Наиболее урбанизированными (доля городского населения свыше 80%) являются:

- старопромышленные регионы Северо-Западной и Центральной России;
- регионы Дальнего Востока и Европейского Севера с экстремальными природно-климатическими условиями, не способствующими проживанию в сельской местности;

— промышленные регионы Урало-Поволжья и Сибири.

Для менее затронутых индустриализацией территорий Сибири и Кавказа, где природно-климатические условия благоприятны и исторически сложилась аграрная экономика, характерной чертой является низкий уровень урбанизации (40–50%) [2, с. 47–48], поэтому неслучайно такие территории относятся к слабоурбанизированным.

Разный уровень урбанизации обусловлен, с одной стороны, разным временем начала активных урбанизационных процессов и неодинаковым характером освоения территорий, а с другой — разнонаправленностью воздействия факторов (стимулирования или сдерживания роста) (табл. 1). Урбанизация влияет на:

- изменение условий и образа жизни населения;
- рост нагрузки на природу;
- изменение условий производства и производственной деятельности;
- изменение условий труда.

Таблица 1

Факторы, влияющие на процессы урбанизации

Факторы	Способствующие развитию урбанизации	Способствующие слабой урбанизации
Экономические	Стремительный рост экономики; расширение городских территорий; развитие транспортной (системы коммуникаций повышенной территориальной мобильности) и социальной инфраструктуры (развитие медицины, образования); развитие прорывных направлений промышленного производства; локализация производства; концентрация трудовых ресурсов	Недифференцированная структура экономики; неразвитый рынок жилья (риски долевого строительства, высокие ставки кредитов по ипотеке); неразвитость разных инфраструктур; территориальная отдаленность трудовых и материально-технических ресурсов; низкая роль городов в развитии общества; низкая индустриализация; разреженность городской сети
Демографические	Естественный рост численности городского населения; высокий уровень миграции «село — город»; опережающий приток сельского населения в города, нежели рост потребности в рабочей силе	Снижение уровня рождаемости, уменьшение среднего размера семьи; «старение» населения городов; низкая склонность населения к миграции «село — город»
Социальные	Быстрое приспособление к бытовым условиям и городскому образу жизни мигрантов из села; высокий уровень доходов (высокая заработная плата); механическое воспроизводство трудоспособного населения при активизации миграции «село — город»	Различие условий жизни населения в разных городах; высокая стоимость жилья в городах; проблемы экологического характера
Природно-ресурсные	Наличие территорий с благоприятным климатом для проживания; наличие территорий с экстремальными природно-климатическими условиями, непригодными для проживания в сельской местности; наличие минерально-сырьевых ресурсов	Исторически сложившаяся специализация отдельных территорий на сельскохозяйственных видах деятельности; наличие территорий благоприятных для проживания и ведения сельского хозяйства
Институциональные	Трансформация традиционного сельского уклада и свойственных ему неформальных институтов; возникновение новой системы социального контроля, основанной на более гибких и менее жестких нормах, по сравнению с нормами в сельских сообществах	Неформальные поселения в результате ложной урбанизации; процесс активного размывания неформальных институтов; отсутствие социальных регуляторов (прежние правила и нормы уже разрушены, а новые еще не сформировались) [3]

Высокоурбанизированные регионы отличаются почти полным охватом территорий урбанизацией, где сложились основные центры развитой многоукладной экономики с производственной, транспортной и социальной инфраструктурой, богатым рынком жилья и различных видов услуг, диверсифицированным рынком труда с возможностями быстрого трудоустройства. Такие регионы «притягивают» внутреннюю миграцию из менее урбанизированных, являющихся своего рода донорами трудовых ресурсов. Высокоурбанизированные регионы с высокими темпами экономического роста (Москва, Санкт-Петербург, Тюмень и др.) испытывают переизбыток специалистов с высшим образованием (зачастую гуманитарных специальностей) и дефицит квалифицированных специалистов технических направлений [4, с. 103].

Роль фундамента, на котором развивается многофункциональная основа урбанизации, принадлежит промышленности. Однако с промышленностью связаны и такие теневые стороны урбанизации, как загрязнение окружающей среды, большие затраты времени на поездки и многое другое, что подчас привлекает внимание в большей степени, чем положительные результаты урбанизации.

В регионах с низким уровнем урбанизации сохраняется аграрно-сырьевая структура экономики, использование природных ресурсов и природных условий является основой жизнедеятельности населения, преобладают сельские поселения, исторически сформировавшиеся под влиянием, прежде всего, благоприятных природных условий, пригодных для жизни на селе и ведения сельского хозяйства. В слабоурбанизированных регионах «... непосредственная связь человека с природой, ее жизненными ритмами и процессами» накладывает отпечаток на непостоянство режимов труда, сезонные изменения в его содержании [5, с. 21; 6]. Сельским жителям присуща известная доля консерватизма, в особенности людям старшего поколения, что создает определенные препятствия к смене места работы, места жительства, образа жизни и, как следствие, затрудняет мобильность сельской рабочей силы [7, с. 102]. Условия и образ жизни на селе отличаются навыками приспособления к инфраструктурно неблагоустроенной среде, малыми потребностями и уравнивающей бедностью населения, низкой оплатой сельскохозяйственного труда, ограниченными возможностями для трудовой деятельности и территориальной мобильности, низким уровнем социального обслуживания населения. Население сельских территорий решение этих проблем и противоречий видит в миграции из села в город.

Однако стихийный характер урбанизации в слабоурбанизированных регионах, проявляющийся в чрезмерном притоке сельского населения в города, не соответствующему развитию социально-бытовой инфраструктуры города, комфортных, социально сбалансированных условий для проживания, приводит к неспособности городов обеспечивать прибывающее население необходимой социальной инфраструктурой и рабочими местами. Неслучайно подобный характер урбанизационных процессов обозначается «ложной урбанизацией». Понятие «ложная урбанизация» (англ. «shanty town» — «трусобный город») возникло во второй половине XX в. в странах Латинской Америки, Азии и Африки в ходе бурного увеличения городского населения при довольно слабом росте их экономики и недостаточном количестве рабочих мест в городах [8, 9].

Результатом стихийной урбанизации в России может быть не столько «ложная урбанизация», сколько окончательное обезлюживание сельских территорий: исчезают деревни, молодежь переезжает в города. Состояние социальной инфраструктуры, бытовые условия проживания селян, не отвечающие требованиям современного времени, закрепляют в сознании, в первую очередь, у молодежи, негативное представление о сельском образе жизни и способствует миграционному оттоку жителей села в города [10, с. 290–291]. Однако сельские жители, переехав в город, попадают в конкурентные условия жизни, неблагоприятно сказывающиеся как на трудоустройстве, так и на образе жизни: большинство новых горожан пополняют ряды городских безработных, что нередко приводит к их социокультурной маргинализации.

Удельный вес сельского населения страны за последние 10 лет снизился с 26,2 до 25,2%. На сокращение сельского населения, а значит, и занятости, повлияли как демографические показатели, так и миграционные процессы. Демографическая ситуация в России остается по-прежнему напряженной, поскольку в целом по стране коэффициент смертности (16,7) превалирует над коэффициентом рождаемости (9,6). Значимым фактором выступает миграционная убыль населения. Работоспособное и энергичное сельское население мигрирует в города. Напряженная ситуация на сельском рынке труда стимулирует трудовую миграцию. В основном в поисках работы население переезжает из сел в города, большинство мигрантов составляет молодежь [11, с. 59].

Фактор урбанизации оказывает разное влияние на развитие экономики территории, особенно с точки зрения разноразмерности городов, характера функционирования и структуры экономики, плотности населения городских и сельских муни-

ципальных образований. Социальные и производственные изменения, обусловленные динамичным развитием урбанизации, поменявшейся окружающей средой, влияют на условия труда, экономические отношения, что требует изучения трансформаций в социально-трудовых отношениях с учетом положительных и отрицательных сторон урбанизации.

Урбанизация имеет неоднозначное (двойное) значение (табл. 2). Однако положительные и отрицательные последствия урбанизации зависят от стадии ее развития. На раннем этапе урбанизации часто преобладают преимущественно положительные стороны, в то время как на последующих этапах чаще наблюдаются отрицательные стороны, которые постепенно становятся доминирующими.

Таблица 2

Положительные и отрицательные последствия урбанизации

Положительные стороны	Отрицательные стороны
<p>Более благоприятное социально-экономическое положение;</p> <p>многообразие индустриальных, инновационных, информационных, конкурентоспособных отраслей, сфер обслуживания;</p> <p>развитость разных видов инфраструктуры;</p> <p>транспортная доступность;</p> <p>насыщенность профессионально-образовательными структурами;</p> <p>высокое качество жизни;</p> <p>высокий миграционный прирост позволяет удовлетворять спрос работодателей на работников разной квалификации;</p> <p>внедрение элементов цифровизации в систему социально-трудовых отношений;</p> <p>образование новых профессий и специализаций на основе использования искусственного интеллекта;</p> <p>больше возможностей выбора новых видов и форм трудовой деятельности;</p> <p>значительные возможности трудоустройства и заработка;</p> <p>повышение роли интеллектуального труда, внедрение ценностей знаний в систему социально-трудовых отношений;</p> <p>дифференциация доходов в соответствии с трудовым вкладом каждого работника</p>	<p>Высокая плотность населения;</p> <p>очень низкий уровень, а в отдельных случаях — и деградация демовоспроизводственных процессов;</p> <p>постоянный приток мигрантов;</p> <p>интенсивное антропогенное давление на окружающую среду;</p> <p>ухудшение экологической обстановки;</p> <p>изменение социокультурной среды под влиянием большого числа мигрантов;</p> <p>рост нагрузки на транспортную инфраструктуру;</p> <p>обострение социальных проблем;</p> <p>снижение доходов среднего класса из-за перехода к дифференцированным формам оплаты труда вследствие развития цифровой экономики, которая ведет к невостребованности и исчезновению ряда профессий;</p> <p>различия в оплате труда разных социальных структур приводят к еще большему расслоению населения по уровню материального обеспечения и поляризации настроения в обществе;</p> <p>негативные последствия в системе социально-трудовых отношений, выражающихся в недостатке свободного жилья и повышении их стоимости, в возникновении процессов перенаселенности и безработицы, обострении социально-экономических проблем [12, с. 72].</p>

Урбанизационные эффекты в трудовой сфере определяются на всех уровнях рынка труда индустриальными отношениями, развитием высоких технологий, информатизацией, распространением знаний, универсальной взаимозависимостью, становлением и развитием новых видов трудовых отношений, изменениями демографической ситуации и ролью работников и их человеческого капитала.

Процессы урбанизации также обуславливают проблемы в социально-трудовых отношениях [13, с. 48], требующие особого внимания со стороны современной экономической науки, государственных структур и руководства предприятий, к которым относятся:

- увеличение численности городского и уменьшение численности сельского населения;
- снижение численности работников в производственном секторе;

- возникновение конфликтных ситуаций между работниками;
- сокращение финансовых ресурсов на оплату труда;
- превышение полномочий руководителей предприятий и т. д.

Изучение урбанизации в российских регионах на основе расчетов индекса урбанизации [9] позволило получить картину масштабов урбанизационных процессов. По данным расчетов определены слабоурбанизированные (индекс урбанизации от 0,5 до 2,5) регионы (табл. 3).

Как видим, к слабоурбанизированным отнесены менее затронутые индустриализацией регионы с незначительным числом больших городов, в основном с аграрным типом хозяйствования, благоприятными климатическими условиями для проживания в сельской местности [13, с. 58].

Таблица 3

Слабоурбанизированные регионы РФ, 2022 г.

Регионы	Индекс урбанизации
Республика Алтай	1,746
Псковская область	2,133
Карачаево-Черкесская Республика	2,145
Чукотский автономный округ	2,157
Республика Калмыкия	2,165
Республика Тыва	2,196
Чеченская Республика	2,28

Поскольку при анализе индекса урбанизации не учитывались поселки городского типа (пгт), так как высокое значение числа городского населения может обеспечиваться за счет жителей пгт, например, на территориях с экстремальными природно-климатическими условиями, непригодными для проживания в сельской местности, где в основном образованы пгт. В этом случае регион относить к высокоурбанизированному не совсем корректно, даже если доля городского населения территории составляет более 80%, то Чукотский АО с индексом урбанизации 2,157 оказался в группе слабоурбанизированных регионов, хотя 71,5% населения региона городское (проживает в поселках городского типа). Псковская область также

с индексом урбанизации 2,133 — в числе слабоурбанизированных регионов в силу урбанистической структуры, в которой только Псков с численностью 189,3 тыс. человек относится к большим городам и в регионе преобладают малые города, в которых проживает 55% городского населения области.

При исследовании рынков труда слабоурбанизированных регионов следует иметь в виду, что более половины населения регионов представлено сельскими жителями, которые в значительной степени оказались вне рынка труда, о котором говорят статистические данные (табл. 4): безработица сельского населения почти в два раза превышает уровень безработицы среди городских жителей.

Таблица 4

Динамика уровня безработицы по виду поселения в РФ, %

Годы	Всего	Городское население	Сельское население
2005	7	5,8	10,4
2010	7,7	6,8	10,4
2011	7,8	6,5	11,4
2012	6,6	5,3	10,4
2013	5,5	4,7	8,3
2014	5,6	4,5	9,1
2015	5,5	4,7	8,2
2022	3,9	3,5	5,5

Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Уровень безработицы по полу и виду поселения. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B06_30/IssWWW.exe/Stg/d030/labor612.htm (дата обращения 14.03.2024); [2 с. 164].

На рынках труда слабоурбанизированных регионов четко прослеживается сохранение значительно высокого уровня безработицы (табл. 5), высокого уровня коэффициента напряженности и удельного веса безработных, ищущих работу 12

месяцев и более (табл. 6). Также необходимо отметить значительный уровень застойности безработицы в слабоурбанизированных регионах, выражающейся в более длительной средней продолжительности безработицы.

Таблица 5

Динамика уровня безработицы в слабоурбанизированных регионах РФ

	Уровень безработицы						Уровень зарегистрированной безработицы (на конец года)					
	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2005	2010	2015	2020	2021	2022
Российская Федерация	7,1	7,3	5,6	5,8	4,8	3,9	2,5	2,1	1,3	3,7	1,0	0,8
Республика Алтай	9,4	12,2	9,7	14,0	12,0	9,8	4,6	3,1	2,6	10,1	2,9	2,1
Псковская область	6,3	9,5	6,9	6,5	4,7	4,0	3,1	2,1	1,5	2,3	0,8	0,6
Карачаево-Черкесская Республика	13,8	10,3	15,1	14,7	12,3	9,8	2,8	2,4	1,8	11,1	1,4	1,0
Чукотский автономный округ	4,2	4,5	4,0	4,4	2,6	1,9	4,0	3,0	2,7	2,1	1,8	0,9
Республика Калмыкия	18,0	14,8	10,7	9,6	9,0	8,1	3,0	3,2	2,1	6,3	1,6	1,3
Республика Тыва	21,9	21,7	18,6	18,0	15,0	9,5	8,1	5,7	4,3	13,5	8,6	4,7
Чеченская Республика	...	43,3	17,1	18,5	14,5	11,0	...	42,2	12,1	19,2	8,0	8,0

Источник: [14, с. 194–195; 2, с. 162–163].

Самый высокий среди слабоурбанизированных регионов уровень безработицы 9,8% (2022 г.) отмечен в республиках Алтай и Карачаево-Черкесия, лидер по официальному уровню безработицы — Че-

ченская Республика (8,0%). По занимаемому месту по показателям рынка труда среди регионов РФ лидерами по напряженности ситуации являются республики Карачаево-Черкесия и Алтай.

Таблица 6

Отдельные показатели напряженности на рынке труда в слабоурбанизированных регионах РФ, 2022 г.

	Коэффициент напряженности	Среднее время поиска работы безработными, месяцев	Удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, процентов	Место, занимаемое в Российской Федерации		
				Коэффициент напряженности	Среднее время поиска работы безработными	Удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более
Российская Федерация	1,6	6,2	18,1			
Псковская область	1,3	6,8	14,8	27	50	34
Республика Калмыкия	6,2	6,4	24,2	78	44	66
Карачаево-Черкесская Республика	9,0	13,5	82,9	79	85	85
Чеченская Республика	28,6	6,8	19,1	83	54	47
Республика Алтай	5,3	8,0	37,1	77	76	80
Республика Тыва	13,0	7,6	31,2	81	72	75
Чукотский автономный округ	0,5	5,3	0,5	4	18	1

Источник: [2, с. 162–163].

Урбанизационный динамизм за последние двадцать лет привел к росту численности городского населения в слабоурбанизированных регионах (табл. 7). Так, к 2022 г. доля городского населения

достигла в Тыве — 54,9%, в Калмыкии — 46,4%, в Чечне — 38%, на Алтае — 29,1%, только в Карачаево-Черкесии удельный вес городского населения немного снизился (42,9%).

Таблица 7

**Удельный вес городского и сельского населения в общей численности населения
в слабоурбанизированных регионах РФ за 2000–2022 гг., %**

	Городское население						Сельское население					
	2000	2005	2010	2015	2020	2022	2000	2005	2010	2015	2020	2022
Республика Алтай	26,1	26,2	27,7	29,2	29,2	30,8	73,5	73,8	72,3	70,8	70,8	69,2
Псковская область	66,1	68,3	70,2	70,5	70,9	70,9	33,9	31,7	29,8	29,5	29,1	29,1
Карачаево-Черкесская Республика	43,9	44,4	43,3	42,7	42,9	41,4	56,1	55,6	56,7	57,3	57,1	58,6
Чукотский автономный округ	68,4	64,9	64,9	69,2	71,2	69,1	31,6	35,1	35,1	30,8	28,8	30,9
Республика Калмыкия	43,0	43,9	44,1	45,2	46,2	47,0	56,3	56,1	55,9	54,8	53,8	53,0
Республика Тыва	50,4	51,9	53,1	54,2	54,3	55,3	49,0	48,1	46,9	45,8	45,7	44,7
Чеченская Республика	33,5	34,8	34,9	34,8	38,0	38,1	66,2	65,2	65,1	65,2	62,0	61,9

Последствием урбанизации является увеличение плотности населения в городах, где на небольшой территории размещается наибольшее число жителей (самая высокая плотность населения в РФ

в городах — Москва (5116,826 чел. км²), Санкт-Петербург (3991,486 чел. км²), Севастополь (646,156 чел. км²), в слабоурбанизированных регионах — в основном в городских округах (табл. 8).

Таблица 8

Плотность населения в слабоурбанизированных регионах РФ на начало 2023 г.

	Плотность населения, чел. км ²	Площадь, км ²
Республика Алтай	2,27	92903
Горно-Алтайск	586,7	0,96
Псковская область	10,61	55399
Псков	1980,28	95,6
Великие Луки	1635,68	60,1
Карачаево-Черкесская Республика	32,81	14277
Карачаевск	2004,05	22,46
Черкесск	1615,89	66,66
Чукотский автономный округ	0,07	721481
Анадырь	221,54	60,34
Республика Калмыкия	3,54	74731
Элиста	1120,99	396,57
Республика Тыва	2,00	168604
Кызыл	639,47	200,37
Ак-Довурак	250,67	48,69
Чеченская Республика	94,81	16171
Грозный	1013,49	360,78
Аргун	1433,3	130,21

Ложная урбанизация, вызванная ростом численности городского населения вследствие активной миграции сельских жителей в города, особенно в слабоурбанизированных регионах, порождает негативные процессы в системе социально-трудовых отношений, проявляющиеся в нехватке доступного жилья и росте его стоимости, возникновении перенаселения городов, в основном столиц слабоурбанизированных регионов, а также в усу-

гублении таких социально-экономических проблем, как изменение городской культуры и образа жизни, городской среды, выражающееся в изменении поведения горожан, трансформации городской инфраструктуры, торговых отношений и т. д. [12, с. 51; 13, с. 65]. То есть в процессе урбанизации создается новая среда, когда быстро и глубоко изменяется форма расселения и природная среда, формируются определенные условия для жизнедея-

тельности человека: духовного, культурного и физического развития, вида трудовой деятельности, характера социально-трудовых отношений, а ложная урбанизация вызывает аграрное перенаселение городов, обостряет социально-экономические проблемы, приводит к вымиранию сел и деревень.

Заключение. Для регионов, особенно с ярко выраженной этнической составляющей, такие как Республика Тыва и целый ряд других территорий, необходим отказ от вектора «ложной урбанизации», приобретающего признаки формирующейся устойчивой тенденции. Важно достижение баланса с учетом современного научно-технологического развития:

- с одной стороны, сохранить связь с традициями, национальными корнями, традиционными видами экономической занятости, особыми природно-климатическими условиями, влияющими на расселение населения;
- с другой стороны, создать условия для повышения уровня социально-экономического развития сельских территорий за счет диверсифицированности их экономики на новой технологической основе, стимулирования новых видов и форм занятости, повышения привлекательности террито-

рий, в том числе за счет развития экологического туризма, производства экологически чистой продукции, малого бизнеса, активного изучения и сохранения культуры народов, населяющих данные территории, и др.

Для многих регионов с низкой плотностью населения необходимо кардинально изменить тренд внутренней миграции: с вектора «из села в город» на вектор «повышение уровня диверсифицированности экономики и технологического переоснащения сельских территорий». Это позволит для многих региональных рынков труда поменять знак «минус» (недостаток трудоспособного населения) на «плюс» (сохранение национальных традиций в экономике, сочетающее высокий уровень технологичности и повышение уровня диверсифицированности экономики с развитием традиционных видов экономической деятельности на новой технологической основе).

Более того, это позволит дать реальные перспективы социально-экономического развития для территорий с низкой плотностью населения, традиционно сопровождающейся «ложной урбанизацией» и недостаточным уровнем развития социально-трудовых отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Социальное пространство большого города: монография / под ред. Г. В. Еремичевой. СПб., 2018. 392 с.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: стат. сб. / Росстат. М., 2023. 1126 с.
3. Стародубровская И. Неформальные институты и радикальные идеологии в условиях институциональной трансформации // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 3. С. 68–88.
4. Роиц В. Д. Труд, его эволюция и перспективы // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 1. С. 97–108.
5. Методология и методика системного изучения советской деревни / отв. ред. Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина. Новосибирск, 1980. 344 с.
6. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / пер. с англ. под ред. А. В. Гордона. М., 1992. 432 с.
7. Турлов А. В., Нехода Е. В. Развитие альтернативной неаграрной занятости как инструмент преодоления монополии на локальных рынках сельского труда // Управление человеческими ресурсами — основа развития инновационной экономики. 2014. № 5. С. 100–105.
8. Манешин С. Ю., Орлов Е. В., Сергеева Е. А. Влияние ложной урбанизации на жителей города // Журнал социологических исследований. 2020. Т. 5. № 4. С. 25–28.
9. Кылыгдай А. Ч. Урбанизация в российских регионах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2023. № 4. С. 55–62.
10. Калугина З. И. Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. Новосибирск, 2015. 342 с.
11. Нефедова Т. Г., Мкртчян Н. В. Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник Моск. ун-та. Сер. геогр. 2017. № 5. С. 58–67.
12. Булавко В. Г. Особенности развития социально-трудовых отношений в условиях урбанизации // Бизнес. Инновации. Экономика: сб. науч. ст. / Ин-т бизнеса БГУ. Минск, 2021. Вып. 5. С. 47–53.
13. Булавко В. Г. Трансформация социально-трудовых отношений в процессе урбанизации // Социально-трудовые исследования. 2021. № 43 (2). С. 64–76.

14. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 1326 с.

REFERENCES

1. The social space of a big city: monograph / edited by G. V. Eremicheva. St. Petersburg, 2018. 392 p.
2. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2023: stat. sat. / Rosstat. Moscow, 2023. 1126 p.
3. Starodubrovskaya I. Informal institutions and radical ideologies in the context of institutional transformation. *Economic policy*. 2015. Vol. 10. No. 3. Pp. 68–88.
4. Roik V. D. Labor, its evolution and prospects. *Population*. 2018. Vol. 21. No. 1. Pp. 97–108.
5. Methodology and methodology of the systematic study of the Soviet village / ed. T. I. Zaslavskaya, R. V. Ryvkina. Novosibirsk, 1980. 344 p.
6. The Great Stranger: peasants and farmers in the modern world / translated from English edited by A. V. Gordon. Moscow, 1992. 432 p.
7. Turlov A. V., Nekhoda E. V. Development of alternative non-agrarian employment as a tool for overcoming monopolies in local rural labor markets. *Human resource management — the basis for the development of an innovative economy*. 2014. No. 5. Pp. 100–105.
8. Maneshin S. Yu., Orlov E. V., Sergeeva E. A. The influence of false urbanization on city residents. *Journal of Sociological Research*. 2020. Vol. 5. No. 4. Pp. 25–28.
9. Kylgydai A. Ch. Urbanization in Russian regions. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Geography. Geoecology*. 2023. No. 4. Pp. 55–62.
10. Kalugina Z. I. Market transformation of the agricultural sector in Russia: sociological discourse. Novosibirsk, 2015. 342 p.
11. Nefedova T. G., Mkrtychyan N. V. Migration of the rural population and dynamics of agricultural employment in the regions of Russia. *Bulletin of the Moscow Region. un-ta. Ser. geogr.* 2017. No. 5. Pp. 58–67.
12. Bulavko V. G. Features of the development of social and labor relations in the conditions of urbanization. *Business. Innovation. Economics: collection of scientific articles / BSU Business Institute*. Minsk, 2021. Issue 5. Pp. 47–53.
13. Bulavko V. G. Transformation of social and labor relations in the process of urbanization. *Social and labor research*. 2021. No. 43 (2). Pp. 64–76.
14. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2016: stat. sat. / Rosstat. Moscow, 2016. 1326 p.

Поступила в редакцию: 21.03.2024.

Принята к печати: 11.06.2024.

УДК 338.1:351.82
DOI 10.14258/epb202436

МАСШТАБЫ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

О. М. Лизина

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Саранск, Россия)

В постсоветской России произошел значительный рост уровня теневой экономической деятельности с одновременной ее качественной трансформацией. Воздействие теневой экономики свидетельствует об утрате обществом контроля за направленностью социально-экономических и политических процессов. Исследователи регулярно предпринимают попытки оценки масштабов ее распространения на уровне государства; значительно реже проводятся исследования теневой экономики в региональном разрезе. Для ее изучения проведена группировка регионов по уровню экономического развития. На наш взгляд, наиболее предпочтительным методом для определения уровня теневой экономики является MIMIC-модель. Для ее построения с помощью метода главных компонент для каждой группы регионов были определены факторы, а с помощью анализа факторных нагрузок выделены показатели причин. На основе полученного структурного уравнения для каждой из групп регионов было рассчитано откорректированное значение объема теневой экономики. Теневая экономика Российской Федерации в региональном разрезе выглядит достаточно неравномерно. За период 2006–2022 гг. ее средний уровень превышал пороговое значение. В 2006–2022 гг. лишь на территории нескольких регионов уровень неформальной активности уменьшился. В большинстве регионов ситуация более печальна — уровень теневой экономики сохраняется стабильно высоким, а в ряде регионов теневая активность имеет тенденцию к увеличению.

Ключевые слова: теневая экономика, регион, экономическая безопасность, экономическое развитие, государственное регулирование.

SCALES OF SHADOW ECONOMY IN RUSSIAN REGIONS

O. M. Lizina

National Research Mordovian State University (Saransk, Russia)

In post-Soviet Russia there has been a significant increase in the level of shadow economic activity with its simultaneous qualitative transformation. The impact of the shadow economy testifies to the loss of society's control over the direction of socio-economic and political processes. Researchers regularly make attempts to assess the scale of its spread at the state level; studies of the shadow economy in the regional context are much less frequent. To study it, the regions were grouped according to the level of economic development. In our opinion, the most preferable method for determining the level of shadow economy is the MIMIC-model. To build it, factors were determined for each group of regions using the method of principal components, and indicators of causes were identified using the analysis of factor loadings. On the basis of the obtained structural equation for each of the groups of regions, the adjusted value of the volume of shadow economy in the regional context was calculated. The shadow economy of the Russian Federation in the regional context looks rather uneven. In the period from 2006 to 2022 its average level exceeded the threshold value. Only in a few regions the level of informal activity decreased. In most regions the situation is more sad — the level of shadow economy remains stably high, and in a number of regions shadow activity tends to increase.

Keywords: shadow economy, region, economic security, economic development, state regulation.

Введение. В современном мире ни для кого не секрет, что теневая экономика стала неотъемлемой частью экономики любого государства. Правительство каждой страны создает условия для развития государства, укрепления национальной безопасности, в том числе реализует комплекс мер по минимизации уровня теневой экономики.

Нельзя однозначно сказать, что теневая активность наносит только отрицательное воздействие на экономику. Известный экономист Д. Кассел [1] выделил положительное воздействие теневой экономики: экономическая смазка, встроенный стабилизатор, социальный амортизатор. Исследователи теневой экономики расширяют перечень ее положительных функций, однако следует отметить, что положительное воздействие возможно исключительно в краткосрочном периоде [2].

Безусловно, негативное воздействие теневой экономики затмевает ее положительное проявление. Системные свойства теневой экономики позволяют данному явлению развиваться значительно быстрее, чем официальной экономике. Учитывая взаимосвязь экономики со многими другими сферами жизнедеятельности общества, теневая активность распространяется на политические, социальные, культурные и другие процессы. Она запускает деструктивный механизм, разрушая сложившиеся устои, использует все имеющиеся ресурсы общества в целях собственного потребления.

Теневыми нитями связаны между собой континенты и страны, регионы и отдельные территории. Не секрет, что теневые процессы имеют свои различия и в пространстве. Экономика в России обладает своими отличиями по сравнению с теневой экономикой других стран. Даже внутри страны теневые процессы имеют свою специфику [3].

Уже несколько десятилетий представители различных наук проводят исследования по изучению особенностей развития данного явления в разных регионах. Разрабатываются различные подходы к определению и количественному измерению теневой составляющей. Можно выделить работы А. А. Куклина, Г. А. Агаркова [4, 5], А. З. Новеньковой [6], Е. Ю. Перфиловой [7], Е. В. Перова [8], Д. Ю. Федотова, А. П. Киреенко, Е. Н. Невзоровой, Е. Н. Орловой, О. Ю. Поляковой [9] и многих других. Попытки измерения регионального уровня теневой экономики неоднократно применялись в работах отечественных исследователей. Однако таких работ значительно меньше, чем исследований данного явления на уровне отдельных стран.

Цель данного исследования — оценка масштабов теневой экономики в регионах Российской Федерации. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

1 Выбор метода изучения состояния теневой экономики в российских регионах.

2 Построение модели на основе совокупности переменных, влияющих на теневую активность, и переменных, способствующих увеличению или уменьшению данного показателя.

3. Определение динамики и уровня региональной теневой экономики.

Методы исследования. Все субъекты в составе Российской Федерации уникальны. Особенности каждого из них являются определяющими в региональном развитии и их, безусловно, необходимо учитывать при проведении исследования теневой экономики. Учитывая специфичность и уникальность российского государства, для оценки масштабов теневой экономики использована MIMIC-модель — метод, который анализирует «несколько показателей — несколько причин» (специальное наименование модели SEM — моделирование структурными управлениями).

Как известно, основным показателем, характеризующим экономическое развитие региона (производство и потребление материальных благ и услуг, распределение доходов между экономическими агентами), является валовой региональный продукт (ВРП). Однако при выборе данного показателя следует учитывать, что объемы валового внутреннего продукта (ВВП) и суммарного ВРП в России не совпадают [10]. Такая тенденция существует и в большинстве стран, осуществляющих расчеты ВРП. Это обусловлено национальными особенностями построения системы статистического учета, связанных с тем, что некоторые виды деятельности, учитываемые при расчете ВВП, не могут быть отнесены ни к одному из регионов страны. Нераспределенная часть ВВП неодинакова для разных субъектов РФ. Производство и потребление услуг центрального управления и международной деятельности преимущественно осуществляются в Москве, а деятельность армии затрагивает места дислокации воинских частей и распределена по всем регионам.

В целях проведения исследования все регионы были разделены на пять групп по уровню развития: депрессивные регионы; регионы с пониженным, нормальным, повышенным и высоким уровнем развития [11].

Для каждой группы регионов при помощи метода главных компонент были определены факторы, включаемые в MIMIC-модель. На наш взгляд, именно данная версия модели SEM может быть использована для вычисления уровня теневой экономики в российских регионах. Данная модель основана на изучении совокупности переменных, влияющих на теневую активность, и переменных, которые способствуют увеличению или уменьшению данного показателя (табл. 2).

Таблица 1

Группировка субъектов РФ по уровню производства ВРП на душу населения [11]

Уровень развития региона	Регионы
Высокий (более 160%)	Сахалинская область, Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Москва, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО
Повышенный (160–110%)	Республика Коми, Магаданская область, Республика Татарстан, Красноярский край, Тюменская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Камчатский край
Средний (110–80%)	Хабаровский край, Свердловская область, Томская область, Иркутская область, Пермский край, Самарская область, Архангельская область, Республика Башкортостан, Оренбургская область, Вологодская область, Мурманская область, Амурская область, Московская область, Камчатский край
Пониженный (80–50%)	Ульяновская область, Приморский край, Амурская область, Псковская область, Республика Карелия, Ростовская область, Астраханская область, Костромская область, Липецкая область, Республика Калмыкия, Владимирская область, Смоленская область, Белгородская область, Курская область, Удмуртская Республика, Кировская область, Нижегородская область, Саратовская область, Кемеровская область, Омская область, Волгоградская область, Ярославская область, Воронежская область, Калининградская область, Калужская область, Ставропольский край, Орловская область, Новосибирская область, Новгородская область, Рязанская область, Тверская область, Тульская область, Тамбовская область, Республика Хакасия, Челябинская область, Забайкальский край, Краснодарский край
Депрессивный (50% и менее)	Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Республика Тыва, Еврейская А.О., Республика Северная Осетия-Алания, Карачаево-Черкесская республика, Кабардино-Балкарская республика, Республика Алтай, Чувашская Республика, Брянская область, Курганская область, Пензенская область, Алтайский край, Республика Бурятия, Республика Марий Эл, Республика Адыгея, Республика Мордовия, Ивановская область

Таблица 2

Индексы качества подгонки модели

Среднеквадратичная ошибка аппроксимации	0,000
P-значение	0,584
Сравнительный индекс соответствия	1,0
Индекс Такера-Льюиса	1,011
Количество степеней свободы	28

Индикаторными переменными, отражающими отдельные измерения хозяйственной деятельности общества и связанные с уровнем теневой экономики, определены такие показатели, как потребление электроэнергии и уровень занятости населения [12]. Все переменные рассчитывались как темп роста исходных статистических данных в течение рассматриваемого периода.

Нормализация полученных данных по каждой группе регионов и определение темпа их роста позволило построить соответствующие структурные уравнения, на основе которых были скорректированы значения объемов теневой экономики.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование проводилось на основе данных 79 регионов в два этапа: 1) проведен в 2021 г. — анализировались показатели 2006–2019 гг. [12], 2) проведен в 2023 г. — за период в 2020–2022 гг. Для нормализации полученных данных использовался уровень занятости. Расчеты проводились в среде RStudio с использованием пакета «lavaan». Результат оценки представлен на рисунке.

По данным исследования, все регионы Российской Федерации имеют теневой след. Оттенки серого меняются в зависимости от географического местоположения, специфики экономического развития, политического устройства, исторических и культурных особенностей развития и влияния многих других факторов.

Однако следует выделить ряд регионов, которые за период 2006–2022 гг. уменьшили свой теневой окрас. Но таких регионов на карте России очень мало. Не исключено, что подобное изменение может быть связано с несовершенством исходной базы первичной статистической информации.

К сожалению, в большинстве своем российские регионы имеют стабильную или положительную динамику на уровне 41–50%. Есть ряд регионов, которые преимущественно сконцентрированы в Северо-Кавказском федеральном округе, где уровень теневой экономики превышает 50% и за рассматриваемый период имеет положительную динамику.

Состояние теневой экономики в российских регионах за 2006–2022 гг.

Анализируя исследования разных лет (2021 и 2024 гг.), необходимо отметить, что состояние теневой экономики в регионах изменилось незначительно. Отклонение ее среднего значения у большинства регионов составило не больше 5%.

Результаты оценки состояния теневой экономики в российских регионах за период 2006–2022 гг. показали, что теневые процессы раскинули свои невидимые сети по всей территории страны. Анализируя их динамику, следует отметить, что теневая составляющая активно наращивает свой экономический потенциал. Использование достижений научно-технической революции, цифровые трансформации способствуют быстрому изменению ее видов. Игнорирование государством масштабов неформального сектора может вызвать серьезные последствия для развития общества и государства [13].

Диверсификация теневых процессов в разных субъектах страны связана с их специфическими различиями. Теневой потенциал зависит от географического положения (удаленность от центра, климатические условия, прилегание к государственной границе), наличия природных и рекреационных ресурсов, политических и социальных особенностей, наличия транспортных путей (федеральных трасс). Так, в приграничных регионах наибольшим образом распространены такие виды теневой экономики, как контрабанда, фальсификат, контрафакт, незаконная миграция.

Немаловажным фактором является структура хозяйства и специализация региона. Анализ рейтингов регионов показывает, что теневая экономика реже встречается в регионах с высоким уровнем развития промышленных производств [14].

Уровень экономического развития региона определяет формы и специфику теневой деятельности. В регионах-донорах более распространенной является экономическая преступность, в то время как регионы-реципиенты отличаются большим распространением традиционного криминала и вынужденной внезаконной деятельности (неформальная занятость, скрытые производства и др.) [15].

Особыми теневыми связями обрастают регионы, деятельность которых связана с добычей и переработкой экспортно ориентированных ресурсов [16].

Возрастание неопределенности в политической и экономической сферах порождает неуверенность предпринимателей, что существенно влияет на принятие ими решений и развитие новых теневых схем [17].

Цифровая трансформация создает благоприятные условия для развития теневого сектора: отсутствие границ и административных барьеров, глобализация отношений, виртуальный характер хозяйственных связей, отсутствие должного контроля за экономическими субъектами, быстрота передачи информации и многие другие. Стремительными темпами развивается цифровая тене-

вая экономика, в рамках которой выделяют две формы — иницируемая поставщиком (например, финансовое мошенничество, оказание психологического воздействия на молодое поколение, рассылка спама) и иницируемая потребителем (например, цифровое пиратство, черный пиар). Каждая из форм имеет свои инструменты и каналы распространения. Черные рынки, реализующие запрещенные законом товары и услуги, используют специальные платформы, например, даркнет — теневой сегмент Интернета, который скрыт из общего доступа. Реализация мошеннических данных, различные проявления неформальной экономики функционируют на базе обычных интернет-сайтов [18].

Заключение. Теневая экономика создает существенную угрозу не только безопасному и устойчивому развитию отдельного региона или территории, но и безопасности всей страны. Результаты проведенного исследования позволяют определить уровень и тенденции развития теневых процессов в российской экономике. Изучая масштабы теневой деятельности в нашей стране, ее видоизменения и способность паразитировать во всех сферы жизнедеятельности общества, следует учитывать фактор качества государственного регулирования экономики.

Традиционные методы борьбы с теневой экономикой не приводят к уменьшению ее масштабов, а зачастую, напротив, способствуют ее увеличению. Создание формальных антикоррупционных отделов или структурных подразделений не способ-

но искоренить проблему коррупции. Освещение в СМИ произошедших правонарушений и их негативных последствий не уменьшает число правонарушителей и преступников.

Теневая деятельность является не только экономической проблемой. Она проникает и оказывает деструктивное воздействие и на другие сферы жизнедеятельности российского общества. В этой связи комплекс мер по деактивации теневых процессов должен быть направлен на создание такой институциональной среды, которая предлагает разумно допустимую налоговую нагрузку, создает условия для увеличения реальных располагаемых доходов населения, обеспечивает защиту интересов всех участников социально-экономических процессов [19]. Особое внимание следует уделять диджитальным инструментам, использованию искусственного интеллекта, предоставляя новые возможности для сбора и анализа данных, автоматизации экономических процессов [17].

При осуществлении политики по сокращению неформального сектора экономики необходимо систематизировать и использовать в отечественной практике положительный региональный и зарубежный опыт снижения и противодействия теневой экономике и различным формам ее проявления. Контроль и минимизация теневой экономической деятельности требует аккуратного точечного воздействия на различные группы субъектов теневой экономики, что должно подкрепляться активной деятельностью государственных структур и общественных институтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авдийский В. И., Дадалко В. А., Синявский Н. Г. Теневая экономика и экономическая безопасность государства. М., 2018. 538 с. DOI: 10.12737/24758.
2. Лизина О. М. Теневая экономика как социально-экономический феномен // Контентус. 2019. № S11.
3. Жураковская А. В., Полякова О. Ю. Расчет объемов теневого сектора в экономике региона по причинам возникновения // Бизнес Информ. 2012. № 4. С. 97–99.
4. Куклин А. А., Агарков Г. А., Зыкова Е. А. Теневая экономика и хозяйственный комплекс региона. Екатеринбург, 2005. 169 с.
5. Агарков Г. А., Судакова А. Е., Найденов А. С. Экономические последствия влияния теневой экономики на социально-экономическую сферу Уральского федерального округа // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 42. С. 45–53.
6. Новенькова А. З. Особенности теневого сектора региональной экономики // Теневая экономика. 2017. Том 1. № 1. С. 13–21. DOI: 10.18334/tek. 1.1.37630.
7. Перфилова Е. Ю. Оценка динамики теневой экономики в регионах России // Математические и инструментальные методы экономики. 2009. № 11. С. 331–334.
8. Перов Е. В. Оценка теневой экономики России // Управление экономическими системами: Электронный научный журнал. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-tenevoy-ekonomiki-rossii> (дата обращения: 01.05.2024).
9. Федотов Д. Ю., Невзорова Е. Н., Орлова Е. Н. Налоговый метод расчета величины теневой экономики российских регионов // Финансы и кредит. 2016. № 15. С. 20–33.
10. Зайцева Ю. С. Валовый региональный продукт: что и как мы измеряем // ЭКО. 2012. № 4. С. 86–103.

11. Ивашкова Т.К., Морозова Н.В. Типология регионов Российской Федерации // Вестник евразийской науки. 2014. № 6 (25).
12. Бадокина Т.Е., Лизина О.М. Оценка масштабов теневого сектора в российских регионах // Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Т. 2. № 10 (118). С. 78–86.
13. Лизина О.М. Оценка ущерба от функционирования теневой экономики на региональном уровне // Московский экономический журнал. 2021. № 11. URL: <https://qje.su/otraslevaya-i-regionalnaya-ekonomika/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-11-2021-38/>
14. Nevzorova E. N., Kireenko A. P. & Mayburov I. A. Spatial Correlation and Patterns of Distribution of the Shadow Economy in Russia // Экономика региона [Economy of region]. 2020. № 16 (2). Pp. 464–478.
15. Карнишина Н.Г. Противодействие коррупции и теневой экономике на региональном уровне // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. № 13–2. С. 474–476.
16. Алешникова В.И., Бурцева Т.А. Инструменты противодействия теневой экономике в регионах России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2019. № 4. С. 28–34.
17. Балог М.М., Демидова С.Е., Троян В.В. Влияние цифровой трансформации на теневую экономику // ЭТАП. 2020. № 4. С. 58–72.
18. Розанова Н.М., Алтынов А.И. Цифровая теневая экономика как новая реальность современного мира // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 5. С. 43–61.
19. Ермакова Э.Р. Инструменты противодействия теневой экономики в России // Национальная безопасность / nota bene. 2021. № 6. С. 22–32. DOI: 10.7256/2454-0668.2021.6.37067

REFERENCES

1. Avdijsky V. I., Dadalko V. A., Sinyavsky N. G. Shadow economy and economic security of the state. Moscow, 2018. 538 p. DOI: 10.12737/24758.
2. Lisina O. M. Shadow economy as a socio-economic phenomenon. Kontentus. 2019. No. S11.
3. Zhurakovskaya A. V., Polyakova O. Y. Calculation of the volume of the shadow sector in the economy of the region for the reasons of occurrence. Business Inform. 2012. No. 4. Pp. 97–99.
4. Kuklin A. A., Agarkov G. A., Zykova E. A. Shadow economy and economic complex of the region. Ekaterinburg, 2005. 169 p.
5. Agarkov G. A., Sudakova A. E. and Naidenov A. S. Economic consequences of the shadow economy impact on the socio-economic sphere of the Ural Federal District. Regional Economics: Theory and Practice. 2013. No. 42. Pp. 45–53.
6. Novenkova A. Z. Features of the shadow sector of the regional economy. Shadow Economy. 2017. Vol. 1. No. 1. Pp. 13–21. DOI: 10.18334/tek. 1.1.37630.
7. Perfilova E. Yu. Estimation of dynamics of shadow economy in Russian regions. Mathematical and instrumental methods of economics. 2009. No. 11. Pp. 331–334.
8. Perov E. V. Evaluation of the shadow economy of Russia. Management of economic systems: Electronic scientific journal. 2015. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-tenevoy-ekonomiki-rossii> (date of access: 01.05.2024).
9. Fedotov D. Y., Nevzorova E. N., Orlova E. N. Tax method of calculating the size of the shadow economy of Russian regions. Finance and Credit. 2016. No. 15. Pp. 20–33.
10. Zaitseva Y. S. Gross regional product: what and how we measure. ECO. 2012. No. 4. Pp. 86–103.
11. Ivashkova T. K., Morozova N. V. Typology of the regions of the Russian Federation. Bulletin of Eurasian Science. 2014. No. 6 (25).
12. Badokina T. E., Lizina O. M. Estimation of the scale of the shadow sector in the Russian regions. Economics and Management: Problems, Solutions. 2021. Vol. 2. No. 10 (118). Pp. 78–86.
13. Lizina O. M. Estimation of damage from the functioning of the shadow economy at the regional level // Moscow Economic Journal. 2021. No. 11. URL: <https://qje.su/otraslevaya-i-regionalnaya-ekonomika/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-11-2021-38/> (date of access: 01.05.2024).
14. Nevzorova E. N., Kireenko A. P. & Mayburov I. A. Spatial Correlation and Patterns of Distribution of the Shadow Economy in Russia. Экономика региона [Economy of region]. 2020. No. 16 (2). Pp. 464–478.
15. Karnishina N. G. Countering corruption and shadow economy at the regional level. Russia: trends and prospects of development. 2018. No. 13–2. Pp. 474–476.

-
16. Aleshnikova V. I., Burtseva T. A. Tools to counteract the shadow economy in the regions of Russia. Vestnik Voronezh State University. Series: Economics and Management. 2019. No. 4. Pp. 28–34.
 17. Ermakova E. R. Tools to counteract the shadow economy in Russia. National security / nota bene. 2021. No. 6. Pp. 22–32. DOI: 10.7256/2454-0668.2021.6.37067.
 18. Balog M. M., Demidova S. E., Troyan V. B. The impact of digital transformation on the shadow economy. ETAP. 2020. No. 4. Pp. 58–72.
 19. Rozanova N. M., Altynov A. I. Digital shadow economy as a new reality of the modern world. Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2019. No. 5. Pp. 43–61.

Поступила в редакцию: 14.05.2024.

Принята к печати: 20.06.2024.

УДК 338.24
DOI 10.14258/epb202437

ОБ ИЗМЕРЕНИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ESG-РИСКОВ В ЖИЗНЕННОМ ЦИКЛЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

А. С. Лифшиц

Ивановский государственный университет (Иваново, Россия)

Статья носит проблемно-постановочный характер и отражает авторское видение методологии измерения и интерпретации ESG-рисков в жизненном цикле организации. В основе методологии лежат принципы многомерности, взаимосвязи факторов и последствий, устойчивого развития, двойной существенности, рассматриваемые через призму стадий и этапов жизненного цикла организации (предприятия). Раскрыта роль экономического потенциала и предпочтительной степени его использования в выживании и стратегическом развитии промышленного предприятия. Определена последовательность измерения и интерпретации экологических, социальных и экономических негативных последствий функционирования и развития промышленного предприятия. Применяется двойная интерпретация — экономическая (на основе критериев экономического ущерба и упущенной выгоды) и социальная (на основе критерия неудовлетворенности качеством трудовой жизни). Сформирован подход к определению степени и меры ESG-рисков, их весомости, что создает предпосылки для разработки интегрального показателя ESG-рисков и ключевых показателей ESG-ограничений. Раскрыты возможности количественного измерения цепочки ценностей и цепочки уязвимости с учетом потенциального влияния стейкхолдеров. В итоге расширяются возможности совершенствования взаимоотношений собственников и топ-менеджеров предприятия с внешней средой и уточнения роли и места управления в реализации целей производственно-коммерческой промышленной системы микроуровня национальной экономики.

Ключевые слова: ESG-риски, негативные последствия, жизненный цикл предприятия, ESG-ограничения, интегральный показатель ESG-рисков, цепочка ценностей, цепочка уязвимости, стейкхолдеры.

ON THE MEASUREMENT AND INTERPRETATION OF ESG RISKS IN THE LIFE CYCLE OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE

A. S. Lifshits

Ivanovo State University (Ivanovo, Russia)

The article is problem-solving in nature and reflects the author's vision of the methodology for measuring and interpreting ESG risks in the life cycle of an organization. The methodology is based on the principles of multidimensionality, the relationship of factors and consequences, sustainable development, and double materiality, viewed through the prism of the stages and phases of the life cycle of an organization (enterprise). The role of the economic potential of an enterprise and the preferred degree of its use in the survival and strategic development of an industrial enterprise is revealed. The sequence of measuring and interpreting the environmental, social and economic negative consequences of the functioning and development of an industrial enterprise has been determined. A double interpretation is used — economic (based on the criteria of economic damage and lost profits) and social (based on the criteria of dissatisfaction with the quality of work life). An approach has been formed to determine the degree and measure of ESG risks and their weight, which creates the prerequisites for the development of an integral indicator of ESG risks and key indicators of ESG restrictions. The possibilities of quantitative measurement of the value chain and vulnerability chain are revealed, taking into account the potential influence of stakeholders. As a result, the possibilities for improving the relationship between the owners and top managers of the enterprise with the external environment and clarifying the role and place of management in realizing the goals of the micro-level production and commercial industrial system of the national economy are expanding.

Keywords: ESG risks, negative consequences, enterprise life cycle, ESG restrictions, integral indicator of ESG risks, value chain, vulnerability chain, stakeholders.

Введение. В российской промышленности накопились кризисные явления, которые вступают в противоречие с необходимостью устойчивого развития предприятий и организаций. Причины кризисных явлений носят как внешний, так и внутренний характер. К важнейшим внешним причинам следует отнести разрыв сложившихся хозяйственных связей и логистических цепочек, отсутствие дешевых кредитных ресурсов из-за рубежа, введение и расширение секторальных санкций. Внутренние причины обусловлены недостаточно сбалансированной структурой промышленности, монопольным и олигопольным положением поставщиков материальных и топливно-энергетических ресурсов, неразвитостью комплексного механизма управления технико-технологическими и организационными изменениями на промышленных предприятиях. В основном менеджмент промышленных предприятий носит реактивный и адаптивный, а не превентивный и проактивный характер, что понижает устойчивость предприятий и создает искусственные барьеры для устойчивого развития. Напротив, возрастают экономические, социальные, экологические и управленческие риски, что повышает актуальность ESG-трансформации, исходным пунктом которой является измерение и интерпретация ESG-рисков.

Степень разработанности проблемы в научной литературе. Разработка методологии, теории и инструментария оценки и управления ESG-рисками находится на начальной стадии своего развития. Основы концепции устойчивого развития были разработаны в 80–90-е гг. XX в. и первое десятилетие XXI в. Первоначально концепция устойчивого развития разрабатывалась на глобальном и макроэкономическом уровнях Д. Нортон, Д. Элкинготом [1, 2].

В дальнейшем концепция устойчивого развития распространилась на региональный и корпоративный уровни (С. П. Бараненко, В. С. Бильчак, А. Г. Кайгородов, Е. П. Кочетков, С. Келлер, М. Портер, А. И. Пригожин, О. С. Сухарев и др.) [3–10].

Отдельные авторы исследовали устойчивое развитие отраслей российской экономики (Д. С. Головкин, Р. С. Ибрагимов, В. В. Мигунов, Н. И. Ярошевич) [11, 12].

С вопросами устойчивости и устойчивого развития теснейшим образом переплетается проблема оценки и управления рисками. В разное время (включая настоящее) эту проблему исследовали

А. Г. Бадалова, Б. С. Батаева, Д. Канеман, Ф. Найт, А. И. Орлов, И. Н. Санникова и др. [13–18].

Принципиальное значение для исследований в области оценки и регулирования ESG-рисков имеет теория жизненного цикла организации (И. Адизес, А. И. Пригожин, Г. В. Широкова и др.) [19, 20, 21]. Однако в отечественной и зарубежной научной литературе отсутствует система количественных диагностических критериев, методики количественной диагностики стадий и этапов жизненного цикла организации (предприятия). Остается открытым вопрос о возможностях и пределах управления жизненным циклом предприятия.

К теме статьи непосредственное отношение также имеют научные достижения в области оценки экономической устойчивости предприятий и организаций (А. Д. Бобрышев, М. Г. Витушкина, Е. В. Горшенина, Н. А. Хомяченкова и др.) [21, 22], в которых, к сожалению, не учитывается или некорректно учитывается экономический потенциал коммерческой промышленной организации.

В то же время в отечественной экономической литературе существует несколько оригинальных подходов к оценке экономического потенциала промышленной организации или его составляющих (Д. С. Головкин, А. С. Лифшиц, Н. А. Темнова) [23, 24, 25].

Появляется задача эффективного использования наработок в области оценки экономического потенциала и реализуемости управленческих решений, а также иных приемлемых теоретических и методических положений, имеющихся в научной литературе, в развитии инструментария оценки ESG-рисков.

Методы и методики исследования. В силу комплексного характера проблемы ESG-рисков требуется использование синтеза экономических (аналитико-расчетных и статистических), эконометрических, других экономико-математических методов (матричного), социологических методов (экспертных оценок, анкетирования и тестирования). Представляется необходимым синтез с методами сценарного прогнозирования, прежде всего, с методом аналитической иерархии Т. Саати [26] с учетом его экономической модификации [27]. Экономическая модификация метода аналитической иерархии состоит в замене определения значимости акторов (стейкхолдеров) на основе экспертных оценок ее обоснованием экономическими расчетами с учетом информации, предоставляемой экспертами, и разработкой шкал как для индиви-

дуальных, так и обобщенных сценарных величин в разрезе всего спектра прогнозных показателей. Предлагается объединение двух методик — методики сценарного прогнозирования в виде экономической модификации метода аналитической иерархии и методики оценки реализуемости бизнес-плана предприятия путем параллельного применения и взаимного учета полученных результатов. При исследовании цепочек ценности и цепочек уязвимости применяется сочетание экономических расчетов и экспертных оценок. Эксперты выполняют как информационную, так и оценочную функцию (в том числе при определении весов компонент качества трудовой жизни и интегрального показателя ESG-устойчивости). В рамках реализуемости бизнес-планов измеряется и оценивается сила и устойчивость мотивации на основе анкетирования. Развитие методологии оценки реализуемости бизнес-планов идет за счет измерения готовности к приемлемому риску и минимизации рисков по приоритетным направлениям. Готовность к риску и его ограниченной минимизации выявляется на основе тестирования. Завершает цикл процедур интерпретация экспертами интегрального показателя устойчивости на основе анализа его структуры с позиции допустимости экономических, социальных, экологических и управленческих рисков.

Полученные результаты и их обсуждение.

К полученным на данный момент времени результатам следует отнести:

- применение наряду с интегральным диагностическим критерием неустойчивости, отражающим прямые и косвенные, непосредственные и сопутствующие негативные экономические последствия экономической, социальной и экологической политик компании, социальных и экологических показателей-ограничений;
- в состав показателей-ограничений включаются такие, по которым невозможно определение экономического ущерба, но которые однозначно негативно влияют на качество трудовой жизни и деловую репутацию компании;
- признание в качестве обобщающего показателя по социальной компоненте показателя качества трудовой жизни, составляющими которого являются степень неудовлетворенности трудом, степень недоверия коллегам, руководству и внешним стейкхолдерам, степень неуверенности в перспективности компании и собственной формальной и неформальной позиции в организации, деловая репутация компании;
- использование при оценке устойчивости (неустойчивости) компании принципа мно-

гомерности, что означает наличие парных интерпретаций взаимной трансформации экономических, социальных и экологических явлений и процессов;

- реализация при оценке устойчивости (неустойчивости) компании принципа двойной существенности и принципа понижающейся асимметричности (реализация принципа двойной существенности применительно к ESG-рискам требует построения цепочек уязвимости на основе определения потенциального негативного прямого и обратного влияния бизнеса и внешних стейкхолдеров; принцип понижающейся асимметричности означает, что в процессе развития предприятия, повышения его устойчивости и перехода на более прогрессивную стадию развития асимметричность между цепочкой стоимости и цепочкой уязвимости сокращается за счет расширения первой и сокращения второй — растет вероятность и размер потенциальных эффектов стейкхолдеров для бизнеса и бизнеса для стейкхолдеров, и снижается вероятность и значимость негативного поведения стейкхолдеров в силу ликвидации или уменьшения степени дискриминации их интересов);
- учет стадии жизненного цикла организации при определении меры ESG-рисков;
- определение степени ESG-рисков путем их сопоставления с экономическим потенциалом и стандартами минимальных требований к экономической эффективности и результативности как факторов обеспечения конкурентоспособности организации и непрерывности ее операционной деятельности (для экономических рисков) и на основе шкал неудовлетворенности, недоверия и неуверенности для социальных, экологических и управленческих рисков.

В авторской монографии «Факторы и инструментарий обеспечения устойчивого развития предприятий машиностроения» предложена методика интегрального диагностического показателя экономической устойчивости промышленного предприятия, составляющими которого являются система фактических показателей экономической эффективности и результативности, оцениваемых через сопоставление с показателями ведущего и непосредственного конкурента, прогнозируемый производственно-коммерческий потенциал предприятия и ожидаемая степень его использования. Все показатели приводятся к относительной и сравнительной форме, что позволяет разработать нормативные диагностические шкалы жизненного цикла предприятия. В качестве стадий жизнен-

ного цикла предприятия выделены бескризисное развитие, предкризисное развитие, антикризисное развитие, кризисное развитие, деградация и упадок [24, с. 147–148, 153]. В упрощенном варианте оценки ESG-рисков предприятия можно подразделить на оценки для прибыльных и убыточных предприятий.

Диагностика стадий жизненного цикла предприятия позволяет придать подходу к определению меры риска обоснованно дифференцированный характер. А. И. Орлов показал, что минимизация риска может состоять в минимизации математического ожидания (ожидаемых потерь); в минимизации квантили распределения; в минимизации дисперсии (то есть показателя разброса возможных значений потерь); в минимизации суммы математического ожидания дохода и утроенного среднего квадратического отклонения (на основе известного «правила трех сигм», которое используют в случае близости распределения потерь к нормальному); в максимизации математического ожидания функции полезности (в случае, когда полезность денежной единицы меняется от общей располагаемой суммы, например, когда необходимо исключить возможность разорения экономического агента) [17, с. 355].

А. И. Орлов указал на следующие методологические сложности и допущения:

- проблему многокритериальной оптимизации повышения математического ожидания доходов и снижения степени неопределенности (рискованности) при определении меры риска по принципу «трех сигм»;
- сложность построения функции полезности;
- допустимость минимизации средних потерь при их малом значении по сравнению с ресурсами предприятия;
- приемлемость минимизации разброса окончательных результатов при максимизации определенности будущего ценой повышения потерь;
- применение минимизации больших потерь при необходимости избежать разорения предприятия [17, с. 356].

А. Х. Цакаев предпринял попытку разграничения мер риска в зависимости от фазы кризиса. В предкризисной фазе желателен критерий минимизации стандартного отклонения от математического ожидания, в фазе острого кризиса — минимизации математического ожидания рисков события, а в посткризисной фазе — минимизации опциона call или максимизации стоимости опциона put [28, с. 5].

Очевидно, что при недостаточной развитости российского фондового рынка минимизация

или максимизация стоимости опционов как мера риска подходит для ограниченного круга компаний. С учетом авторской классификации стадий жизненного цикла предприятия предлагается на стадиях бескризисного и антикризисного развития использовать как меру риска минимизацию стандартного отклонения от потенциального значения, на стадиях предкризисного и кризисного развития — минимизацию математического отклонения потерь, на стадиях упадка и деградации — минимизацию больших потерь путем распределения рисков по квантилям. Выбор базы для определения стандартного отклонения (не математического ожидания дохода, а потенциального) при высоком уровне потенциала предприятия на стадиях антикризисного и бескризисного развития в существенной степени А. И. Орловым и известную из микроэкономической теории проблему нивелируют обозначенные противоречия между уровнем дохода и степенью риска. По мере роста экономического потенциала данное противоречие если и не снимается полностью, то сглаживается.

Методика измерения и оценки производственного и коммерческого потенциала предприятия машиностроения представлена в работе [24, с. 149–152]. А. Д. Бобрышев и др. в рамках мониторинга устойчивости предприятий с длительным производственным циклом в качестве показателей производственного и научно-технического потенциала предлагают известные статистические показатели инновационного развития — «доля активной части обновленных и новых основных фондов в общем объеме активной части основных производственных фондов» и «удельный вес затрат на технологические инновации в объеме реализованной продукции» [21, с. 30]. Данные показатели очень неточно в силу своего косвенного характера оценивают производственный и инновационный потенциал предприятия.

В остальных методиках оценки устойчивости предприятия отсутствует даже попытка измерения экономического потенциала или его составляющих. Спорен набор компонент устойчивости. Так, Е. В. Горшенина и Н. А. Хомяченкова в число компонент экономической устойчивости включают финансовую, рыночную, организационную, производственную, технико-технологическую, инвестиционную, социальную, экологическую и рисковую устойчивость [22, с. 66–67]. Очевидно дублирование влияния названных компонент на интегральный показатель. Перемножение частных показателей внутри компонент не только порождает эффект дублирования, но и лишено экономического смысла. Как отмечает А. Д. Бобрышев, «в формулах расчета участвуют показатели, имеющие различную размерность (например, коэффициент эффектив-

ности управления, измеряемый в относительных единицах, и чистая прибыль на одного работника управления, определяемая в рублях)» [21, с. 14]. Определение влияния социальной и экологической устойчивости на экономическую устойчивость предприятия не просматривается.

Заключение. Проблема оценки ESG-рисков по своей природе является сложной в силу многомерности и мультидисциплинарности. Это обстоя-

тельство повышает значимость избегания искажающих дублирующих эффектов, игнорирования прямых и обратных связей между экономическими, социальными, экологическими и управленческими факторами, внутренними и внешними стейкхолдерами. При этом важно отслеживать динамику ESG-рисков на основе мониторинга устойчивости предприятия и диагностики стадии его развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. М., 1992. 190 с.
2. Elkington J. Cannibals with forks: the triple bottom line of 21st century business. Oxford, 1997. 402 p.
3. Бараненко С. П., Шеметов В. В. Стратегическая устойчивость предприятия. М., 2004. 493 с.
4. Бильчак В. С., Захаров В. Ф. Региональная экономика. Калининград, 1998. 245 с.
5. Кайгородов А. Г., Шекшуев А. В. Потенциальная финансовая устойчивость предприятия в системе управления экономикой: монография. Иваново, 2015. 176 с.
6. Кочетков Е. П. Трансформация антикризисного управления в условиях цифровой экономики: обеспечение финансово-экономической устойчивости высокотехнологичного бизнеса. М., 2020. 328 с.
7. Келлер С., Прайс К. Больше, чем эффективность: Как самые успешные компании сохраняют лидерство на рынке / пер. с англ. М., 2018. 409 с.
8. Портер М. Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость / пер. с англ. 5-е изд. М., 2017. 716 с.
9. Пригожин А. И. Методы развития организаций: Организации: природа (цели, стадии развития, патологии). Профессии консультанта по управлению. Организационная диагностика. Методы выработки решений. Управленческое консультирование нововведений. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2017. 848 с.
10. Сухарев О. С., Палаш С. В. Дисфункции экономических систем и управления. М., 2016. 304 с.
11. Ибрагимова Р. С., Головкин Д. С. Концепция жизненного цикла отрасли как инструмент управления экономическим потенциалом предприятий текстильной промышленности // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2017. Т. 12. № 1. С. 124–135.
12. Ярошевич Н. И., Мигунов В. В. Устойчивое развитие vs эффективная конкуренция: эмпирический анализ отраслевых сопоставлений промышленных рынков машиностроения // Управленец. 2023. Т. 14. № 1. С. 47–59.
13. Бадалова А. Г. Методологический подход к разработке сбалансированной классификации рисков предприятия // Российское предпринимательство. 2010. № 11. С. 92–99.
14. Батаева Б. С., Карпов Н. А. Влияние факторов корпоративного управления на уровень раскрытия ESG-информации российскими публичными компаниями // Управленец. Т. 14. № 3. С. 30–43.
15. Канеман Д. Думай медленно... Решай быстро / пер. с англ. М., 2015. 653 с.
16. Найт Ф. Риск, неопределенность и прибыль / пер. с англ. М., 2003. 360 с.
17. Орлов А. И. Теория принятия решений: учебник. М., 2006. 373 с.
18. Санникова И. Н., Дубина И. Н., Межов С. И. Формирование системы управления комплексными рисками устойчивого развития территорий: постановка и пути решения научно-исследовательской проблемы // Экономика Профессия Бизнес. 2023. № 1. С. 81–89.
19. Адизес И. Управление жизненным циклом корпорации / пер. с англ. 4-е изд. М., 2017. 512 с.
20. Широкова Г. В., Меркурьева И. В., Серова О. Ю. Особенности формирования жизненных циклов российских компаний // Российский журнал менеджмента. 2006. Т. 4. № 3. С. 3–26.
21. Бобрышев А. Д., Тумин В. М., Витушкина М. Г. Мониторинг устойчивости предприятий с длительным производственным циклом: монография. М., 2021. 201 с.
22. Горшенина Е. В., Хомяченкова Н. А. Мониторинг устойчивого развития промышленного предприятия // Российское предпринимательство. 2011. № 1. С. 66–67.
23. Ибрагимова Р. С., Головкин Д. С. Методическое обоснование оценки экономического потенциала предприятия текстильной промышленности // Современные наукоемкие технологии. Региональное при-ложение. 2016. № 3 (47). С. 64–74.

24. Лифшиц А. С., Ибрагимова Р. С. Факторы и инструментарий обеспечения устойчивого развития предприятий машиностроения: монография. М., 2023. 200 с.
25. Темнова Н. К. Экономическая динамика текстильных предприятий: теоретические, методологические и прикладные аспекты: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Иваново, 2009. 40 с.
26. Саати Томас Л. Принятие решений при зависимостях и обратных связях. Аналитические сети / пер. с англ. Изд. 4. М., 2015. 360 с.
27. Лифшиц А. С., Скулин В. А. Направления и результаты прогнозирования на рынке хлебных продуктов Ивановской области // Проблемы прогнозирования. 2019. № 2. С. 86–92.
28. Цакаев А. Х. Антикизисное управление в менеджменте риска: методологические аспекты // Управление риском. 2024. № 1. С. 3–9.

REFERENCES

1. North D. Institutions, institutional changes and the functioning of the economy / translated from English. Moscow, 1992. 190 p.
2. Elkington J. Cannibals with forks: the triple bottom line of 21st century business. Oxford, 1997. 402 p.
3. Baranenko S. P., Shemetov V. V. Strategic sustainability of the enterprise. Moscow, 2004. 493 p.
4. Bilchak V. S., Zakharov V. F. Regional economics. Kaliningrad, 1998. 245 p.
5. Kaygorodov A. G., Shekshuev A. V. Potential financial stability of an enterprise in the economic management system: monograph. Ivanovo, 2015. 176 p.
6. Kochetkov E. P. Transformation of crisis management in the digital economy: ensuring the financial and economic sustainability of high-tech business. Moscow, 2020. 328 p.
7. Keller S., Price C. More than efficiency: How the most successful companies maintain market leadership / translated from English. Moscow, 2018. 409 p.
8. Porter M. Competitive advantage: How to achieve high results and ensure its sustainability / translated from English. 5th ed. Moscow, 2017. 716 p.
9. Prigozhin A. I. Methods of development of organizations: Organizations: nature (goals, stages of development, pathologies). Management consultant professions. Organizational diagnostics. Methods for developing solutions. Management consulting for innovations. Ed. 2nd, revised and additional. Moscow., 2017. 848 p.
10. Sukharev O. S., Palash S. V. Dysfunctions of economic systems and management. Moscow, 2016. 304 p.
11. Ibragimova R. S., Golovkin D. S. The concept of the industry life cycle as a tool for managing the economic potential of textile industry enterprises. Bulletin of Perm University. Series: Economics. 2017. Vol. 12. No. 1. Pp. 124–135.
12. Yaroshevich N. I., Migunov V. V. Sustainable development vs effective competition: empirical analysis of industry comparisons of industrial markets of mechanical engineering. Manager. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 47–59.
13. Badalova A. G. Methodological approach to the development of a balanced classification of enterprise risks. Russian Entrepreneurship. 2010. No. 11. Pp. 92–99.
14. Bataeva B. S., Karpov N. A. The influence of corporate governance factors on the level of disclosure of ESG information by Russian public companies. Manager. T. 14. No. 3. Pp. 30–43.
15. Kahneman D. Think slowly... Decide quickly / translated from English. Moscow, 2015. 653 p.
16. Knight F. Risk, uncertainty and profit / translated from English. Moscow, 2003. 360 p.
17. Orlov A. I. Theory of decision making: textbook. Moscow, 2006. 373 p.
18. Sannikova I. N., Dubina I. N., Mezhev S. I. Formation of a management system for complex risks of sustainable development of territories: formulation and ways to solve a scientific research problem. Economics Profession Business. 2023. No. 1. Pp. 81–89.
19. Adizes I. Corporate life cycle management / translated from English. 4th ed. Moscow, 2017. 512 p.
20. Shirokova G. V., Merkur'yeva I. V., Serova O. Yu. Features of the formation of life cycles of Russian companies. Russian Journal of Management. 2006. Vol. 4. No. 3. Pp. 3–26.
21. Bobryshev A. D., Tumin V. M., Vitushkina M. G. Monitoring the sustainability of enterprises with a long production cycle: monograph. Moscow, 2021. 201 p.
22. Gorshenina E. V., Khomyachenkova N. A. Monitoring the sustainable development of an industrial enterprise. Russian Entrepreneurship. 2011. No. 1. Pp. 66–67.

23. Ibragimova R. S., Golovkin D. S. Methodological justification for assessing the economic potential of a textile industry enterprise. Modern science-intensive technologies. Regional application. 2016. No. 3 (47). Pp. 64–74.

24. Lifshits A. S., Ibragimova R. S. Factors and tools for ensuring sustainable development of mechanical engineering enterprises: monograph. Moscow, 2023. 200 p.

25. Temnova N. K. Economic dynamics of textile enterprises: theoretical, methodological and applied aspects: Author's abstract. dis. Doctor of Economics Sci. Ivanovo, 2009. 40 p.

26. Saati Thomas L. Decision making with dependencies and feedbacks. Analytical networks / translated from English. Ed. 4. Moscow, 2015. 360 p.

27. Lifshits A. S., Skulin V. A. Directions and results of forecasting on the market of grain products in the Ivanovo region. Problems of forecasting. 2019. No. 2. Pp. 86–92.

28. Tsakaev A. Kh. Anti-crisis management in risk management: methodological aspects. Risk Management. 2024. No. 1. Pp. 3–9.

Поступила в редакцию: 17.05.2024.

Принята к печати: 24.06.2024.

УДК 330.34 (571.150)
DOI 10.14258/epb202438

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССА ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ КАК РЕАЛЬНОГО ИНСТРУМЕНТА РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В. Г. Лякишева¹, Вит. В. Мищенко¹, А. А. Кириллов^{2,3}, А. В. Чухно¹

¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

²АО «Государственная транспортная лизинговая компания» (Москва, Россия)

³Университет мировых цивилизаций (Москва, Россия)

В статье акцентировано внимание на включенность населения в процесс социально-экономического развития и в решение насущных проблем места своего проживания в сложный для страны период. В Послании Президента России Федеральному Собранию в феврале 2024 г. затронута тема развития территорий муниципальных образований в ходе совместной деятельности федеральной и региональной власти, органов местного самоуправления, гражданских активистов и всего населения. Актуальность темы эффективного сотрудничества власти и населения в ходе реализации инициативного бюджетирования как современного и доступного для жителей инструмента также подчеркнута на самом высоком уровне. Целью работы стало продолжение исследования в динамике процесса инициативного бюджетирования в России; выявление проблем, связанных с проектной деятельностью, предложение ряда путей их решения. Отмечена необходимость запуска процесса со школьной скамьи (школьное инициативное бюджетирование) как потенциала развития гражданской активности молодого поколения нашей страны. Включенность авторов в изучаемый процесс позволяет оценить его с помощью теоретических методов объективного анализа ситуации, экспертных мнений, легальных и архивных документов, актуальной информации, на практическом опыте показать ряд успешных инициатив, реализуемых в Алтайском крае и г. Барнауле.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, органы власти, население, инициативное бюджетирование, Алтайский край.

IMPROVING THE PROCESS OF INITIATIVE BUDGETING AS A REAL INSTRUMENT FOR REGIONAL SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

V. G. Lyakisheva¹, Vit. V. Mishchenko¹, A. A. Kirillov^{2,3}, A. V. Chukhno¹

¹Altai State University (Barnaul, Russia)

²JSC State Transport Leasing Company (Moscow, Russia)

³University of World Civilizations (Moscow, Russia)

The article focuses on the involvement of the population in the process of socio-economic development and in solving pressing problems of their place of residence during a difficult period for the country. The Address of the President of Russia to the Federal Assembly in February 2024 touched upon the topic of development of municipal territories in the course of joint activities of federal and regional authorities, local governments, civil activists and the entire population. The relevance of the topic of effective cooperation between the authorities and the population during the implementation of initiative budgeting as a modern and accessible tool for residents is also emphasized at the highest level. The purpose of the work was to continue research into the dynamics of the process of initiative budgeting in Russia; identifying problems associated with project activities, proposing a number of ways to solve them. The need to start the process from school (school initiative budgeting) was noted as a potential for the development of civic engagement of the younger generation of our country. The involvement of the authors in the process under study allows us to evaluate it using theoretical methods of objective analysis of the situation, expert opinions, legal and archival documents, relevant information, and show through practical experience a number of successful initiatives being implemented in the Altai Territory and the city of Barnaul.

Keywords: socio-economic development, authorities, population, initiative budgeting, Altai Territory.

Социально-экономическое развитие страны, особенно в условиях современных вызовов, сохранение и продвижение имиджа России напрямую зависит от развития территорий ее 89 регионов и более 17 тыс. муниципальных образований. Значительное влияние на эти процессы могут оказывать активная деятельность и достойный образ нашего гражданского общества, выступающего важным источником так называемой «гибкой власти», когда органы власти и население совместно и успешно управляют территорией, в эффективном диалоге находят новые пути решения вопросов местного значения и возникающих проблем. Данная тема регулярно поднимается на различных уровнях власти и дискуссионных площадках, «красной нитью» проходит во многих документах. Так, в апреле 2023 г. на заседании президентского Совета по местному самоуправлению была подчеркнута значимость выстраивания результативной обратной связи с гражданами, повышения взаимопонимания и доверия между ними и местной властью. Президент России отметил важность непосредственного участия жителей в принятии решений, а среди инструментов назвал инициативное бюджетирование и ряд других форм гражданского участия [1]. Подчеркивая значимость российского самоуправления, эксперты-муниципалы включают в число субъектов управления территорией ее население [2] и отмечают, что местное сообщество может само выбирать наилучший вариант для достижения поставленной цели [3].

С учетом многоаспектности и широкого круга вопросов в затронутой сфере авторы считают целесообразным выделить в первую очередь ее правовую основу. Особое внимание к необходимости развития гражданских инициатив было привлечено в ходе мероприятий в честь 30-летия Конституции Российской Федерации, где подчеркнута право населения на самостоятельное решение вопросов местного значения [4]. Главой 5 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [5] (далее — ФЗ № 131) определены основные формы участия населения в местном самоуправлении (далее — МСУ). Одной из них (ст. 26.1 закона) с 01.01.2021 стало инициативное бюджетирование (далее — ИБ), способствующее включенности населения в решение вопросов повышения комфортности места своего проживания. Поправки к Бюджетному кодексу РФ, внесенные законом от 20.07.2020 № 216-ФЗ, наделили Министерство финансов России (далее — Минфин РФ) полномочиями по методическому обеспечению планирования и исполнения расходов региональных и местных бюджетов на реализацию инициативных проектов и формирование информации

о соответствующем бюджете в доступной и понятной для граждан форме. Более детально вопросы инициативного бюджетирования прописаны в Методических рекомендациях по подготовке и реализации практик инициативного бюджетирования в Российской Федерации, утвержденных Минфином РФ (в ред. от 05.12.2023). Новая форма участия населения в МСУ стала инновационным ресурсом, а ее актуальность подчеркнута фактом включения Мероприятий по реализации проектов инициативного бюджетирования в Перечень поручений Президента РФ от 04.06.2023 № ПР-1111.

Должное внимание данному процессу уделяется не только представителями органов власти, но и профессионалами в сфере государственного и муниципального управления, имеющими как теоретические наработки, так и практические навыки. Это — Т. А. Багдасарян, В. В. Вагин, Н. В. Гаврилов, В. Б. Зотов, С. В. Романов, И. Е. Шульга, Г. Н. Хачатрян, С. Н. Юркова и их коллеги, а среди алтайских исследователей можно выделить экономистов-регионоведов В. Н. и И. В. Стрижкиных, А. Я. Троцкого и др. Ценным источником информации по теме стали Доклады о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах РФ и муниципальных образованиях (далее — Доклады), представляемые созданным в январе 2015 г. Центром инициативного бюджетирования научно-исследовательского финансового института Минфина РФ (далее — ЦИБ НИФИ) при поддержке Департамента бюджетной методологии финансовой отчетности в государственном секторе. Авторы Докладов рассматривают ИБ в качестве инструмента коммуникации населения и власти, считают его частью единой рамки компетенций в области финансовой грамотности населения [6]. Это подчеркивает актуальность темы исследования, а правовые, методические и организационные основы инициативного бюджетирования привлекают наше внимание как с теоретической, так и с практической точек зрения. Ранее в публикациях, посвященных ряду аспектов социально-экономического развития территорий, формированию их имиджей и вопросам взаимодействия власти и населения, мы уже акцентировали внимание на новых формах непосредственного участия жителей в развитии и повышении комфортности места своего проживания, в том числе через проектную деятельность [7].

Далее считаем необходимым обозначить ряд ключевых определений, связанных с исследуемой темой, в динамике ее развития. По мнению руководителя российского ЦИБ НИФИ В. В. Вагина, инициативное бюджетирование в силу значительного числа особенностей можно назвать первым этапом развития партисипаторного бюджетирования в России. Одной из его отличительных черт,

по мнению В. В. Вагина, является софинансирование гражданами проектов, отобранных с помощью конкурсных процедур [8]. Еще одна особенность ИБ заключается в том, что данный механизм характеризуется значительным разнообразием применяемых подходов в регионах. С одной стороны, это создает условия для возникновения уникальных практик, с другой — затрудняет установление единых правовых норм процесса, усложняет мониторинг и оценку результатов. Этим объясняется актуальность исследования и важность разработки мер, повышающих значимость и востребованность проектов среди населения и способствующих более активному участию граждан не только в их разработке, но и в реализации. Так как ИБ берет свое начало от партисипаторного бюджетирования (от англ. *participate* — участвовать), то его мировая популярность и востребованность служит ответом на запрос граждан и представителей власти решать локальные проблемы совместно. Внедрение этой формы стало возможным благодаря совокупному воздействию ряда ключевых элементов: тенденции к политической открытости власти, ее стремлению к демократизации и поддержке снизу, которую оказывают граждане, стремящиеся к улучшению условий в своем регионе и муниципальном образовании [8, 9]. Инициативное бюджетирование — это общее название, используемое для обозначения совокупности практик вовлечения граждан в бюджетный процесс, объединенных общей идеологией гражданского участия.

Эксперты считают участие граждан в решении вопросов местного значения через ИБ необходимым атрибутом одной из современных концепций формирования территориальных стратегий — когнитивным подходом, включающем зависимость развития территорий от направленности поведения населения, влияния среды на принятие жителями решений, при этом отмечается комплекс стимулирования различных групп населения, коммуникативные методы и пр. [10, 11]. Алтайские регионоведы также подчеркивают перспективы роста уровня влияния объединения людей на развитие всей социально-экономической сферы территории, учитывая ее особенности [12].

Начало партисипаторного бюджетирования в России было заложено в 2013 г. проектной группой в Санкт-Петербурге, а в январе 2015 г. был создан ЦИБ НИФИ, что послужило началом системного изучения процесса развертывания практик инициативного бюджетирования в России. Вместе с тем еще с 2007 г. в стране стали развиваться такие проекты, как Программа поддержки местных инициатив (далее — ППМИ), «Твой бюджет», «Народный Бюджет» и «Народная Инициатива», внедряемые с учетом местных особенностей в различ-

ных регионах РФ. С 2015 г. опыт ИБ анализируется в рамках ежегодного мониторинга лучших практик. На основании этих результатов предлагаются стратегии развития ИБ, разрабатываются конкретные региональные программы. Начиная с 2016 г. в ходе мониторинга исследуются результаты реализации практик ИБ в субъектах РФ. В 2023 г. завершился восьмой цикл развития ИБ, показавший устойчивый характер данного процесса. Инициативное бюджетирование как методология участия граждан в принятии бюджетных решений, направленных на совместное решение властью и обществом вопросов социально-экономического развития территории, дает жителям возможность быть полноценными участниками управленческих процессов, в том числе в рамках федерального проекта «Государство для людей». Термины «клиентоцентричность государства» и «инициативное бюджетирование», по мнению экспертов, — это две взаимодействующие и взаимонаправленные тенденции в государственном и муниципальном управлении [13]. Законодательное закрепление в 2020 г. одной из практик ИБ в качестве формы участия населения в МСУ привело к существенному увеличению муниципальных практик. Потенциал вовлечения граждан в вопросы управления содержится в ряде документов стратегического развития, таких как «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации»; «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года»; «Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года»; «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» и др.

Законодательство РФ не ограничивает органы власти субъектов РФ в принятии нормативных правовых актов по вопросам инициативного бюджетирования. К примеру, в ряде регионов были приняты законы, регламентирующие данную сферу: это Пермский край (2016 г.), Ленинградская область (2018 г.), Московская область (2018 г.), Челябинская область (2020 г.).

Развитию региональных программ и проектов инициативного бюджетирования в Сибирском федеральном округе (далее — СФО) также способствовал Проект Минфина РФ и Всемирного банка «Развитие инициативного бюджетирования в Российской Федерации». Первыми участниками проекта были лишь 4 из 10 регионов СФО: Алтайский край, Иркутская область, Красноярский край и Новосибирская область, выстроившие свою деятельность с учетом того, что инициативное бюджетирование стало одним из приоритетных направлений деятельности Правительства РФ до конца 2024 г., демонстрируют в своем развитии устойчивую тенденцию роста [14].

Изучение темы на примере Алтайского края выявило, что Постановлением Правительства региона от 29.10.2019 № 423 «Об утверждении государственной программы Алтайского края «Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами» были прописаны: условия участия в конкурсном отборе, его организация и подведение итогов; требования к финансовому обеспечению проекта; порядок и условия предоставления субсидий и контроль за целевым и эффективным использованием средств краевого бюджета. Основные задачи, права, полномочия, организация работы конкурсной комиссии были утверждены приказом Минфина Алтайского края от 30.08.2018 № 18-н «Об утверждении положения о конкурсной комиссии по проведению конкурсного отбора по предоставлению из краевого бюджета бюджетам муниципальных образований Алтайского края субсидий на реализацию инициативных проектов развития (создания) общественной инфраструктуры муниципальных образований». Далее вышел приказ от 28.01.2020 № 2-н «Об утверждении требований к конкурсному отбору инициативных проектов развития (создания) общественной инфраструктуры муниципальных образований». Затем краевым законом от 05.05.2021 № 38-ЗС в Устав (Основной Закон) Алтайского края от 05.06.1995 № 3-ЗС было внесено дополнение в ст. 103, п. 1 в части обсуждения вопросов инициативных проектов. С целью организации управления процессом в регионе в составе КАУ «Алтайский центр финансовых исследований», созданного постановлением Администрации Алтайского края от 20.11.2013 № 618, активно функционирует краевой Центр инициативного бюджетирования [15]. Успешные практики проектной работы в нашем регионе освещаются в различном формате [6, 15, 16]. Так, из достижений федерального уровня можно отметить, что проекты ППМИ Алтайского края в 2020 г. признаны Минфином РФ одной из лучших практик развития ИБ в субъектах РФ в номинации «Организация и внедрение системы управления практикой инициативного бюджетирования через интернет». Информационная платформа ал-

тайпредлагай.рф была разработана в 2017 г. и сейчас позволяет гражданам равноценно участвовать в конкурсе и отслеживать все этапы прохождения заявки на конкурсном отборе. Ежегодно портал модернизируется и адаптируется к современным условиям, представляя подробную информацию о реализации каждого проекта, приложение стало еще одним каналом получения обратной связи от участников ППМИ. В целях повышения информационной составляющей ППМИ в крае в 2022 г. был запущен официальный Telegram-канал и создана группа в социальной сети «Одноклассники» с информацией об условиях участия в проекте, нововведениях, практиках, новостях и др. В сентябре 2022 г. на IV Всероссийской конференции по инициативному бюджетированию команда Минфина Алтайского края презентовала опыт по реализации ППМИ и совершенствованию процесса. Данная практика нашего региона была признана лучшей на федеральном уровне в номинации «Организация сопровождения процесса инициативного бюджетирования» [16].

Ранее мы уже отмечали особенности Алтайского края, связанные с большим числом муниципальных образований и их разнородностью от центра (на 01.01.2024 в регионе 694 муниципалитета, в том числе 618 сельских поселений, 56 муниципальных районов, 4 муниципальных округа), и затрагивали тему его территориальных трансформаций (создание новых округов), отмечая ценность участия в этом процессе населения [7, 17]. Важность повышения эффективности совместной деятельности органов власти и населения по развитию сельских территорий края с учетом сохранения их исторической аутентичности, в том числе через проектную деятельность, значимость механизмов проведения конкурсов и финансирования победителей, необходимости поддержки инициатив именно сельских жителей в силу специфики развития региона отмечают многие исследователи [10, 18].

Участвуя в ППМИ, жители Алтайского края имеют возможность решать актуальные социально-значимые проблемы местного значения. Показатели реализации проектов в Алтайском крае представлены в таблице 1 [16].

Таблица 1

Показатели реализованных в Алтайском крае инициативных проектов за 2017–2024 гг.

Показатели	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г., план.	Итого
Количество проектов, ед.	75	156	204	370	394	407	406	381	2393
Общая стоимость, млн руб.	68,6	145,5	174,1	335	401	509	570	596,8	2800

В 2024 г. согласно распоряжению Губернатора Алтайского края от 18.02.2024 «О распределении между бюджетами муниципальных образова-

ний субсидий на софинансирование реализации инициативных проектов развития (создания) общественной инфраструктуры», из краевого бюд-

жета будет направлено 399,9 млн руб. победителям конкурсного отбора в 2025 г. [15]. Всего в 2024 г. запланировано реализовать 381 инициативный проект, в их числе — проекты общерайонного (общекружного) значения двух и более населенных пунктов. Так, в Целинном районе планируется обустроить Мемориал славы воинам, погибшим в зоне СВО, в Михайловском районе — спортивную площадку на территории лыжной базы, в Быстроистокском районе — форпост («сторожевую башню»). Благоустраиваются детские оздоровительные лагеря, возводятся стелы на въездах в район, в с. Полевое Немецкого национального района идет строительство модульной котельной и пр. [16]. Наиболее приоритетными для жителей края стали проекты, связанные с ремонтом дорог (23%), обустройством спортивных объектов (14%), ремонтом объектов культуры и монтажом уличного освещения (по 10%), благоустройством мест отдыха и детских площадок (по 9%) и другие типологии. Общая стоимость проектов в 2024 г. составит 596,8 млн руб., из них средства краевого бюджета — 399,9 млн руб. (67%), местных бюджетов — 121,3 млн руб. (20,3%), населения — 43,6 млн руб. (7,3%), юридических лиц — 32,0 млн руб. (5,4%). Успешные практики освещаются на сайте алтайпредлагай. рф [16] и в других источниках, в том числе в ряде Докладов ЦИБ НИФИ [6].

Изучение практик реализации проектной деятельности в столице Алтайского края г. Барнауле показало, что традиционно здесь ведется активная совместная работа органов местной власти и населения по социально-экономическому развитию территории городского округа и улучшению качества жизни горожан. По инициативе барнаульцев появляются новые детские и спортивные площадки, благоустраиваются общественные территории, обустраиваются линии освещения, асфальтируются улицы и решаются другие вопросы местного значения. И если на начальных этапах в реализации процесса через ППМИ могли участвовать лишь сельские территории (в Барнауле из пяти районов участвовали лишь три — Индустриальный, Ленинский и Центральный, включающие сельские населенные пункты), то с введением в 2020 г. в ФЗ № 131-ФЗ статьи 26.1 по инициативным проектам с 2021 г. такую возможность получило все городское население. Программа инициативного бюджетирования в Барнауле в полную силу заработала в 2022 г., когда на реализацию 21 проекта из бюджета города выделили 38,6 млн руб. (в их числе более 2 млн руб. — инициативные платежи населения). В 2023 г. на 26 проектов было направлено 55,4 млн руб. (5,6 млн руб. — средства населения). Приоритетными типологиями стали детские и спортивные площадки (10 проектов), асфальти-

рование и обустройство дорог (8), линии наружного освещения (7), строительство тротуара (1). С учетом приобретенного опыта была актуализирована муниципальная правовая база — приняты решения Барнаульской городской Думы от 25.08.2023 № 173, 174, регламентирующие порядок выдвижения инициативных проектов, конкурсного отбора и определения территории их реализации. На 2024 г. конкурсной комиссией из 67 предложенных было отобрано 33 проекта с поддержкой из городского бюджета более 55 млн руб. [19]. Ниже приведены наиболее яркие примеры инициатив 2024 г., способствующих решению актуальных вопросов в различных сферах местной жизни.

Наибольшее число проектов ИБ в 2024 г. (14 из 33) запланировано к реализации на территории Центрального района Барнаула. В их числе для детей с ограниченными возможностями строится площадка в детском саду № 197. Инициативная группа п. Бельмесево предложила построить дорожки для катания на велосипедах и роликах, а родители воспитанников детского сада № 239 инициировали благоустройство его территории. В Индустриальном районе реализуется 13 проектов. Среди них асфальтирование дорожного полотна, благоустройство въездной зоны пос. Лесного, реконструкция детского этнокомплекса, освещение, благоустройство дворовой территории и парковой зоны. По словам депутата городской Думы Ю. Ряполова, жители пригорода рассматривают инициативные проекты как реальную возможность изменить жизнь своей территории в лучшую сторону. Традиционно работа по развитию инфраструктуры активно ведется на территории Железнодорожного района. Здесь по трем проектам планируется установка линий наружного освещения по ул. Бийской и ул. Катунской, на ул. Г. Исакова при активном участии ТОС Петровского микрорайона, а также инициатива по обустройству детской спортивной площадки. В Ленинском районе в 2024 г. реализуется два городских проекта по благоустройству территории, активисты ТОС в с. Гоньба при поддержке более 200 чел. запланировали строительство линии уличного наружного освещения, что очень актуально для сельской территории. В Октябрьском районе выполняется проект «Спорт — норма жизни» с обустройством в сквере Химиков спортивной площадки для воркаута с современным безопасным резиновым покрытием и установкой качелей для детей микрорайона «Поток» [19].

Включенности населения в процессе ИБ способствует позиция депутатов городской Думы, администрации города, органов ТОС и всех неравнодушных барнаульцев, получивших возможность участвовать в решении социально значимых вопросов на своей микро-территории. Приведенные при-

меры показывают, что общественные инициативы могут проявляться в различных формах и при благоприятном стечении обстоятельств аккумулироваться в совместных проектах членов местного сообщества и органов власти на благо как конкретного места проживания, так и всей территории городского округа. Обратим внимание на следующий актуальный момент: в конце мая 2024 г. в Алтайском крае были подведены результаты регионального этапа Всероссийского конкурса «Лучшая муниципальная практика». Барнаул победил в номинации «Обеспечение эффективной «обратной связи» с жителями муниципальных образований, развитие территориального общественного самоуправления и привлечение граждан к осуществлению (участию в осуществлении) местного самоуправления в иных формах» среди городских и муниципальных округов и городских поселений». В результате значимой победы краевая столица получила возможность участия в федеральном этапе конкурса [19].

В настоящее время запущен процесс обсуждения планов на 2025 г. и на ряде территорий уже проходят собрания активистов с обсуждением

предлагаемых к реализации перспективных инициатив.

Основываясь на приведенных данных, можно сделать вывод о том, что в Барнауле совершенствуется процесс ИБ, растет число, качество и финансирование проектов. Для информационного сопровождения на официальном сайте города открыта интернет-страница «Инициативное бюджетирование», где под девизом «Программа инициативного бюджетирования Барнаула — отличный инструмент совместного решения проблем жителей города!» дана актуальная информация для населения [19].

Вместе с тем погружение в тему ИБ показало, что, несмотря на ряд новелл и позитивных моментов в развитии самоуправленческих начал, в данной сфере присутствует еще множество проблем. Изучив ряд форм участия населения в решении вопросов местного значения, нами выявлены определенные трудности, в том числе в ходе реализации инициативных проектов. Основные проблемы в этой сфере, их обоснование и предлагаемые варианты решений представлены в таблице 2.

Таблица 2

Проблемы в сфере инициативного бюджетирования и предлагаемые пути их решения на территории муниципального образования

Проблема 1	Отсутствие четкой постановки цели применения инициативного бюджетирования (ИБ) или неверная ее формулировка
Обоснование	Например, цель ИБ при его реализации в городе может быть сформулирована как «улучшение качества жизни горожан» или «увеличение эффективности использования бюджетных средств». Однако если цель неконкретна и неизмерима, то это может затруднить определение того, какие проекты и программы действительно нужны городу и как они могут быть реализованы. Кроме того, неверная формулировка цели ИБ может привести к неправильному распределению бюджетных средств. Так, если целью ИБ является «улучшение инфраструктуры города», но при этом не учитываются потребности жителей, то проекты могут быть выбраны неправильно и не будут соответствовать реальным потребностям города. Поэтому важно четко определить цель ИБ и сформулировать ее таким образом, чтобы она была конкретной, измеримой и соответствовала потребностям города. Только тогда ИБ будет эффективным инструментом для улучшения жизни горожан и повышения качества инфраструктуры
Решение	Автоматизация процессов инициативного бюджетирования позволит избежать этих проблем, так как организационные мероприятия будут заложены в информационно-аналитической системе.
Проблема 2	Отсутствие этапа исследования физической, социальной и экономической инфраструктуры публично-муниципального образования
Обоснование	Отсутствие этапа исследования может привести к тому, что проекты и программы будут разработаны без учета реальных потребностей и проблем, что может привести к неэффективному расходованию бюджетных средств и неудовлетворенности граждан результатами. Кроме того, отсутствие исследования может затруднить оценку эффективности проектов и программ и определение их успешности. Таким образом, этап исследования физической, социальной и экономической инфраструктуры является важным элементом ИБ и позволяет обеспечить более эффективное расходование бюджетных средств и удовлетворение потребностей граждан
Решение	Формирование единой базы данных о физической, социальной и экономической средах по рассмотренным выше критериям. Создание единой базы данных позволит органам власти и гражданам получать актуальную информацию о состоянии инфраструктуры, социальной сферы и экономики в регионе. Это поможет принимать более обоснованные решения по распределению бюджетных средств и реализации проектов. Единая база данных также позволит гражданам отслеживать ход реализации проектов и оценивать их эффективность. Кроме того, она может служить основой для проведения исследований и анализа социально-экономических процессов в регионе. Однако формирование единой базы данных может потребовать значительных ресурсов и времени, а также высокой степени координации между различными органами власти и организациями. Поэтому необходимо проводить тщательный анализ затрат и выгод от создания единой базы данных и определять приоритетные проекты и программы, для которых она будет наиболее полезна.

Проблема 3	На данный момент список объектов, которые можно реализовать в рамках инициативных проектов, ограничен и включает только объекты, отнесенные в нормативных документах к охране окружающей среды
Обоснование	Расширение списка объектов позволит увеличить количество инициативных проектов и более полно удовлетворить потребности населения в благоустройстве территории. Это позволит привлечь больше граждан к участию в проекте и повысить его эффективность
Решение	В качестве возможных направлений для расширения списка объектов в рамках инициативных проектов необходимы следующие: <ul style="list-style-type: none"> — объекты социальной инфраструктуры (школы, детские сады, поликлиники, спортивные объекты и т. д.); — объекты транспортной инфраструктуры (строительство новых и реконструкция существующих дорог, установка светофоров и т. д.); — объекты культурного наследия (реставрация памятников архитектуры, создание музеев и т. д.)
Проблема 4	Недостаток прозрачности при принятии решений по реализации инициативного бюджетирования
Обоснование	Граждане не всегда имеют достаточно информации о том, как именно будут использоваться их голоса и какие проекты будут выбраны для финансирования. Кроме того, многие проекты могут быть недостаточно конкретными и не иметь четких целей и задач, что также затрудняет оценку их эффективности. Для избежания этих проблем необходимо обеспечить максимальную прозрачность процесса принятия решений. Органы власти должны представлять гражданам полную информацию о проектах, их целях и задачах, а также о том, каким образом будут использоваться голоса граждан. Кроме того, важно проводить открытые слушания и консультации с гражданами, чтобы они могли высказать свое мнение и внести свои предложения
Решение	Публикация отчетов и информации о проектах, их целях и задачах, а также о том, каким образом будут использоваться голоса граждан при реализации проектов ИБ. Публикация отчетов и информации позволит гражданам следить за ходом реализации проектов, а также оценить их результаты и эффективность. Это также поможет органам власти лучше понимать потребности и ожидания граждан, что в свою очередь позволит более эффективно распределять бюджетные средства. Важно также публиковать информацию о том, каким образом голоса граждан будут использованы при распределении средств. Это поможет предотвратить возможные конфликты и недопонимания между гражданами и органами власти. Публикация информации и отчетов о проектах также способствует повышению доверия граждан к ИБ и помогает укрепить гражданское участие в управлении городом, районом или регионом
Проблема 5	Отсутствие у населения возможности вклада не менее 5 процентов от общей стоимости проекта
Обоснование	Данная проблема может привести к тому, что некоторые граждане не будут участвовать в процессе принятия решений и не будут иметь достаточного влияния на распределение бюджетных средств. Кроме того, это может привести к снижению эффективности ИБ, так как граждане, не имеющие возможности внести свой вклад, могут не видеть смысла участия в этом процессе
Решение	Рассмотрение возможности предоставления грантов или других форм финансовой поддержки для тех граждан, кто не может внести свой вклад на уровне 5%, и снижение процента денежного вклада с населения с 5% до 3% при реализации проектов

Считаем необходимым также обратить внимание на ряд проблем в правовом обеспечении процесса инициативного бюджетирования и предлагаем: при внесении изменений в законодательство учитывать предложения «с мест», в частности, это касается законопроекта о МСУ № 40361–8; рассмотрение вопроса о разработке специального федерального закона, регламентирующего ИБ; совершенствование иных правовых актов; проработка возможности издания специального справочника по правовой базе ИБ федерального, регионального и местного уровней.

Полагаем, что важным ресурсом в изучаемом процессе должны быть молодежные инициативы. Потенциалом может стать школьное инициативное бюджетирование, так как оно способствует повышению финансовой грамотности и может использоваться как инструмент приобретения зна-

ний, служить механизмом вовлечения учащихся и их родителей в управление финансами школы через процесс принятия бюджетных решений. Развитие подобной инициативы и формирование многообразия практик в регионах способствует поиску и трансляции новых форматов, тем более что опыт Алтайского края уже отражен в Докладах Минфина РФ [6]. Мы уверены, что для успеха развития всех гражданских инициатив их нужно начинать со школы, где тема важности участия в МСУ должна быть «на слуху», а наиболее яркие из учебных конкурсных проектов должны поддерживаться представителями руководства и школьного самоуправления, органами власти. Актуальность вовлечения молодежи в управление территориями подтверждается развитием таких активностей, как «Движение Первых», «Орлята России», «Волонтеры местного самоуправления» и др., что дает воз-

возможность совместного решения многих проблем с использованием творческого потенциала и интеллектуального опыта гражданских активистов разных возрастов и поколений, народностей, культур на благо не только россиян, но и всего мирового сообщества. Считаем, что тема участия молодежи в качестве амбассадоров МСУ в проектной деятельности перспективна для дальнейшего исследования.

Подобные выводы важны в контексте тезисов о том, что успешное развитие страны зависит от уровня развития ее регионов и муниципальных образований, что в очередной раз было подтверждено на встрече Президента России в феврале 2024 г. с главами муниципальных образований — участниками Всероссийского форума «Малая родина — сила России» с обсуждением проблем МСУ, его лучших практик и новых горизонтов.

Приведенные выше актуальные примеры подтверждают важность стоящих на повестке дня вопросов совершенствования управленческих процессов с участием населения, учитывая, что в данный момент органы власти и гражданские активисты должны осуществлять свою деятельность в рамках задач по реализации Указа Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [1]. Это еще раз подчеркивает актуальность тематики совместного поиска органами власти и активным населением путей реализации различных современных и эффективных подходов и инициатив на местах при решении вопросов социально-экономического развития малых и больших территорий с помощью реальных механизмов, адаптированных к современным условиям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/> (дата обращения: 10.07.2024).
2. Широков А. Н., Юркова С. Н. Муниципальное управление. М., 2019. 224 с.
3. Организация управления и самоуправления в крупнейших городах: современное состояние и проблемы: учебно-методическое пособие / под редакцией В. Б. Зотова. М. 2010. С. 22–23.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. 01.07.2020. № 31. Ст. 4398.
5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (в ред. от 22.07.2024 № 213-ФЗ) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
6. Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях / Министерство финансов Российской Федерации; составители: С. В. Романов, Т. А. Багдасарян, В. В. Вагин и др. М., 2022. 91 с.
7. Мищенко В. В., Лякишева В. Г., Кириллов А. А. Инициативные проекты как одна из перспективных форм гражданского участия в решении вопросов социально-экономического развития территории (на материалах Алтайского края) // Экономика Профессия Бизнес. 2022. № 3. С. 74–83. DOI: 10.14258/erb202240.
8. Вагин В. В., Гаврилова Н. В., Шаповалова Н. А. Инициативное бюджетирование в России: лучшие практики и направления развития // Финансовый журнал. 2015. № 4. С. 94–95.
9. Шульга И. Е., Вагин В. В., Хачатрян Г. Н. Инициативное бюджетирование. Российский опыт в области участия граждан в решении вопросов местного значения. М., 2017. 124 с.
10. Боев Н. В., Троцковский А. Я. Вовлечение населения в решение вопросов местного значения: историография и опыт Алтайского края // Экономика Профессия Бизнес. 2020. № 1. С. 28–33. DOI: 10.14258/erb201954.
11. Фролов Д. П., Соловьева И. А. Будущее стратегий территориального развития: анализ современных методологий // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 10. С. 28–45.
12. Мищенко В. В., Мищенко И. К. Современные подходы к классификации регионов с позиций структурно-экономического развития // Вестник алтайской науки. 2015. № 2. С. 207–209.
13. Проект «Стратегия развития инициативного бюджетирования в Российской Федерации на 2023–2030 годы». М., 2022. С. 22–49.
14. Фадейкина Н. В., Морозова О. В. Опыт регионов Сибирского федерального округа в области инициативного бюджетирования. М., 2020. № 3. Часть 2. С. 55–61.
15. Официальный сайт Алтайского края. URL: <https://altairegion22.ru> (дата обращения: 10.07.2024).
16. Проект поддержки местных инициатив в Алтайском крае. URL: <https://алтайпредлагай.рф/> (дата обращения: 10.07.2024).

17. Мищенко В. В., Лякишева В. Г., Юдина В. В. О внедрении опыта регионов России при создании муниципальных округов в контексте совершенствования административно-территориального устройства Алтайского края // Экономика Профессия Бизнес. 2020. №4. С. 81–89. DOI: 10.14258/epb2019104.

18. Стрижжина И. В., Капустян Л. А., Сабына Е. Н. Региональный опыт проектов, основанных на инициативе граждан // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Вып. 1 (22). Барнаул, 2023. С. 11–15.

19. Официальный сайт города Барнаула. URL: <https://barnaul.org> (дата обращения: 20.07.2024).

REFERENCES

1. Official website of the President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/> (date of access: 10.07.2024).

2. Shirokov A. N., Yurkova S. N. Municipal government. Moscow, 2019. 224 p.

3. Organization of management and self-government in the largest cities: current state and problems: educational and methodological manual / edited by V. B. Zotova. Moscow, 2010. Pp. 22–23.

4. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved in the course of nationwide voting on 01.07.2020). SZ RF. 01.07.2020. No. 31, Art. 4398.

5. On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation: Federal Law of 06.10.2003 No. 131-FZ (as amended on 22.07.2024 No. 213-FZ). SZ RF. 2003. No. 40. Art. 3822.

6. Report on the best practices for the development of initiative budgeting in the constituent entities of the Russian Federation and municipalities / Ministry of Finance of the Russian Federation; compiled by: S. V. Romanov, T. A. Bagdasaryan, V. V. Vagin et al. Moscow, 2022. 91 p.

7. Mishchenko V. V., Lyakisheva V. G., Kirillov A. A. Initiative projects as one of the promising forms of civil participation in resolving issues of socio-economic development of the territory (based on materials from the Altai Territory). Economics Profession Business. 2022. No. 3. Pp. 74–83. DOI: 10.14258/epb202240.

8. Vagin V. V., Gavrilova N. V., Shapovalova N. A. Initiative budgeting in Russia: best practices and directions of development. Financial magazine. 2015. No. 4. Pp. 94–95.

9. Shulga I. E., Vagin V. V., Khachatryan G. N. Proactive budgeting. Russian experience in the field of citizens' participation in solving local issues. Moscow, 2017. 124 p.

10. Boev N. V., Trotskovsky A. Ya. Involving the population in resolving issues of local importance: historiography and experience of the Altai Territory. Economics Profession Business. 2020. No. 1. Pp. 28–33. DOI: 10.14258/epb201954.

11. Frolov D. P., Solovyova I. A. The Future of territorial development strategies: analysis of modern methodologies. Regional Economics: theory and practice. 2016. No. 10. Pp. 28–45.

12. Mishchenko V. V., Mishchenko I. K. Modern approaches to the classification of regions from the standpoint of structural and economic development. Bulletin of Altai science. 2015. No. 2. Pp. 207–209.

13. Project «Strategy for the development of initiative budgeting in the Russian Federation for 2023–2030». Moscow, 2022. Pp. 22–49.

14. Fadeikina N. V., Morozova O. V. Experience of the regions of the Siberian Federal District in the field of initiative budgeting. Moscow, 2020. No. 3. Part 2. Pp. 55–61.

15. Official website of the Altai Territory. URL: <https://altairegion22.ru> (date of access: 10.07.2024).

16. Project to support local initiatives in the Altai Territory. URL: <https://altaipredlagai.rf/> (date of access: 10.07.2024).

17. Mishchenko V. V., Lyakisheva V. G., Yudina V. V. On the implementation of the experience of the regions of Russian in creating municipal districts in the administrative and territorial structure of the Altai Territory. Economics Profession Business. 2020. No. 4. Pp. 81–89. DOI: 10.14258/epb2019104.

18. Strizhkina I. V., Kapustyan L. A., Sabyna E. N. Regional experience of projects based on the initiative of citizens. Scientific notes of the Altai branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Vol. 1 (22). Barnaul, 2023. Pp. 11–15.

19. The official website of the city of Barnaul. URL: <https://barnaul.org> (date of access: 20.07.2024).

Поступила в редакцию: 01.07.2024.

Принята к печати: 02.07.2024.

УДК 330.366:502.131.1

DOI 10.14258/epb202439

МОДЕЛЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ПРИ МИНИМИЗАЦИИ НЕГАТИВНОГО АНТРОПОГЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

С. Э. Майкова

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва
(Саранск, Россия)

Обеспечение экономического роста при минимизации ущерба экологии в современных условиях развития становится все более актуальным. Стратификация мировой экономической системы, ограничения, вызванные беспрецедентным введением санкций, нарушение глобальных цепочек поставок, переориентация ключевых участников производственной деятельности на локализацию и импортозамещение обусловили изменение в структуре ресурсных источников материального производства.

Это обстоятельство создает комплекс рискообразующих факторов в сфере экологии, что приводит к росту «цены» экономического развития. Переход от экстенсивной модели роста к развитию, основанному на ресурсоэффективных технологиях, позволит переломить негативные тенденции. Решение задачи сохранения экономического роста при сокращении негативного влияния на окружающую среду требует пересмотра подходов и использования опережающего индикативного планирования необходимых ресурсов с учетом возможностей вторичного использования отходов для минимизации негативного антропогенного воздействия.

Цель исследования — разработка функциональной модели устойчивого развития (во времени), в основе которой лежат принципы замещения природного капитала за счет увеличения использования трудовых и капитальных ресурсов при развитой институциональной поддержке со стороны государства. Такая модель обеспечивает развязку противоречия «экономический рост — минимизация экологического ущерба» за счет применения концепции ресурсоэффективности. В статье сформированы направления применения базовой модели обеспечения устойчивого развития, а также мероприятия ее практической реализации, сгруппированные по факторам производства.

Ключевые слова: устойчивый экономический рост, ресурсоэффективность, оптимальный выбор, производственная функция, антропогенное воздействие.

MODEL OF ENSURING ECONOMIC GROWTH WHILE MINIMIZING NEGATIVE ANTHROPOGENIC IMPACT

S. E. Maykova

Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)

Ensuring economic growth while minimizing ecological damage is becoming increasingly relevant in modern development conditions. The stratification of the global economic system, restrictions caused by the unprecedented imposition of sanctions, disruption of global supply chains, the redirection of key participants in production towards localization and import substitution have led to a change in the structure of material production resources.

This circumstance creates a complex of risk factors in the field of ecology, which will lead to an increase in the «cost» of economic development. Transitioning from an extensive growth model to a development based on resource-efficient technologies will help break negative trends. Addressing the challenge of preserving economic growth while reducing negative impact on the environment requires a reevaluation of approaches and the use of forward-looking indicative planning of necessary resources, taking into account the possibilities of secondary waste utilization to minimize negative anthropogenic impact.

The research goal is the development of a functional model of sustainable development (over time), based on the principles of replacing natural capital by increasing the use of labor and capital resources with developed

institutional support from the state. Such a model ensures the resolution of the conflict between «economic growth — minimizing ecological damage» through the application of the resource efficiency concept, based on the optimal selection of resource. The article outlines directions for the practical implementation of the basic model of ensuring sustainable development, as well as measures for its practical implementation, grouped by production factors.

Keywords: economic growth, resource efficiency, optimal choice, production function, anthropogenic impact.

Введение. В настоящее время проблематика обеспечения устойчивого экономического роста при сохранении экологического равновесия является чрезвычайно актуальной. Несмотря на отказ от «зеленой повестки», показавшей во многом несостоятельность заложенных в нее принципов, проблема антропогенного воздействия на окружающую среду по-прежнему актуальна и несет в себе серьезную угрозу ресурсной базы долгосрочного развития.

В России уделяется значительное внимание вопросам снижения экологических рисков и снижения негативного антропогенного воздействия промышленного производства. Так, в 2018 г. на переработку отправлялось 2% всех отходов. По итогам 2023 г. доля переработки составила около 13%. Достигнуты следующие показатели: доля ТКО, направленных на обработку, составила 52,9%, направленных на утилизацию — 12,8%, на захоронение — 80,5% [1].

В 2022 г. начата разработка программ отраслевого развития в рамках федерального проекта «Экономика замкнутого цикла». Содержание программ предполагает применение отходов в качестве источников сырья в промышленном, сельскохозяйственном производстве, строительстве и ЖКХ. Продолжается реализация отраслевой программы «Применение вторичных ресурсов и вторичного сырья из отходов в промышленном производстве». Целевыми индикаторами программы станут рост доли переработки отходов, увеличение количества используемых вторичных ресурсов при формировании ресурсной и сырьевой базы промышленности. В соответствии с программными документами применение элементов вторичной переработки в качестве сырья в промышленном производстве в 2024 г. составит 15%, а к 2030 г. будет увеличено до 34% [2].

В качестве критериев актуальности решения противоречия — обеспечение роста экономики при условии минимизации экологического ущерба можно выделить следующие аспекты (рис.).

Критерии актуальности проблематики обеспечения устойчивого экономического роста при условии минимизации негативного антропогенного воздействия

Различные аспекты исследований проблематики обеспечения устойчивого роста экономики без негативного влияния на экологию рассмотрены в работах отечественных ученых С. Н. Бобылёва, П. А. Кирюшина, О. В. Кудрявцевой. Отдельные вопросы рассмотрения факторов, влияющих на экономический рост, рассмотрены в работах Е. Г. Букатиной, Н. В. Максимец, М. В. Пудовой. Исследование проблем ресурсосбережения и ресурсоэффективности основано на трудах Р. Л. Агабекян, О. Е. Астафьевой, В. А. Богатырева, И. Н. Голуб, А. Ю. Ефимычева, И. Ю. Потаповой, М. П. Чердаковой, Э. С. Цховребова.

Некоторые методологические вопросы осуществления инвестиционных вложений в «зеленые» технологии с целью активизации экономического развития рассмотрены отечественными исследователями Д. С. Алексановым, Е. А. Борковой, А. А. Марковой, М. Н. Тимченко, В. И. Трухачевым, Л. И. Хоружий. Особое значение в контексте настоящего исследования имеют труды А. В. Котова, И. Н. Краковской, М. В. Кунцман, Л. В. Курсургашевой, А. К. Муромцевой, А. А. Султыговой, посвященные вопросам устойчивой конкурентоспособности и низкой эффективности сырьевой модели экономического роста, а также необходимости ее трансформации. В. В. Авилова, Л. А. Кормишкина, Ю. П. Лебединский, Ю. В. Склянкин, П. Н. Чепига рассматривали вопросы экономической целесообразности перехода на замкнутый цикл безотходного производства как условие экономического развития в долгосрочной перспективе.

Зарубежными исследователями К. Adams, J. J. Bouma, S. M. Elgizawy, J. Hart, H. Henderson, M. Jeucken, L. Klinkers, N. Lindberg, T. Nash, K. Nassar, F. Pomponi, J. Runyon, R. Sanquiche, I. Simm, D. D. Tingley представлены методические и практические подходы решения дилеммы обеспечения устойчивого роста экономики и минимизации антропогенного воздействия.

Таким образом, необходимость исследования рассматриваемой проблемной области связана с потребностью выработки как научно обоснованных, так и практических подходов, на основании которых можно обеспечить экономический рост в долгосрочной перспективе и снижение антропогенного давления на экосистему с условием снижения потребления ресурсов.

В этой связи ключевой целью исследования является формирование функциональной модели устойчивого развития, фундаментом которой выступает условие замены фактора «природный капитал» (ядро которого составляют невозобновляемые ресурсы) альтернативными доступными (возобновляемыми) факторами — трудовыми и капитальными. При развитой институциональной под-

держке со стороны государства и практической реализации программных мероприятий будет обеспечено решение дилеммы «устойчивый экономический рост — минимизация негативного антропогенного воздействия».

Методы проводимого исследования. При рассмотрении противоречивости целей экономического роста и обеспечения снижения антропогенного давления на экосистему использовались методы диалектического сопоставления, сравнительного анализа, логических сопоставлений и причинно-следственных связей. Формирование функциональной модели устойчивого развития (во времени) проводилось с использованием методов математического моделирования, аналогового представления основных факторов экономического развития социально-экономической системы. Также применялись методы программного проектирования мероприятий практической реализации предложенного теоретического построения системной связи базовых факторов материального производства.

Результаты и их обсуждение. Взаимозависимость целей устойчивого экономического роста и минимизации ущерба для экологии, сохранения уровня потребления и ресурсосбережения крайне важна для создания устойчивой и эффективной экономической системы. Противоречия взаимодействия обозначенных целей представлены в таблице 1.

Фундаментальными основами построения экологически устойчивой экономики является сбалансированное соотношение темпов экономического роста, потребления ресурсов и снижения ресурсоемкости и уровня экологического давления [3, с. 15]. Необходим комплексный подход, учитывающий экономические, экологические и социальные аспекты для обеспечения устойчивого развития общества.

Развязка противоречия «экономический рост — минимизация экологического ущерба» потребует серьезного изменения принципов организации экономических взаимосвязей и внедрение механизмов, обеспечивающих рост ресурсоэффективности. Реализация такого подхода должна базироваться на новых методических подходах и инструментарии, обеспечивающих сокращение объема использованных ресурсов (снижение ресурсоемкости) [4, с. 144] и создании их воспроизводственной базы в долгосрочном периоде. При этом должны соблюдаться условия сохранения уровня потребления и снижения негативного влияния на экосистему.

В основу методологии решения противоречия «экономический рост — минимизация экологического ущерба» может быть положена концепция ресурсоэффективности как ключевой императив устойчивого развития экономики в долгосрочной перспективе.

Таблица 1

Характеристика противоречивости целей устойчивого экономического роста и минимизации экологического ущерба

Цели экономической системы	Противоречия целей
Устойчивый экономический рост и минимизация экологического ущерба	Постоянный экономический рост, основанный на неустойчивом потреблении ресурсов и неэффективных производственных методах, может привести к серьезному экологическому ущербу. Загрязнение окружающей среды, истощение природных ресурсов и изменение климата негативно сказываются на экосистемах, здоровье людей и долгосрочной устойчивости экономического развития
Высокий уровень потребления и ресурсосбережение	Рост объемов потребления увеличивает количество перерабатываемых ресурсов и выделяемых отходов, что является угрозой экологическому равновесию. Поддержание высокого уровня потребления растущего населения на фоне глобальных климатических изменений требует расширения ресурсной базы темпами, превышающими возможности ее естественного восстановления
Устойчивое развитие и обеспечение баланса между потреблением и ресурсосбережением	Достижение устойчивого экономического роста требует соблюдение баланса между уровнем потребления и эффективным использованием ресурсов. Ресурсосбережение, развитие экологически чистых технологий, повышение эффективности использования ресурсов минимизируют экологический ущерб, но могут в краткосрочной перспективе выступать сдерживающим фактором экономического роста
Институциональные факторы долгосрочного экономического роста	С нормативно-правовой позиции создание условий для внедрения процессов обеспечения ресурсоэффективности и практического применения экологически нейтральных производственных технологий рассматривается как ограничение конкурентоспособности. Недостаточное развитие или полное отсутствие информационно-коммуникационного взаимодействия экономических институтов, в задачи которых входит продвижение и приоритезация энерго- и ресурсоэффективных технологий, является рискообразующим фактором стратегии снижения антропогенного давления со стороны материального производства

Особое внимание к концепции снижения ресурсоемкости производства обусловлено высокой турбулентностью на мировых рынках ресурсов (в области экономической и физической их доступности), наращиванием промышленного производства с целью удовлетворения растущего потребительского спроса, негативным антропогенным воздействием, приоритезацией экологичности в имиджевых показателях конкурентоспособности, развитием идеологии экоповедения и ответственного потребления [5]. Концепция ресурсоэффективности и политика снижения ресурсоемкости производства позволит провести согласование целей экономического развития (экономическое развитие, повышение конкурентоспособности, полное использование ресурсов) с ответственным экологическим поведением.

Переход к такому типу экономики предполагает использование новых методических подходов и практических инструментов, позволяющих минимизировать долю исчерпаемых природных ресурсов в составе ресурсной базы материального производства, по-новому создать комбинацию ресурсоэффективной основы производственных цепочек, не снижая при этом достигнутый уровень потребления. Такой подход создаст условия для рас-

ширения воспроизводственного потенциала в долгосрочном периоде.

Новое прочтение концепции ресурсоэффективности характеризуется на современном этапе развития международных отношений, связанных с эскалацией санкционных ограничений, созданием барьеров на рынках энергоносителей. Такие обстоятельства стимулируют поиск максимально эффективных решений по составу и вовлечению в хозяйственный оборот новых элементов ресурсной базы экономического роста.

В качестве основы описанных подходов может использоваться функциональная модель устойчивого развития (во времени). Логика построения модели содержит принцип замещения природного капитала за счет увеличения использования трудовых и капитальных ресурсов при развитой институциональной поддержке.

Теоретическая конструкция может быть представлена следующим образом:

$$\frac{df(L, K, N, I)}{dt} > 0,$$

где $f(L, K, N, I)$ — функция экономического развития;

L — трудовые ресурсы;

K — капитал (физический, финансовый);
 N — первичные невозобновляемые природные ресурсы;
 I — институциональные условия (факторы) [5, с. 237].

В соответствии с концепцией ресурсосбережения в предлагаемой модели количество используемых в производстве экономических благ невозобновляемых природных ресурсов может быть минимизировано при условии увеличения трудовых ресурсов (за счет изменения компетентностного состава персонала и в целом его развития, внедрения стандартов осуществления бизнес-процессов и их оптимизации) и капитала как фактора производства (внедрение высокотехнологических методов, развитие технологической инфраструктуры, роботизация и автоматизация процессов). При этом применяется интенсивный вариант наращивания рассматриваемых факторов при минимизации используемых природных ресурсов.

Целевой установкой реализации функциональной модели устойчивого экономического роста является достижение минимума применения невозобновляемых первичных ресурсов при определенном (постоянном или растущем) объеме национального производства.

В предлагаемой модели в качестве стартового условия следует принять условие ресурсосбережения и величину минимально возможного количества затрат природных ресурсов. В системе цено-

образования природные ресурсы в качестве базы производства следует рассматривать как сумму возможного ущерба, связанного с утратой способностей природного капитала к восстановлению. В качестве дополнительных издержек следует также учитывать затраты на компенсацию экологического ущерба.

Для целей моделирования принимаем, что W_N — «цена» природного капитала, а W_L, W_K, W_I — цены используемых факторов условной производственной функции [6]. Тогда задача оптимизации и обеспечения сохранения природного потенциала для целей устойчивого развития в стратегической перспективе может иметь следующий вид:

$$\begin{cases} W_L + W_K + W_I + W_N \rightarrow \min \\ f(L, K, N, I) = Y \end{cases}$$

В таком теоретическом построении существует допущение, при котором цены на факторы производства, составляющие ресурсную базу производства, условно постоянны, и минимизация будет достигнута за счет снижения потерь экологического характера. Но в целом такой подход позволяет рассматривать множество доступных вариантов и выбирать оптимальный, исходя из условия минимизации экологического ущерба и снижения негативного антропогенного воздействия.

Мероприятия практической реализации функциональной модели устойчивого развития, сгруппированные по факторам производства, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Ключевые направления практической реализации модели устойчивого экономического роста, основанной на принципах глобальной оптимизации при минимизации негативного антропогенного воздействия

Переменные факторы модели	Базовые направления практической реализации модели
Трудовые ресурсы (L)	Реализация специализированных программ профессиональной переподготовки практических специалистов в области применения технологий автоматизации и роботизации. Формирование комплекса образовательных программ, ориентированных на развитие цифровых компетенций для применения в создании материальных благ. Переход в структуре занятости персонала к более интеллектуальному труду, в том числе за счет применения передовых производственных технологий, применение роботизации и автоматизации
Капитал (K), в том числе финансовый и предметы второй природы	Компенсация невозобновляемых природных ресурсов в производственной деятельности за счет увеличения в структуре производственной функции трудовых ресурсов (изменения компетентностного состава персонала, внедрение стандартов осуществления бизнес-процессов) и физического капитала (развитие технологического базиса, в том числе инфраструктурной составляющей на основе передовых инновационных разработок и цифровых методов управления производственными процессами). Использование в процессах производства передовых производственных технологий и увеличение доли современного инфраструктурного обеспечения в отраслях материального производства. Разработка механизмов и технологий применения рециклинга в производственных процессах

Переменные факторы модели	Базовые направления практической реализации модели
Природные ресурсы (N)	Создание программ поэтапного применения элементов ресурсных источников в различных технологических циклах смежных производств за счет альтернативного использования ресурсов на принципах совместного использования. Повышение эффективности логистических цепочек поставок ресурсов (сырья) для минимизации издержек и уменьшения антропогенного воздействия на этапах транспортировки и складирования. Минимизация доли неполностью перерабатываемых первичных и вторичных отходов производства и потребления. Повышение эффективности технологий переработки остающихся в процессе производства сырьевых источников ресурсов на принципах циркулярной экономики. Структурное изменение факторов производства в пользу уменьшения природного капитала за счет наращивания использования результатов переработки отходов
Институциональные условия (факторы) (I)	Создание системы индикативного планирования структуры ресурсов, используемых в материальном производстве. Целевой установкой данной системы должна стать минимизация доли потребленного невозобновляемого природного капитала с возможностью его замены ресурсами, способными возобновляться. Развитие нормативно-правовой базы стимулирования ресурсоэффективных способов производства и стимулирование рециклинга отходов. Расширение инструментов государственной поддержки и налогового стимулирования использования вторичного сырья и продуктов переработки отходов в производственных процессах. Применение механизмов «зеленых облигаций» на рынке ценных бумаг. Создание условий для концессионных соглашений в области обращения ТКО с использованием мер поддержки со стороны Российского экологического оператора. Развитие механизмов льготного кредитования (финансирования) бизнес-проектов, ориентированных на снижение негативного антропогенного воздействия. Создание современных цифровых сервисов в сфере обращения с промышленными и бытовыми отходами

В соответствии с результатами мониторинга, проводимого Институтом стратегических исследований и экономики знаний Высшей школы экономики, за последнее время число организаций, использующих передовые производственные технологии, увеличилось на 14% — с 13,3 до 15,1 тыс. Наибольший рост показателя (в 4–5 раз) зафиксирован в сфере информации и связи, а также оказания различных видов услуг. Лидирующие позиции занимают технологии в области идентификации, наблюдения и контроля, электронного документооборота и передачи данных. Их доля в общем объеме передовых производственных технологий составляет 25,3%. В то же время доля применения передовых технологий в области обеспечения экологии, энергоэффективности и организации и управления производством составляет 3,6% [7].

Необходимо также отметить, что доля вторичного сырья в структуре закупок товаров, приобретаемых для государственных нужд, должна составлять не менее 3% с 2023 г. и 5% — с 2024 г. [8].

В целом, исходя из отмеченных трендов в различных областях деятельности, ресурсосбережение как концепция направлена на достижение двуединой цели: экономического роста и экологического равновесия. Уменьшение используемых невозобновляемых ресурсов в производственных

процессах снизит негативное антропогенное воздействие на экосистему за счет снижения их добычи и переработки. В рамках циркулярной экономики расширение деятельности по переработке и повторному использованию ресурсов будет способствовать созданию новых рабочих мест и росту занятости [9]. Синергетический эффект обеспечит активизация научных исследований по разработке и внедрению новых технологических решений по переработке и вторичному использованию материалов.

Применение предложенной теоретической модели в практической деятельности может быть использовано, в том числе, на принципах циркулярной экономики [10, с. 39], а также при внедрении инструментов рециклинга [11–12]. Такой инструментарий имеет большое практическое значение при формировании перспективных планов регионального развития промышленных кластеров. С целью уменьшения расходования невозобновляемых природных ресурсов при реализации механизма индикативного планирования следует использовать матрицу наиболее эффективного распределения возникающих в процессе материального производства отходов, возможных к применению в качестве ресурсов в технологических процессах других производств. С помощью матрич-

ного распределения так называемых ресурсов второй природы (отходов или остатков производственных ресурсов) можно создать необходимые условия обеспечения устойчивости экономической системы в стратегической перспективе. Поиск новых драйверов экономического роста и реализация принципиально новых инвестиционных стратегий, которые основаны на оптимизации ресурсных источников материального производства, должны быть обеспечены системой современных экономических институтов.

В контексте рассмотрения новых источников ресурсов важным аспектом являются количественные и локационные характеристики генерируемых отходов и технологический базис их получения, который прямо определяет возможность их дальнейшего использования.

Мы уже обращались к вопросу теоретического построения модели, описывающей формирование объемов отходов и их возможное дальнейшее использование в качестве ресурсных источников (матрица наиболее эффективного распределения отходов). Представляется, что дополнение предлагаемой модели механизмом перспективного прогнозирования величины генерируемых источников ресурсной базы экономического роста обеспечит повышение ресурсоэффективности отраслей материального производства. В такой модели прогнозирования возможен учет эффекта экологического отскока, который может возникать при расширении потребления, обеспечиваемого за счет роста ресурсоэффективности материального производства.

Заключение. Итак, выявление и обоснование противоречивости целей устойчивого экономического роста и минимизации экологического ущерба обеспечили постановку задачи устранения противоречия «экономический рост — минимизация экологического ущерба». Решение такой задачи возможно на основе функциональной модели устойчивого развития, которая предполагает поиск оптимальной комбинации факторов материального производства на принципах концепции ресурсоэффективности с соблюдением ключевого условия — минимизации негативного антропогенного влияния. Важным дополнением модели является использование принципов циркулярной экономики и механизмов рециклинга, которые позволяют обеспечить наиболее полное использование вторичных ресурсов, подобрать их оптимальную комбинацию как альтернативу для замещения невозобновляемых источников сырьевой базы производственного процесса.

Практическая реализация предложенной модели возможна с применением инструментария опережающего прогнозирования и планирования программ в сфере материального производства. Такой подход позволит на уровне федеральных и региональных программ развития обосновать необходимость и определить структуру экоинвестиций, направленных на устранение или нивелирование рискообразующих факторов в сфере устойчивого экономического развития, локационную структуру ресурсов на основе матрицы их оптимального выбора для минимизации экологического ущерба и обеспечения устойчивого экономического роста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Буцаев Д. П. Меры поддержки изменят темпы по созданию объектов утилизации ТКО. URL: <http://www.reo.ru/tpost/0yym5d53n1-denis-butsaev-meri-podderzhki-izmenyat-t/> (дата обращения: 29.04.2024).
2. Доля вторсырья в промышленности России к 2030 году достигнет 34%. URL: http://www.sfr.gov.ru/press_center/z_news/~2022/11/24/241117?ysclid=lvh368cwxh249874531/ (дата обращения: 30.04.2024)
3. Арсаханова З. А., Хажмурадов З. Д., Хажмурадова С. Д. Декаплинг в экономике — сущность, определение и виды // Общество, экономика, управление. 2019. Т. 4. № 4. С. 13–18.
4. Цховребов Э. С. Ресурсосбережение: основные этапы становления, теории и методы, тенденции и перспективы развития в промышленности и строительной индустрии России // Вестник МГСУ. 2020. Т. 15. Вып. 1. С. 112–158. DOI: 10.22227/1997-0935.2020.1.112-158
5. Майкова С. Э. Снижение ресурсоемкости производства как важнейшее условие обеспечения роста экономики без ущерба для экологии // Отходы и ресурсы. 2021. Т. 8. № 2. DOI: 10.15862/07ECOR221.
6. Майкова С. Э. Ресурсосбережение и ресурсоэффективность как императив устойчивого развития национальной экономики // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 3 (52). С. 234–238. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.52.343.
7. Использование передовых производственных технологий в России. URL: <http://www.issek.hse.ru/mirror/pubs/share/510535029.pdf/> (дата обращения: 29.04.2024).
8. В России вводится требование по использованию вторсырья в госзакупках. URL: <http://www.tass.ru/ekonomika/16728315?ysclid=lvh313jvr568562771/> (дата обращения: 29.04.2024).

9. Hart J., Adams K., Giesekam J., Tingley D. D., Pomponi F. Barriers and drivers in a circular economy: the case of the built environment // *Procedia CIRP*. 2019. Vol. 80. Pp. 619–624. DOI: 10.1016/j.procir.2018.12.015
10. Преображенский Б. Г., Толстых Т. О., Шмелева Н. В. Промышленный симбиоз как инструмент циркулярной экономики // *Регион: системы, экономика, управление*. 2020. № 4 (51). С. 37–48.
11. Игнатов В. И., Катаев Ю. В., Герасимов В. С., Баулин Н. К., Фархшатов М. Н., Фаюршин А. Ф. Анатомия индустрии рециклинга отходов // *Вестник Башкирского государственного аграрного университета*. 2021. № 3. С. 78–88.
12. Кузнецова Н. А. Рециклинг как один из факторов циркулярной экономики // *Актуальные вопросы современной экономики*. 2021. № 9. С. 367–372.

REFERENCES

1. Butsaev D. P. Support measures will change the pace of creating MSW recycling facilities. URL: <http://www.reo.ru/tpost/0yym5d53n1-denis-butsaev-meri-podderzhki-izmenyat-t/> (date of access: 29.04.2024).
2. The share of recyclable materials in Russian industry will reach 34% by 2030. URL: http://www.sfr.gov.ru/press_center/z_news/~2022/11/24/241117?ysclid=lvh368cwx249874531/ (date of access: 30.04.2024).
3. Arsakhanova Z. A., Khazhmuradov Z. D., Khazhmuradov S. D. Decapling In The Economy — Essence, Definition and Types. *Society, Economics, Management*. 2019. Vol. 4. No. 4. Pp. 13–18.
4. Tshovrebov Eduard S. Resource-saving: main formation stages, theories and methods, tendencies and prospects of development in industry and construction of Russia. *Bulletin of MGSU*. 2020. Vol. 15. Issue. 1. Pp. 112–158. DOI: 10.22227/1997-0935.2020.1.112-158.
5. Maykova S. E. Reducing the resource intensity of production as the most important condition for ensuring economic growth without compromising the environment. *Russian Journal of Resources, Conservation and Recycling*, [online] 2 (8). DOI: 10.15862/07ECOR221.
6. Maykova S. E. Resource saving and resource efficiency as an imperative of sustainable development of the national economy. *Business. Education. Law*. 2020. No. 3. Pp. 234–239. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.52.343.
7. Use of advanced production technologies in Russia. URL: <http://www.issek.hse.ru/mirror/pubs/share/510535029.pdf/> (date of access: 29.04.2024).
8. In Russia, a requirement for the use of secondary raw materials in public procurement is being introduced. URL: <http://www.tass.ru/ekonomika/16728315?ysclid=lvh313jvr568562771/> (date of access: 29.04.2024).
9. Hart J., Adams K., Giesekam J., Tingley D. D., Pomponi F. Barriers and drivers in a circular economy: the case of the built environment. *Procedia CIRP*. 2019. Vol. 80. Pp. 619–624. DOI: 10.1016/j.procir.2018.12.015.
10. Preobrazhensky B. G., Tolstykh T. O., Shmeleva N. V. Industrial symbiosis as a tool of the circular economy. *Region: systems, economics, management*. 2020. No. 4 (51). Pp. 37–48.
11. Ignatov V. I., Kataev Yu. V., Gerasimov V. S., Baulin N. K., Farkhshatov M. N., Fayurshin A. F. Anatomy of the waste recycling industry. *Bulletin of the Bashkir State Agrarian University*. 2021. No. 3. Pp. 78–88.
12. Kuznetsova N. A Recycling as a factor in the circular economy. *Current issues of modern economics*. 2021. No. 9. Pp. 367–372.

Поступила в редакцию: 11.05.2024.

Принята к печати: 15.07.2024.

УДК 338.2 (470.53)
DOI 10.14258/epb202440

РАЗВИТИЕ МЕТОДИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОЙ АГЛОМЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ)

Ю. А. Малышев

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь, Россия)

В данной статье кратко представлено формирование методических основ анализа и оценки экономической безопасности в промышленной агломерации. Процессы цифровизации полностью изменили инструменты управления регионом. В основу исследования легла системно-институциональная парадигма, где осуществлен переход в управлении от систем с «закрытым контуром» к системам открытым, самоорганизующимся. Реципрокность благ, редистрибуция при банкротстве в промышленных организациях потребовали институционального обеспечения в длительном периоде. Теория институциональных и экономических дисфункций полагает, что институты могут не выполнять свои функции, не достигать поставленных перед ними целей. Существующие индикативные инструменты оценки экономической безопасности промышленной агломерации устарели и не способствуют решению проблем в условиях неопределенности и дестабилизирующего воздействия экономических рисков и угроз. Разработка теоретических основ направлена на обоснование методики оценки, целью которой является выявление и устранение дисфункции институтов, а также приведение институциональной системы к равновесию, что позволит значительно ускорить и повысить качество принятия решений.

Ключевые слова: экономическая безопасность, условия неопределенности, промышленная агломерация, агломерационная самоорганизующаяся среда, институты, гетерархия.

DEVELOPMENT OF METHODOLOGICAL TOOLS FOR ASSESSING THE ECONOMIC SAFETY OF INDUSTRIAL AGGLOMERATION (BASED ON THE EXAMPLE OF PERM AGGLOMERATION)

Yu. A. Malyshev

Perm State Humanitarian and Pedagogical University (Perm, Russia)

This article briefly presents the formation of methodological foundations for the analysis and assessment of economic security in an industrial agglomeration. Digitalization processes have completely changed the tools for managing the region. The study is based on a systemic-institutional paradigm, where a transition in management has been made from «closed-loop» systems to open, self-organizing systems. Reciprocity of goods and redistribution in case of bankruptcy in industrial organizations required institutional support over a long period. The theory of institutional and economic dysfunctions believes that institutions may not fulfill their functions and fail to achieve their goals. Existing indicative tools for assessing the economic security of an industrial agglomeration are outdated and do not contribute to solving problems in conditions of uncertainty and the destabilizing impact of economic risks and threats. The development of theoretical foundations is aimed at substantiating the assessment methodology, the purpose of which is to identify and eliminate the dysfunction of institutions, and bring the institutional system to equilibrium, which will significantly speed up and improve the quality of decision-making.

Keywords: economic security, conditions of uncertainty, industrial agglomeration, agglomeration self-organizing environment, institutions, heterarchy.

Актуальность темы исследования. Отрасли экономики и отдельные предприятия, столкнувшиеся с воздействием санкционных ограничений, вынуждены переформатировать свои конкурентные преимущества как на российских, так и на международных рынках. Высокая турбулентность среды ведет к частой смене конкурентных позиций организации, лидерство становится главным ориентиром в управлении. При этом меняется сам процесс управления, он ведется в постоянном интерактивном режиме. Самоорганизация внешней среды позволяет сохранить лидирующие позиции организации. Среда становится «живым организмом», в которой профессиональные навыки, требуемые в промышленном высокотехнологичном производстве, основаны на семейных традициях, в соответствующих образовательных учреждениях создают определенный генетический код, как набор знаний и культуры. Все это требует новых подходов и инструментов в управлении.

Региональная экономическая безопасность имеет четко выраженную специфику, обусловленную совокупностью различных уникальных условий. По своей сути Пермский край является промышленной агломерацией, как и Свердловская и Нижегородская области, указанные агломерации имеют приблизительно одинаковый размер ВРП на душу населения. Согласно рейтингу городских агломераций России Н. В. Ворошилова [1, с. 40–54], по показателю гравитации (экономической мощности) агломерации Пермский край занимает 4-е место, Свердловская область — 20-е, Нижегородская область — 21-е. Но по бюджетным доходам на одного жителя край далеко не лидер в российском рейтинге, из 86 регионов он занимает 72-е место. Наблюдается разбалансированность экспорта и импорта по Пермскому краю, что указывает на зависимость от зарубежных экономик и является существенной угрозой экономической безопасности региона.

М. В. Ширяев [2, с. 187] рассматривает технические университеты как один из факторов обеспечения многоуровневой экономической безопасности страны. По рассчитанному интегральному индексу экономической безопасности высшего образования в Приволжском федеральном округе для субъектов Пермский край занимает предпоследнее место, что существенным образом сказывается на его инновационном потенциале.

Выявленные противоречия обуславливают необходимость в разработке новых подходов, развитии методического инструментария сравнительной оценки экономической безопасности промышленной агломерации в условиях неопределенности и создании эффективного механизма диагностики и мониторинга.

Степень разработанности темы исследования. С. Г. Камолов [3, с. 99] предлагает новую (современную) парадигму государственного управления, рассматривая регион как самоорганизующуюся систему, основанную на концепции обучающегося региона. Оценка экономической безопасности в регионе в настоящее время осуществляется индикативным методом, информация поступает непосредственно из статистических источников. Основой оценки является использование систем пороговых значений индикаторов для оценки уровня экономической безопасности. Существует несколько региональных научных школ, где используются индикативные методы, которые, как правило, не учитывают региональные институциональные особенности, генетически обуславливающие траекторию развития. В работах В. Л. Берсенева [4, с. 29–42] эти региональные школы указаны: Уральская школа — А. И. Татаркин, О. А. Романова, А. А. Куклин и др., Сибирская школа — В. В. Карпова, А. А. Кораблева и др., Пермская школа основана также на использовании индикативных методов, это работы М. Н. Руденко, Ю. А. Малышева, Е. Б. Аликиной, О. Г. Ивановой.

Востребованность в разработке новой парадигмы мезоуровня управления в научном сообществе наметилась в начале нашего века [5, с. 46]. Включение стран, регионов и городов в процессы цифровизации способствовало появлению новых инструментов управления, прежде всего, на региональном уровне. В системной парадигме произошел переход от систем с «закрытым контуром» к системам самоорганизующимся, что потребовало новых подходов при объяснении кризисных явлений, в анализе появились институты, новые организационные формы (агломерации, кластеры), институциональные факторы, сети, что потребовало новых инструментов оценки лидерства в конкурентной среде. Все это привело к расширению теоретических и методологических баз оценки и анализа, а неоднозначность старой терминологии, пренебрежение отраслевой спецификой агломераций ее жизненным циклом снизила эффективность методического инструментария оценки. Указанные недостатки порождают практические проблемы в области оценки и мониторинга.

Целью исследования является разработка научно-методического аппарата сравнительной оценки экономической безопасности на мезоуровне, адаптированного для промышленной агломерации.

В соответствии с целью были поставлены и решены следующие **задачи**:

- рассмотреть особенности терминологического аппарата с целью уточнения понятий «региональная экономическая безопасность» и «экономическая безопасность»

промышленной агломерации» в рамках современных экономических парадигм;

- разработать методический подход, повышающий объективность и достоверность сравнительной оценки экономической безопасности промышленной агломерации на мезоуровне в части группировок агломераций в процедурах сравнения по отраслям и технологиям.

Гипотеза: процесс развития методического инструментария оценки в условиях неопределенности позволит выявить отраслевые проблемы:

- содержание и структуру понятия «региональная экономическая безопасность» необходимо уточнить по наличию ее отраслевых особенностей;
- в дефиниции «экономическая безопасность промышленной агломерации» требуется выделить отраслевые механизмы самоорганизации среды;
- новый методический подход, основанный на группировке по отраслевой принадлежности, позволит выявлять лидеров и определять экономические риски и угрозы, используя методы сравнения по образовавшимся отклонениям;
- повышение объективности и качества оценки экономической безопасности промышленной агломерации в условиях неопределенности позволит конкурировать с лидерами.

Объектом исследования является экономическая безопасность промышленной агломерации Пермского края.

Предметом исследования выступают методы и инструменты оценки состояния экономической безопасности промышленной агломерации.

В исследовании использовались следующие методы: монографический, экономико-статистический метод, метод сравнения, метод факторного анализа и другие.

Апробация результатов. Результаты исследования были представлены на международных и всероссийских научно-практических конференциях и форумах: ПГНИУ «Экономическая безопасность: проблемы, перспективы, тенденции развития» 2020 г.; ПГГПУ «Наука и образование в обеспечении устойчивого развития человеческого потенциала в условиях перехода к цифровой экономике» 2023, 2024 гг.

Основные результаты исследования. Уточнен понятийный аппарат в части трактовки понятия «региональная экономическая безопасность», где главными признаками являются нацеленность на обеспеченность национальной безопасности государства и качества жизни населения при са-

модостаточном и устойчивом развитии экономики, эффективном функционировании ее институтов, обеспечивающих инновационную активность и конкурентоспособность производимой продукции, в условиях дестабилизирующего воздействия экономических рисков и угроз. Применяемый институциональный подход позволил сформировать новый классификационный признак угроз экономической безопасности региона «по принадлежности источника угрозы к эффективному функционированию институтов управления».

Системная парадигма в противовес неопределенности среды, флуктуациям, ее формирующим, предлагает самоорганизующуюся систему. Теория самореферентных систем Н. Лумана [6, с. 32, 33] «объясняет» различие системы и окружающего мира по возникающим новым связям, при адаптации формирующих другие организационные формы, например, сети. П. Тойбнер предложил включить эволюционно-теоретические принципы в теорию аутопойетических систем [7, с. 38]. Аутопойесис, как мера автономии организаций, строится на концепции «относительной автономии» [8], что позволяет говорить о диффузности, самозависимости, то есть самопроникновении систем друг в друга. Н. Флигстин [9] считает, что институты позволяют определить уровень социальных отношений, взаимодействие их строится на когнитивном смысле, интерпретирующем действия. Т. Эггертссон [10] отводит существенную роль социальным и политическим правилам, регулирующим хозяйственную деятельность. Т. Веблен принимает институты как привычный образ мысли, по которому живут люди, и он основан на прошлом [11]. В состав институтов по Д. Норт [12] входят: формальные правила, неформальные нормы и санкции за несоблюдение правил. По Ф. А. Хайеку [13], формальные нормы требуют усилий по их внедрению, а неформальные нормы основаны на бессознательной самоорганизации. Р. Коуз вводит понятие транзакционных издержек, что позволяет оценить эффективность институтов. Р. Р. Нельсон и Дж. У. Сидней [14] говорят о сложности и многообразии целей у институтов рыночной экономики и их высокой степени неопределенности.

Основным нормативным документом (институтом), регулирующим отношения в сфере экономической безопасности и раскрывающим основные понятия, является «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

В настоящее время нет единого определения понятия «региональная экономическая безопасность», которое было бы единогласно принято всеми учеными. Многообразие авторских предпочте-

ний при исследовании было систематизировано через методы управления регионом: административный и рыночный. Рыночный подход в управлении строится на функционировании рыночных институтов, а административный — на программно-целевых методах. В. В. Криворотов, М. В. Якунина, В. К. Крутиков, О. С. Посыпанова придерживаются административных методов. Н. В. Манохина, А. О. Ульмясбаева, М. Н. Руденко ориентированы на рыночные институты. А. В. Толочко, С. Н. Сильвестров, А. Г. Бабакин и С. Глазьев занимают среднюю позицию и предлагают комбинацию методов. Условия неопределенности фактически исключают административное управление.

Развит понятийный аппарат в части раскрытия понятия «экономическая безопасность промышленной агломерации», который основывается на совокупности признаков:

- группировка поселений с преобладанием промышленности;
- гетерархию в управлении, основанную на самоорганизующейся среде;
- наличие неформальных институтов, формирующих среду и генетический код промышленной агломерации.

Е. В. Фрейдина [15, с. 77–79] формирует собирательное понятие самоорганизующейся системы как «системы, обладающей потенциалом, обеспечивающим устойчивость, как при изменениях внешней среды, так и «отказов» в ней самой». Способность к самоорганизации строится на самооб-

учении и развитии рефлексии как поиска, выбора и отбора вариантов адаптации. Гетерархия нами будет рассматриваться как организационная форма, отличная от рыночной и иерархической, способная быстро приспосабливаться к изменениям во внешней среде.

Конкурентные позиции агломерации основываются на получаемых преимуществах от слияния среды города и пригорода, в пределах агломерационного ареала, с переплетением институтов рынка, инфраструктуры и информационных потоков всех участников. С другой стороны, агломерация в управлении следует одной конкурентной стратегии, включающей в себя функциональные стратегии: инновационную, инвестиционную, производственную, финансовую, демографическую и др., а также систему анализа и оценки возможностей в условиях неопределенности.

Регион можно охарактеризовать по доминирующему в нем отраслевому профилю, специализации: промышленность, сфера услуг, сельское хозяйство.

Е. Р. Метелева [16] рассматривает крупные пространственные социально-экономические системы как формирование агломераций или формирование урбанистических сетей в полицентрический мегалополис, объединяющий в себе урбанистические сети нескольких городов.

Рассмотрим существующие понятия и наличие признаков идентификации промышленной агломерации в таблице 1.

Таблица 1

Промышленная агломерация: уточнение понятия объекта исследования

Автор	Совокупность признаков промышленной агломерации
А. Вебер [17]	Доминирование в экономике территории промышленности, ее обеспечивающей инфраструктуры
М. Портер [18]	Ориентация образовательных организаций на отраслевые кластеры, сети, формирующие конкурентную среду и отношения, инновационные фирмы
М. А. Гвоздева, М. В. Казакова, Е. А. Поспелова [19, с. 3505–3514]	Преимущества: ресурсные, географические, климатические условия, близость к транспортным коридорам и рынкам сбыта
Е. В. Алексеева, Т. Ю. Быстрова [20]	Среда, основанная на институтах территориальной связанности, региональной целостности, ревалоризации (промышленного наследия)
В. А. Колясников [21]	Компактная группировка промышленных поселений с наличием социальной и инновационной инфраструктуры
С. Г. Камолов [3]	Реализующая среда, основанная на гетерархии сетевой взаимоподдержки индустрии и университетов, с интегрированием в систему разработки, принятия и реализации решений
Е. Р. Метелева [16]	Агломерирование строится на объединении в себе на основе урбанистических сетей нескольких городов
Авторский вариант раскрытия понятия в совокупности признаков промышленной агломерации в современных условиях	Это объединенная группировка поселений с преобладанием промышленности, управление гетерархично, строится с переплетением институтов рынка, инфраструктуры и информационных потоков всех участников, где высокотехнологичное производство основано на наследии неформальных институтов, формирующих генетический код промышленной агломерации.

Примечание. Составлено автором.

Авторы А. Вебер, М. Портер, М. А. Гвоздева, М. В. Казакова, Е. А. Поспелова, Е. Р. Метелева, В. А. Колясников рассматривают промышленную агломерацию как нечто неорганичное, забывая о неформальных институтах, значительно снижающих трансакционные издержки и повышающих результативность, формирующих генетический код агломерации. К ним можно отнести способности к высокотехнологичному производству, основанные на семейных традициях, наличие всех уровней технических образовательных учреждений, научно-исследовательских центров, что формирует определенный набор знаний и культуры в промышленном производстве (индустриальное наследие с укоренившимися связями и их текущими инкрементными изменениями). Е. В. Алексеева, Т. Ю. Быстрова и С. Г. Камолов трактуют промышленную агломерацию как институт органического объединения всех участников, основанный на индустриальном наследии и сетевых взаимодействиях, взаимоподдержке индустрии и университетов. Это позволяет говорить об агломерационной самоорганизующейся среде, например, рассматривать инновационную среду как органически целое, состоящую из образовательной, научной и инфраструктурной среды. В свою очередь, образовательная среда структурируется на дошкольное образование, школы, колледжи и университеты. Авторское определение представлено в таблице 1.

В процедурах оценки экономической безопасности агломерации предложен методический подход, способствующий повышению объективности и достоверности результатов, основанный на методах сравнения, позволяющих перейти от методики, основанной на сравнении средних точечных пороговых значений по стране с одним оцениваемым объектом, к методике, основанной на сравнении по экономическим показателям, отражающим специфику объекта оценки с несколькими объектами-лидерами одной отраслевой направленности, что значительно повысит объективность оценки

и позволит выявить у оцениваемого объекта истинные причины отставания от лидеров. Выбор лидеров в методике основан на поэтапной группировке агломераций в процедурах сравнения. Первый этап — по ВРП на душу населения, второй этап — по урону институтов стратегического развития, где отбор лидеров для сравнения осуществляется по рейтингам конкурентоспособности, инновационной активности и др., третий этап — по оценке воспроизводственных процессов в агломерациях (см. методику Ю. А. Малышева и О. В. Казмаловой) и четвертый — в рамках классификации агломераций на сырьевые, 1-го и 2-го технологических переделов (одна из стадий производственного процесса), имеющих структуру производства с низкой добавленной стоимостью и высокотехнологичных, имеющих структуру 4-го и 5-го технологических переделов с высокой добавленной стоимостью. Все это позволяет повысить объективность и достоверность сравнительной оценки экономической безопасности промышленной агломерации на мезоуровне и значительно дополняет доминирующий в настоящее время индикативный метод, основанный на статистических данных, подразумевающий только сопоставление фактических и пороговых значений индикаторов.

В исследованиях, проведенных Л. М. Григорьевым, Ю. В. Урожаевой, Д. С. Ивановым [22, с. 39–48] (см. табл. 2), классифицирован уровень как социальных, так и экономических различий между регионами и проведена синтетическая классификация региона. В первую группу входят два типа регионов: финансово-экономические центры и сырьевые экспортно ориентированные регионы с высокими значениями душевой добавленной стоимости. Вторая группа — развитые регионы с диверсифицированной экономикой и развитой промышленностью, с высоким потенциалом инновационного развития. Пермский край имеет самую отстающую позицию в классификации развитости агломераций — с опорой на добывающую промышленность с низкой добавленной стоимостью.

Таблица 2

Схема синтетической классификации регионов, составленная Л. М. Григорьевым, Ю. В. Урожаевой, Д. С. Ивановым

Высокоразвитые регионы	
Финансово-экономические центры	Москва, Санкт-Петербург, Московская область
Сырьевые экспортно ориентированные	Коми, Саха (Якутия), Сахалинская, Тюменская обл.
Развитые регионы	
С диверсифицированной экономикой	Татарстан, Нижегородская, Новосибирская, Ростовская, Самарская, Свердловская обл.
С опорой на обрабатывающую промышленность	Вологодская, Иркутская, Ленинградская, Липецкая, Новгородская, Омская, Челябинская, Ярославская обл.
С опорой на добывающую промышленность	Башкортостан, Красноярский, Пермский край , Белгородская, Кемеровская, Мурманская, Томская обл.

Для того чтобы Пермский край в дальнейшем мог составить конкуренцию развитым регионам, он должен стремиться диверсифицировать экономику, развивать сферы услуг, увеличить объемы

производства высокотехнологичной металлообработки, за счет возврата ушедших когда-то из региона производств.

Таблица 3

Сравнительный анализ ВРП и экономической деятельности в Пермском крае и Свердловской области 1990–2021 г., млн руб. [23, 24]

Территория	1990	2000	2005	2007	2010	2021
Пермский край	21183	124142	327273	477794	630755	1741000
Свердловская область	22483	156077	475 575	820 792	1 033 747	3038000
Превосходство лидера (раз/отставание от лидера, %)	1,1	1,3	1,5	1,7/42	1,6/39	1,74/43

Исторически в «плановой экономике» позиции по результатам экономической деятельности у Свердловской области и Пермского края в 1990 г. были примерно одинаковы, они представляли собой высокоразвитые промышленные центры с большим количеством многоотраслевых научных институтов, промышленных предприятий с высокоразвитой социальной и промышленной инфраструктурой. По таблице 3

видно, что за 30 лет рыночной модели экономики в Пермском крае образовалось ее колоссальное отставание — в 43% от лидера, край поменял приоритеты и перешел с диверсифицированной на сырьевую модель развития, что требует выяснения причин.

Выбор лидеров для сравнения осуществлялся в несколько этапов. В таблицах 4 и 5 представлены 2-й и 4-й этапы.

Таблица 4

Рейтинг по сумме мест в стратегических институтах развития промышленных агломераций 2021–2022 гг.

Позиция	Наименование агломерации	Место в Рейтинге конкурентоспособности	Место в Рейтинге уровня инновационного развития	Место в Рейтинге качества жизни	Место в Рейтинге привлекательности инвесторов	Рейтинг инвестиционной активности регионов	Место в Рейтинге конкурентной среды	Место в экологическом рейтинге	Сумма мест	Среднее значение мест	Рейтинг по сумме мест
1	Екатеринбургская	5	7	13	18	3	4	36	86	12,3	1
2	Нижегородская	12	6	10	19	45	8	24	124	17,7	2
3	Новосибирская	10	11	23	33	30	36	18	161	23	3
4	Челябинская	14	17	25	38	16	16	40	166	23,7	4
5	Волгоградская	25	28	42	40	32	31	42	240	34,3	5
6	Саратовская	27	57	46	52	18	34	43	257	36,7	6
7	Красноярская	6	30	44	29	25	62	60	276	39,4	7
8	Пермская	18	26	49	34	7	66	78	278	39,7	8

Источник: составлено автором.

Таблица 5

Структура обрабатывающего промышленного производства, отраслей, наиболее активно формирующих добавленную стоимость [24]

Позиция	Наименование территориального образования	Производство кокса и нефтепродуктов; производство пластмассовых изделий	Место	Производство химических веществ и химических продуктов	Место	Производство металлургическое; производство готовых металлических изделий	Место	Производство машин и оборудования, автотранспортных средств, и оборудования	Место	Сумма мест	Итоговый рейтинг
1	Свердловская область	1,9	4	4,4	3	58,6	1	12,6	2	10	2
2	Нижегородская область	20,8	2	9,8	2	17,9	3	25,1	1	8	1
3	Челябинская область	2,9	3	3,9	4	57,5	2	11	3	12	3
4	Пермский край	29,4	1	29,0	1	7,7	4	8,6	4	10	2

Источник: составлено автором.

В таблице 4 представлены рейтинги по стратегическим институтам развития промышленных агломераций: конкурентоспособности, инновационного развития, качества жизни, инвестиционной активности, конкурентной среды и экологический. Например: Рейтинг конкурентной среды региона (Оценка регионов по уровню содействия развитию конкуренции на основе Стандарта развития конкуренции), где высокий уровень ее развития способствует повышению уровня экономической безопасности за счет низкого уровня цен, высокого уровня качества поставляемого продукта на рынок. Стандарт, используя 8 «функционалов», определяет потенциал экономики региона и указывает на наличие рыночной власти и административных барьеров. В итоге по сумме всех стратегических рейтингов 1–4-е места занимают соответственно промышленные агломерации: Екатеринбург (Свердловская область), Нижегородская, Новосибирская и Челябинская. Однако у Новосибирской промышленной агломерации имеет место низкий объем промышленного производства, поэтому выбираем в качестве лидеров для сравнительной оценки промышленные агломерации Екатеринбург, Нижегородскую, и Челябинскую области.

Четвертый выбор лидеров основан на оценке отраслевой структуры валовой добавленной стоимости, где Пермский край имеет структуру производства, основанную на добыче полезных ископаемых — 22,6% и обрабатывающему производству — 28,8%. Из таблицы 5 понятно, что обрабатывающее производство Пермского края имеет сырьевую направленность — 29,4%, это производ-

ство кокса и нефтепродуктов; 29% — производство химических веществ и химических продуктов. В свою очередь, в Свердловской области 58,6% занимает производство высокотехнологичной продукции, металлургическое и готовых металлических изделий.

Заключение. Как правило, оценка экономической безопасности в отдельно взятом регионе осуществляется индикативными методами, однако здесь имеется ряд проблем: это несвоевременность и неадекватность представленной информации, используемая информация поверхностна и не позволяет оценить степень достижения структурированных целей организации (инновационные, инвестиционные, социальные и т. д.), что в условиях неопределенности снижает возможности ее самоорганизации в ответ на угрозы. Автором предлагаются современные научные подходы, рассматривающие самоорганизацию в управлении, основанную на неформальных институтах, с использованием междисциплинарных исследований. Таким образом, предложенный методический инструментарий позволит глубже заглянуть в суть проблем, где реципрокность социальных сетей укоренена в неформальных нормах и обязательствах, которые слабо связаны с формальными институтами и иерархией в организации.

В исследовании комплексно была решена проблема теоретического обоснования совершенствования инструментария оценки экономической безопасности промышленной агломерации, учитывающего специфические особенности институтов агломерационной среды при их управлении, влияющих на инновационную активность

и конкурентоспособность производимой продукции в условиях дестабилизирующих воздействий экономических рисков и угроз. Предложен новый классификационный признак угроз экономической безопасности региона «по принадлежности источника угрозы к эффективному функционированию институтов управления». Развита понятийный аппарат в части раскрытия сущности понятия экономической безопасности промышленной агломерации, позволяющий выявить проблемы в случае отклонения генетического кода промышленной аг-

ломерации с обнаружением угроз, связанных с ростом трансакционных издержек и противоречивостью интересов участников. Предложенный метод сравнения позволил уйти от индикативного метода оценки, не учитывающего особенности институтов агломерации, к более глубоким исследованиям, включающим неформальные институциональные отношения. На основе сформированного методического инструментария стали возможными обоснованность, объективность и своевременность в принятии управленческих решений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ворошилов Н. В. Подходы к оценке развитости агломераций на территории России // Проблемы развития территории. 2019. №4 (102). С. 40–54. DOI: 10.15838/ptd. 2019.4.102.2.
2. Ширяев М. В. Опорные технические университеты как фактор обеспечения многоуровневой экономической безопасности страны: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05: экономическая безопасность. Нижний Новгород, 2018. 330 с.
3. Камолов С. Г. Высокотехнологичная парадигма государственного управления на региональном уровне: дис. ... докт. экон. наук. 08.00.05: менеджмент. М., 2020. 405 с.
4. Берсенёв В. Л. Ведущие центры исследования проблем экономической безопасности в России // Экономика региона. 2019. Т. 15. Вып. 1. С. 29–42.
5. Bachtler J., Yuill D. Policies and strategies for regional development: a shift in paradigm? // Regional and Industrial Policy Research Paper. 2001. №46.
6. Луман Н. Социальные системы, очерк общей теории. СПб., 2007. 643 с.
7. Teubner G. Recht als autopoietisches System. Frankfurt am Main, 1989. S. 38.
8. Kirsch W., Knyphausen D. Unternehmungen als «autopoietische» Systeme? Managementforschung 1: [Thema: Selbstorganisation und systemische Führung], edited by Wolfgang H. Staehle and Jörg Sydow, Berlin, Boston, 1991. Pp. 75–102.
9. Fligstein N. Fields, Power, and Social Skill: A Critical Analysis of The New Institutionalisms // Экономическая социология. 2001. Том 2. №1. С. 4–25.
10. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты / пер. с англ. М., 2001. 408 с.
11. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. 202 с.
12. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М., 1997. 180 с.
13. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. 133 с.
14. Нельсон Р. Р., Уинтер С. Дж. Эволюционная теория экономических изменений / пер. с англ. М. Я. Каждана. М., 2002. 535 с.
15. Фрейдина Е. В. Исследование систем управления: учеб. пособие по специальности «Менеджмент организации» / под ред. Ю. В. Гусева. 2-е изд. стер. М., 2009. 368 с.
16. Метелева Е. Р. Формирование крупных пространственных социально-экономических систем в сибирском регионе: автореф. ... докт. экон. наук. 08.00.05: региональная экономика. Иркутск, 2012. 39 с.
17. Вебер А. Избранное. Кризис европейской культуры. М., 2012. 568 с.
18. Портер М. Конкуренция / пер. с англ. М., 2000. 495 с.
19. Гвоздева М. А., Казакова М. В., Поспелова Е. А. Подходы к определению агломерации // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. №24. С. 3505–3514.
20. Алексеева Е. В., Быстрова Т. Ю. Ревалоризация индустриального наследия в городской агломерации: пример Большого Екатеринбурга // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28. №2. С. 97–109.
21. Колясников В. А. Развитие понятия «городская агломерация» // Академический вестник УРАЛ-НИИПРОЕКТ РААСН. 2015. №2. С. 10–15.
22. Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / под ред. Л. М. Григорьева, Н. В. Зубаревич, Г. Р. Хасаева. М., 2011. 357 с.
23. Регионы России. Социально-экономические показатели: статистический сборник. М., 2007. 991 с.

24. Регионы России. Социально-экономические показатели: статистический сборник. М., 2022. 1122 с.

REFERENCES

1. Voroshilova N. V. Approaches to assessing the development of agglomerations in Russia. *Problems of territorial development*. 2019. No. 4 (102). Pp. 40–54. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.2.
2. Shiryayev M. V. Supporting technical universities as a factor in ensuring the multi-level economic security of the country: PhD in Economics: 08.00.05: economic security. Nizhny Novgorod, 2018. 330 p.
3. Kamolov S. G. High-tech paradigm of public administration at the regional level: PhD in Economics. 08.00.05: management. Moscow, 2020. 405 p.
4. Bersenev V. L. The leading centers of research on economic security problems in Russia. *The economy of the regions*. 2019. Vol. 15. Issue 1. Pp. 29–42.
5. Bachtler J., Yuill D. Policies and strategies for regional development: a shift in paradigm? *Regional and Industrial Policy Research Paper*. 2001. No 46.
6. Luhmann N. *Social systems, an essay on the general theory of relativity*. Saint-Petersburg, 2007. 643 p.
7. Teubner G. *Recht als autopoietisches System*. Frankfurt am Main, 1989. S. 38.
8. Kirsch W., Knyphausen D. *Unternehmungen als «autopoietische» Systeme?* *Managementforschung 1: [Thema: Selbstorganisation und systemische Führung]*, edited by Wolfgang H. Staehle and Jörg Sydow, Berlin, Boston, 1991. Pp. 75–102.
9. Fligstein N. *Fields, Power, and Social Skill: a critical Analysis of The New Institutionalisms*. *Economic Sociology*. 2001. Vol. 2. No. 1. Pp. 4–25.
10. Eggertsson T. *Economic behavior and the institute* / translated from English. Moscow, 2001. 408 p.
11. Veblen T. *The theory of the leisure class*. Moscow, 1984. 202 p.
12. North D. *Institute, institutional changes and functioning of the economy* / translated from English by A. N. Nesterenko. Moscow, 1997. 180 p.
13. Hayek F. A. *Pernicious arrogance. The mistakes of socialism*. Moscow, 1992. 133 p.
14. Nelson R. R., Winter S. J. *The evolutionary theory of economic change* / translated from the English by M. Ya. Kazhdan. Moscow, 2002. 535 p.
15. Freydina E. B. *Research of management systems: studies. Handbook on the specialty «Organization Management»* / translated from English by N. Y. Gusev. 2nd ed. p. Moscow, 2009. 368 p.
16. Meteleva E. R. *Formation of large-scale spatial socio-economic systems in the Siberian region: abstract ... Doctor of Economics. 08.00.05: Regional economy*. Irkutsk, 2012. 39 p.
17. Weber A. *Favourites. The Crisis of European Culture*. Moscow, 2012. 568 p.
18. Porter M. *Competition* / translated from English. Moscow, 2000. 495 p.
19. Gvozdeva M. A., Kazakova M. V., Pospelova E. A. *Approaches to the definition of agglomeration. Russian entrepreneurship*. 2016. Vol. 17. No. 24. Pp. 3505–3514.
20. Alekseeva E. V., Bystrova T. Y. *Restoration of industrial heritage in urban agglomeration: an example of Greater Yekaterinburg. News of UrFU. Series 1. Problems of education, science and culture*. 2022. Vol. 28. No. 2. Pp. 97–109.
21. Kolyasnikov V. A. *The development of the concept of «urban agglomeration»*. *Academic Bulletin of UralNIIproekt RAS*. 2015. No. 2. Pp. 10–15.
22. *Russian regions: the economic crisis and problems of modernization* / translated from English by L. M. Grigorieva, N. V. Zubarevich, G. R. Khasaeva. Moscow, 2011. 357 p.
23. *Regions of Russia. Socio-economic indicators: statistical collection*. Moscow, 2007. 991 p.
24. *Regions of Russia. Socio-economic indicators: statistical collection*. Moscow, 2022. 1122 p.

Поступила в редакцию: 18.06.2024.

Принята к печати: 17.07.2024.

УДК 332.145:502.131.1
DOI 10.14258/epb202441

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Л. С. Медведева

Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Россия)

Развитие сельских территорий, которое можно наблюдать в настоящее время, предполагает необходимость совершенствования концептуальных основ в контексте устойчивых преобразований. Ориентир данных местностей на повестку устойчивого развития может позволить достичь социо-эколого-экономической стабильности не только села, но и государства в целом. Однако для этого требуется комплексный анализ территориального развития сельских местностей и построение алгоритма устойчивого развития. При этом данный процесс усложняется тем, что именно сбор необходимых для проведения аналитических процедур информационных данных о функционировании сельских территорий, о достижении целей устойчивого развития, о результатах реализации комплексных программ развития фактически не представляется в открытом доступе или имеет слишком обобщенный вид. В данной статье детально проанализированы статистические данные, позволяющие оценить стабильность функционирования сельских территорий, сделана попытка оценки достижения целей устойчивого развития данными местностями, а также построена концептуальная модель, включающая цель, задачи, инструменты и механизмы достижения устойчивости среды на селе с отражением аналитических алгоритмов. Для проведения аналитических процедур использованы данные сельских территорий Ростовской области.

Ключевые слова: устойчивая среда, приоритеты развития, муниципальные образования.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RURAL AREAS: CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS

L. S. Medvedeva

Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia)

The development of rural areas that can be observed at the present time suggests the need to improve the conceptual framework in the context of sustainable transformation. The orientation of these localities towards the sustainable development agenda can make it possible to achieve socio-ecological and economic stability not only of the village, but also of the state as a whole. However, this requires a comprehensive analysis of the territorial development of rural areas and the construction of an algorithm for sustainable development. At the same time, this process is complicated by the fact that the collection of information necessary for conducting analytical procedures on the functioning of rural areas, on the achievement of sustainable development goals, on the results of the implementation of comprehensive development programs is not actually presented in the public domain or is too generalized. In this article, statistical data analyzed in detail to assess the stability of the functioning of rural areas, an attempt will be made to assess the achievement of sustainable development goals in these areas, and a conceptual model will be built, including the goal, objectives, tools and mechanisms for achieving environmental sustainability in rural areas, reflecting analytical algorithms. Data from rural areas of the Rostov region were used to carry out analytical procedures.

Keywords: sustainable environment, development priorities, municipalities.

Условия современной турбулентности, которые наблюдаются во всех социально-экономических процессах, определяют необходимость совершенствования концептуальных основ территориального развития. Различия

в функционировании и уровне развития городских и сельских территорий были и остаются в настоящее время [1, с. 58]. Процессные преобразования сельских территорий требуют подключения существенно более адаптированных и в то же время

точечных механизмов, при этом именно данные местности смогут преодолеть быстрее условия повышенной социально-экономической неопределенности, что приведет к достижению целей устойчивости, межтерриториальной экономической стабильности и продовольственной безопасности.

Актуальность данной темы состоит в том, что особенности территориальных преобразований сельской местности следует проводить с учетом выстраивания усовершенствованных концептуальных основ в области достижения целей устойчивого развития. Целевая установка статьи состоит в том, чтобы предложить концептуальную модель устойчивого развития сельских территорий с учетом современных условий социально-экономической неопределенности и акцентом на методические основы конкретных аналитических процедур.

Проблемы устойчивого развития сельских территорий активно изучают ученые-экономисты, а именно С. Ф. Хрестина [1, с. 58], отразившая в своей работе особенности государственной политики в области поддержки развития сельских территорий, А. В. Цветных [2, с. 366], затрагивающая вопросы необходимости развития мониторинга состояния устойчивости среды сельских территорий, В. С. Бобер [3, с. 58], с отражением показателей atractивности в анализе достижения целей устойчивого развития сельских территорий. При этом важно понимать, что концептуальные изменения в функционировании сельских территорий в целом и достижение ими целей устойчивого развития в частности невозможно без законодательных основ, которые способствуют на уровне государственной политики поддержанию важности изучаемых процессов [4]. Помимо этого, в рамках данного исследования будем придерживаться гипотезы о том, что именно междисциплинарные исследования позволяют комплексно подходить к решению про-

блем устойчивого развития территориальных комплексов [5, с. 122].

Данная статья в рамках достижения основной цели четко структурирована, что позволило применять в каждой части определенные методические приемы:

- анализ территориального функционирования сельских территорий [6, с. 110];
- оценка статистических данных, позволяющих определить степень устойчивости развития сельских территорий;
- проработка концептуально-методических основ оценки достижения целей развития сельских территорий;
- формирование этапов в концептуальной модели развития села.

В рамках аналитических расчетов автором использован горизонтальный и вертикальный анализ, а именно отражены результаты расчета таких показателей, как абсолютное и относительное отклонение (темпы прироста), удельный вес.

Сельские территории развиваются за счет межтерриториального взаимодействия, политики государства, направленной на поддержание данных местностей, выстроенной системы взаимодействия между местным самоуправлением и органами государственной власти [7, с. 5]. Однако в данных процессах наблюдаются проблемы, которые и влияют на то, что функционирование сел так и не может преодолеть отставание в социально-экономических и инфраструктурных аспектах, что в итоге не позволяет качественно достигать целей устойчивого развития.

Рассмотрим на основании открытых статистических данных динамику развития сельских территорий в Российской Федерации и особое внимание уделим именно Южному федеральному округу с акцентом на развитие сельских территорий Ростовской области.

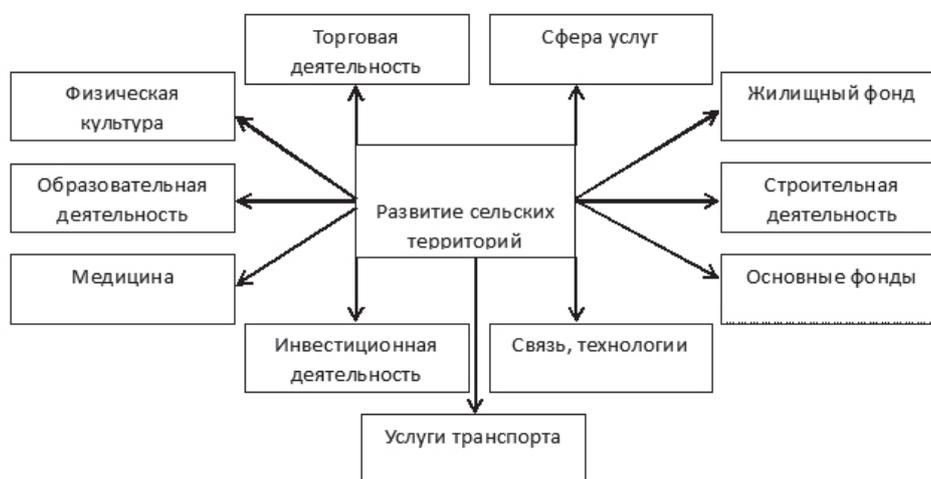

Рис. 1. Направления оценки развития сельских территорий

Отметим, что функционирование сельских территорий на основании данных статистики оценивается по следующим критериям, отражающим устойчивость функционирования местности (рис. 1). Именно на основе показателей данных направлений развития построены аналитические таблицы, которые позволят сделать вывод о том, какая наблюдается тенденция развития сельских территорий в настоящее время [8, с. 36].

Для проведения анализа проведем группировку данных из открытых источников, а именно с сайта Росстат за 2020–2022 гг. При этом отметим, что данная информационная база имеет определен-

ные недостатки, которые не позволяют в достаточной степени оценить достижение целей устойчивого развития сельских территорий, так как:

- имеет ограниченный набор показателей, не отражающий достижение всех возможных целей;
- недостаточно оперативна и недетально структурирована для проведения аналитических процедур;
- требуется обращение к различным источникам поиска данных [9, с. 216].

В таблице 1 представим анализ развития сельских территорий Российской Федерации.

Таблица 1

Анализ развития сельских территорий Российской Федерации за 2020–2022 гг.

Наименование показателя	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Абсолютное отклонение, (+, –) 2022 г. от 2021 г.	Темп роста, % 2022 г. к 2021 г.
Российская Федерация					
1. Количество лечебных и/или профилактических учреждений, ед.	36 771	35 685	42 437	+6 752	118,92
2. Количество сооружений, позволяющих заниматься спортом, ед.	94 861	93 125	123 444	+30 319	132,56
3. Количество объектов розничной торговли, ед.	177 617	167 013	210 870	+43 857	126,26
4. Количество объектов общественного питания, всего ед.	4 1813	4 0410	4 1183	+773	101,91
5. Количество объектов, ориентированных на бытовое обслуживание жителей, ед.	39 928	37 954	64 683	+26 729	170,42
6. Число сельских территорий, где имеется почтовая и телефонная связь, ед.	21 1386	20 0327	23 9394	+39 067	119,5
7. Сумма инвестиционных вложений в основной капитал, тыс. руб.	22 599 943	21 793 668	56 149 046	+34 355 378	257,64
8. Объемы ввода нового жилья, м ²	16 860 821	16 947 362	30 399 609	+13 452 247	179,38
9. Сведения о протяженности газовой сети, м	332 263 351	327 372 770	421 312 368	+93 939 598	128,69
10. Сведения протяженности водопроводной сети, м	219 388 759	211 398 873	266 192 772	+54 793 899	125,92
11. Протяженность автодорог, км	-	716 064,6	758 719,2	+42 655	105,96
12. Количество организаций, осуществляющих дошкольную образовательную деятельность, ед.	-	17 459	16 389	-1 070	93,87
13. Стоимость основных фондов коммерческих организаций, млн руб.	89 706	92 731	94 246	+1 515	101,63
14. Стоимость основных фондов некоммерческих организаций, млн руб.	169 1301	169 1110	169 0166	-944	99,94

На основании проанализированных данных можно сделать следующие выводы, причем особый акцент поставлен именно на выявлении проблемных направлений в социально-экономическом развитии сельских территорий:

- сокращается количество организаций, осуществляющих дошкольную образовательную деятельность (абсолютное отклонение — 1070 ед., темп роста — 93,87%), при этом в 2020 г. совсем не осуществлялось

сбора статистических сведений по данному направлению, а также отметим, что образовательная деятельность не должна оцениваться только дошкольными учреждениями, необходимо обобщать данные и о школьном обучении, а также тенденции получения сельскими жителями высшего образования;

- имеет отрицательную динамику в 2022 г. по сравнению с 2021 г. показатель стоимости основных фондов некоммерческих организаций, расположенных в сельской местности (абсолютное отклонение — 944 млн руб., темп роста — 99,94%);
- в статистических показателях отсутствуют полноценные сведения, которые являются ключевыми, как с точки зрения комплекс-

ного развития сельских территорий, так и с позиции устойчивой повестки, а именно оценка степени использования природных, производственных, финансово-трудовых, информационных, инфраструктурных и интеллектуальных ресурсов, а также климатические риски, которые могут оказать отрицательное влияние на социально-экономические процессы развития территорий.

Для более детального территориального анализа в таблице 2 представим анализируемые показатели по развитию сельских территорий в Южном федеральном округе. Причем набор показателей будет аналогичным, как на всей территории Российской Федерации, чтобы обеспечить сравнение данных.

Таблица 2

Анализ развития сельских территорий Южного федерального округа за 2020–2022 гг.

Наименование показателя	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Абсолютное отклонение, (+, -)	Темп роста, %
Южный Федеральный округ					
1. Количество лечебных и/или профилактических учреждений, ед.	4 101	4 110	4411	+301	107,32
2. Количество сооружений, позволяющих заниматься спортом, ед.	13 988	14 122	16158	+2 036	114,42
3. Количество объектов розничной торговли, ед.	34 113	34 079	35829	+1 750	105,14
4. Количество объектов общественного питания, всего ед.	6178	6138	6508	+370	106,03
5. Количество объектов, ориентированных на бытовое обслуживание жителей, ед.	8859	8731	10945	+2214	125,36
6. Число сельских территорий, где имеется почтовая и телефонная связь, ед.	12057	11956	12894	+938	107,85
7. Сумма инвестиционных вложений в основной капитал, тыс. руб.	4276 184	4 163 207	5 582 211	+1419 004	134,08
8. Объемы ввода нового жилья, м ²	1 909 792	2 066 221	2 539 673	+473 452	122,91
9. Сведения о протяженности газовой сети, м	63 375 656	64 273 022	70 812 367	+6 539 345	110,17
10. Сведения протяженности водопроводной сети, м	42 119 404	41 623 905	44 461 289	+2 837 384	106,82
11. Протяженность автодорог, км	-	77 863,4	82 372,1	+4 509	105,79
12. Количество организаций, осуществляющих дошкольную образовательную деятельность, ед.	-	2 382	2 374	-8	99,66
13. Стоимость основных фондов коммерческих организаций, млн руб.	12491	12831	13890	+1 059	108,25
14. Стоимость основных фондов некоммерческих организаций, млн руб.	221299	234625	242492	+7 867	103,35

На основании расчетов, которые были представлены в анализируемой таблице, можно отметить следующее:

- по показателю, который позволяет оценить развитие медицины на территории, в округе наблюдается стабильный при-

рост (301 учреждение) количества медицинских учреждений в 2022 г. по сравнению с 2021 г., если сравнить показатель по количеству медицинских учреждений Южного федерального округа и, например, Центрального федерального округа (8475 учреждений здравоохранение), Приволжского федерального округа — 12395 учреждений, Сибирского федерального округа — 6158 учреждений, то можно утверждать, что на Юге России сконцентрировано в сельских местностях более 10% медицинских учреждений от их общего числа в стране;

- тенденция роста по всем социально-экономическим показателям в округе, по нашему мнению, связана с отраслевой спецификой экономики юга, которая ориентируется

в большей степени именно на агропромышленный комплекс и государственная политика, соответственно, ориентирована на всестороннюю поддержку и развитие сельских территорий.

Далее в таблице 3 проанализированы социально-экономические показатели развития сельских территорий в Ростовской области. В целом шесть показателей в регионе имеют отрицательную динамику, при этом их сокращение незначительное. По нашему мнению, особое внимание требуется уделить снижению показателя сумм инвестиционных вложений в основной капитал, так как развитие сельских территорий без дополнительного финансирования не будет продвигаться значительными темпами, а также данные территории не смогут адаптироваться к быстроизменяющимся экономическим условиям.

Таблица 3

Анализ развития сельских территорий Ростовской области за 2020–2022 гг.

Наименование показателя	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Абсолютное отклонение, (+, –)	Темп роста, %
Ростовская область					
1. Количество лечебных и/или профилактических учреждений, ед.	1 201	1 184	1 171	–13	98,90
2. Количество сооружений, позволяющих заниматься спортом, ед.	4 818	4 839	4 855	+16	100,33
3. Количество объектов розничной торговли, ед.	8 606	8 904	8 897	–7	99,92
4. Количество объектов общественного питания, всего ед.	1 541	1 510	1 553	+43	102,85
5. Количество объектов, ориентированных на бытовое обслуживание жителей, ед.	2 769	2 615	2 525	–90	96,56
6. Число сельских территорий, где имеется почтовая и телефонная связь, ед.	4 149	4 110	4 164	+54	101,31
7. Сумма инвестиционных вложений в основной капитал, тыс. руб.	1 310 801	1 279 406	1 157 421	–121 985	90,47
8. Объемы ввода нового жилья, м ²	545 881	618 740	690 526	+71 786	111,60
9. Сведения о протяженности газовой сети, м	15 006 162	15 136 823	16 143 496	+1 006 673	106,65
10. Сведения протяженности водопроводной сети, м	10 577 228	10 561 862	10 435 251	–126 611	98,80
11. Протяженность автодорог, км	-	19 609,3	19 769	+160	100,81
12. Количество организаций, осуществляющих дошкольную образовательную деятельность, ед.	-	742	746	+4	100,54
13. Стоимость основных фондов коммерческих организаций, млн руб.	4 348	4 739	5 176	+437	109,22
14. Стоимость основных фондов некоммерческих организаций, млн руб.	74 168	80 076	74 045	–6 031	92,47

Проведенный анализ, основанный на открытых статистических данных, позволяет лишь ча-

стично оценить достижение целей устойчивого развития сельских территорий. При этом имен-

но качественная оценка уже достигнутых и планируемых к достижению целей устойчивого развития позволяет качественно разрабатывать стратегические планы по обеспечению устойчивости сельской среды. Таким образом, нами предложена концептуальная модель устойчивого развития сельских предприятий, которая включает ряд элементов (рис. 2):

- целевую установку достижения показателей устойчивого развития каждой сельской территории отдельно (важно, что цель должна быть сформирована с опорой на текущую оценку результатов функционирования территории и обязательно акцентировать социо-эколого-экономические аспекты территориального развития) [10, с. 5];
- задачи достижения целей устойчивости среды сельской местности;
 - методику оценки достижения целей устойчивого развития сельской территории;
 - инструментарий сбора и обработки комплекса сведений, отражающих результаты развития сельской территории (паспорта сельских территорий, статистические данные, результаты анкетирований и опросов местных жителей);
 - алгоритмы, наращивания потенциальных возможностей сельских территорий, на основании выявленных межтерриториальных взаимодействий;
 - стратегическую карту территориального сельского развития;
 - механизм контроля, основанный на совершенствовании системы муниципального управления с использованием партисипативных принципов.

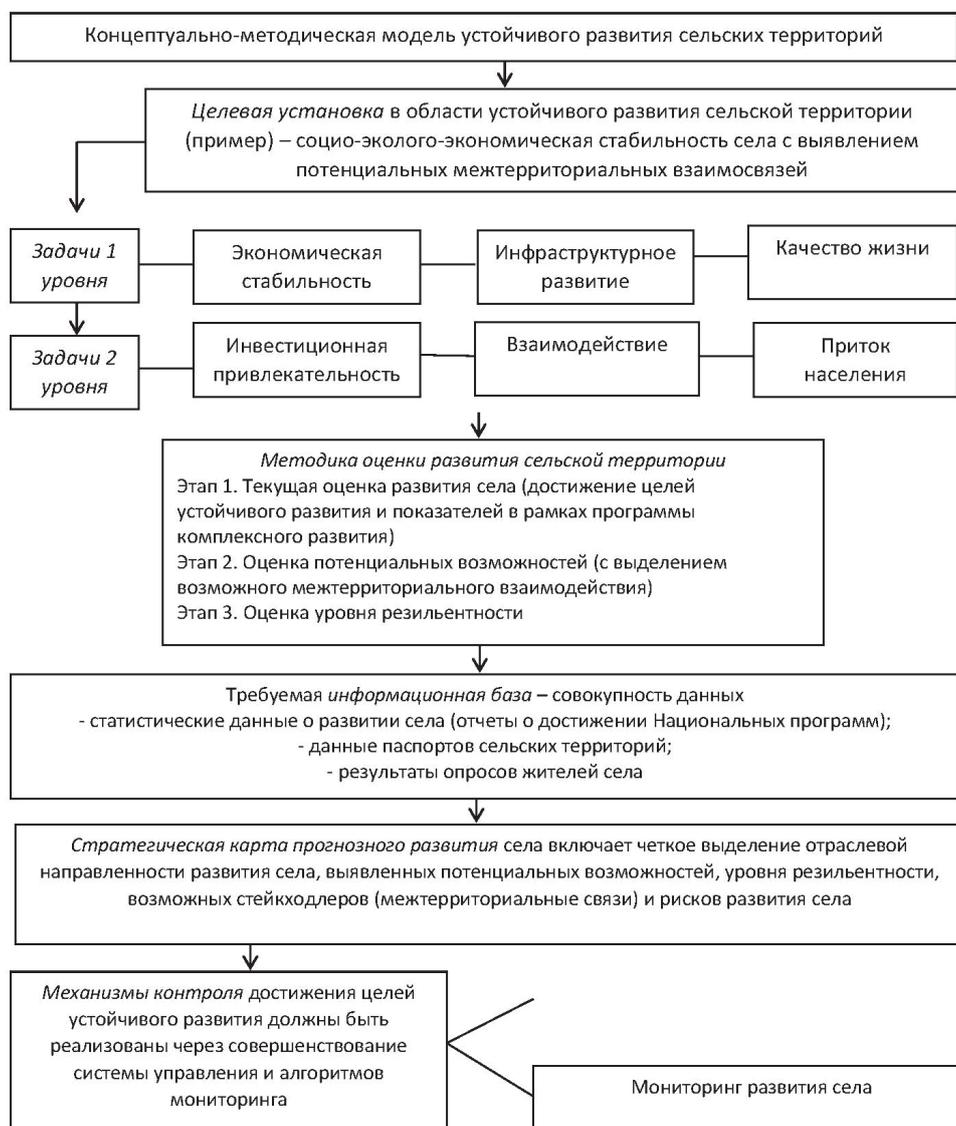

Рис. 2. Концептуально-методическая модель устойчивого развития сельских территорий

Уникальность представленной концепции состоит в том, что она предполагает:

- реализацию комплексного подхода в процессе стратегического планирования развития сельских территорий с акцентом на достижение целей устойчивого развития;
- постановку четкой цели развития сельской территории, которая должна быть откорректирована, после того как в процессе функционирования территории будут применены методические приемы анализа (выделены аналитические этапы, которые ранее не применялись, например, оценка уровня резильентности территории);
- применение инструментов партисипативного управления в органах местного самоуправления, что позволит не только реализовать процессное управление селом, но и упростить процедуры сбора информационной базы, необходимой для прове-

дения предложенных аналитических процедур;

- проведение мониторинга развития сельской местности, при этом он не должен быть трудоемким, так как не будет реализован качественно из-за отсутствия должной квалификации у сотрудников органов местного самоуправления;
- наращивание инвестиционной привлекательности и межтерриториального взаимодействия.

Обобщив представленный материал, можно отметить, что преобразование сельских территорий в настоящее время набирает новый виток развития. Современные реалии требуют применять более адаптированный подход к принятию управленческих решений в части функционирования данных местностей, что в итоге позволит добиться не только продовольственной безопасности, но и пространственных преобразований в стране.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ирхина Л. Н., Хрестина С. Ф. Устойчивое развитие сельских территорий как реализация государственной политики // Вестник Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии. 2020. № 2 (26). С. 58–64.
2. Цветных А. В., Шевцова Н. В. Устойчивое развитие сельских территорий: сбалансированная система показателей // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 366–370. DOI: 10.26140/anie-2020-0902-0088.
3. Бобер В. С. Аппрактивность и устойчивое развитие сельских территорий // Вестник Российского государственного аграрного заочного университета. 2022. № 42 (47). С. 58–62.
4. Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420251273/> (дата обращения: 01.05.2024).
5. Шеина С. Г., Федоровская А. А. Исследование влияния возобновляемых источников энергии на экологический потенциал территории субъекта РФ // Строительство и реконструкция. 2023. № 3 (107). С. 122–130. DOI: 10.33979/2073-7416-2023-107-3-122-130.
6. Чиркова О. А. Прогнозирование реализации программ стратегического развития муниципального образования // Экономика Профессия Бизнес. 2024. № 1. С. 110–115.
7. Медведева Л., Аверина А. Methodology for assessing the territory development in the context of sustainability // E3S Web of Conferences: XI International Scientific and Practical Conference Innovative Technologies in Environmental Science and Education (ITSE-2023), Divnomorskoe village, Russia, 04–10 сентября 2023 года. Vol. 431. Divnomorskoe village, Russia: EDP Sciences, 2023. P. 01026. DOI: 10.1051/e3sconf/202343101026.
8. Конаш Д. С., Дзись Ю. И. Устойчивое развитие сельских территорий Китая: тенденции и перспективы // Приднепровский научный вестник. 2022. Т. 1. № 2. С. 36–47.
9. Шимук О. В. Устойчивое развитие сельских территорий: теоретические аспекты и способы измерения // Экономика устойчивого развития. 2023. № 4 (56). С. 216–218. DOI: 10.37124/20799136_2023_4_56_216.
10. Ерин П. В., Толстова О. Н. Проектное управление и устойчивое развитие сельских территорий // Наука и Образование. 2022. Т. 5. № 4. С. 1–14

REFERENCES

1. Irkhina L. N., Khrestina S. F. Sustainable development of rural areas as an implementation of state policy. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State Agricultural Academy*. 2020. No. 2 (26). Pp. 58–64.
2. Tsvetsykh A. V., Shevtsova N. V. Sustainable development of rural areas: a balanced system of indicators. *Azimuth of scientific research: economics and management*. 2020. Vol. 9. No. 2 (31). Pp. 366–370. DOI: 10.26140/anie-2020-0902-0088.
3. Bober V. S. Attractiveness and sustainable development of rural territories. *Bulletin of the Russian State Agrarian Correspondence University*. 2022. No. 42 (47). Pp. 58–62.
4. On approval of the Strategy for Sustainable Development of Rural Territories of the Russian Federation for the period until 2030. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420251273/> (date of access: 01.05.2024).
5. Sheina S. G., Fedorovskaya A. A. Study of the influence of renewable energy sources on the environmental potential of the territory of a constituent entity of the Russian Federation. *Construction and reconstruction*. 2023. No. 3 (107). Pp. 122–130. DOI: 10.33979/2073-7416-2023-107-3-122-130.
6. Chirkova O. A. Forecasting the implementation of strategic development programs of a municipality. *Economics Profession Business*. 2024. No. 1. Pp. 110–115.
7. Medvedeva L., Averina A. Methodology for assessing the territory development in the context of sustainability. *E3S Web of Conferences: XI International Scientific and Practical Conference Innovative Technologies in Environmental Science and Education (ITSE-2023)*, Divnomorskoe village, Russia, 04 — September 10, 2023. Vol. 431. Divnomorskoe village, Russia: EDP Sciences, 2023. P. 01026. DOI 10.1051/e3sconf/202343101026.
8. Konash D. S., Dzis Yu. I. Sustainable development of rural areas of China: trends and prospects. *Pridneprovsky Scientific Bulletin*. 2022. T. 1. No. 2. Pp. 36–47.
9. Shimuk O. V. Sustainable development of rural territories: theoretical aspects and methods of measurement. *Economics of sustainable development*. 2023. No. 4 (56). Pp. 216–218. DOI: 10.37124/20799136_2023_4_56_216.
10. Erin P. V., Tolstova O. N. Project management and sustainable development of rural areas. *Science and Education*. 2022. T. 5. No. 4. Pp. 1–14.

Поступила в редакцию: 12.05.2024.
Принята к печати: 01.07.2024.

УДК 332.145:621 (571.150)
DOI 10.14258/epb202442

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ МАШИНОСТРОЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ФОРС-МАЖОРНЫХ УСЛОВИЯХ И В СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Вал. В. Мищенко

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В развитых странах с 80-х гг. XX в. активно идет процесс изменения структуры национальной экономики, когда доля промышленного производства сокращается. Сфера услуг становится основой создания внутреннего валового продукта, сбора налогов, бюджета, занятости. В России деиндустриализация прошла очень быстро и это сильно повлияло на уровень жизни населения, регионов, в целом всей страны. Отсутствие в субъектах РФ добычи сырья, санкции других стран заставляют восстанавливать деятельность предприятий обрабатывающей промышленности. Пока результаты не могут эффективно повлиять на размеры территориальных бюджетов, рост реальных доходов населения и т. п. Структура обрабатывающей промышленности Алтайского края существенно изменилась в рыночных условиях и ведущими предприятиями стали компании, которые функционируют в транспортном машиностроении. Предприятия тракторного и сельскохозяйственного машиностроения раньше были градообразующими в двух крупных городах края, но их ликвидация или минимальное производство стали одними из главных причин большого оттока населения из региона. Другие отрасли обрабатывающей промышленности также имеют специфику развития. С февраля 2022 г. роль организаций оборонно-промышленного комплекса стала расти, и они начинают позитивно влиять на занятость физически активного населения, бюджеты, инновационный уровень всего краевого хозяйства. Перспективы стратегического развития территории требуют изменения всей системы управления экономикой в условиях увеличения размеров государственного сектора, формирования технологического суверенитета как в Российской Федерации в целом, так и в ее субъектах.

Ключевые слова: валовый внутренний продукт (ВВП), регион, экономические интересы территории, Алтайский край, обрабатывающая промышленность, стратегическое планирование.

ISSUES OF DEVELOPMENT OF MECHANICAL ENGINEERING IN THE ALTAI TERRITORY IN FORCE MAJEURE CONDITIONS AND IN A STRATEGIC PERSPECTIVE

Val. V. Mishchenko

Altai State University (Barnaul, Russia)

In developed countries, since the 80s, there has been an active process of changing the structure of national economy, when the share of industrial production is declining. The service sector becomes the basis for creation of gross domestic product, tax collection, budget, employment. In Russia, deindustrialization took place very quickly and this greatly affected the standard of living of population, the regions, and entire country as a whole. The back of raw material production in constituent entities of the Russian Federation and sanctions from other countries force them to restore the activities of manufacturing enterprises. Too far, the results cannot effectively influence the size of territorial budgets, the growth of real incomes of population, etc. The structure of the manufacturing industry in the Altai Territory has changed significantly in market conditions, and companies operating in the transport engineering industry have become the leading enterprises.

Factor and agricultural engineering used to be city-forming enterprises in two large cities of the region, but their liquidation on minimal production became one of the main reasons for the large outflow of population from the region. Other branches of manufacturing industry allow for specific development. Since February 22, the role of enterprises in the military-industrial complex has begun to grow and they are beginning to positively influence the employment of the physically active population, budgets and the innovation level of the entire

regional economy. Prospects for the strategic development of the territory require changes in the entire economic management system in conditions of interesting the size of the public sector, the formation of technological sovereignty both in the Russian Federation as a whole and in the its regions.

Keywords: gross domestic product (GDP), region, economic interest of the territory, Altai Territory, manufacturing industry, strategic planning.

Теоретические аспекты исследования. Общие тенденции функционирования и становления национального хозяйства, его субъектов, отраслей невозможно без привлечения существующих данных и учета современных тенденций, эволюции мирового производства, его регионов.

Развитые страны — государства глобального Севера (раньше это чаще называли страны «Золотого миллиарда») — с 80-х гг. XX в. начали активно осуществлять деиндустриализацию — сокращение доли промышленности, а также сельского хозяйства, строительства в валовом внутреннем продукте (ВВП) своего государства [1].

Аналогичные процессы наблюдались с образованием Российской Федерации после 1991 г. Прежде всего сократился выпуск товаров на предприятиях обрабатывающих производств, строительства во всех сферах отечественной экономики, а на первое место стал вопрос создания и расширения торговли из-за дефицита как продовольствия, так и товаров массового потребления.

В значительной степени это коснулось и производства электроэнергии и тепла, и несколько забегая вперед, можно утверждать, что в настоящее время является серьезным препятствием для роста промышленности, отдельных видов сферы услуг во многих субъектах Российской Федерации, в том числе и в Алтайском крае.

В России в 1990 г. перед развалом Советского Союза было произведено 1082,2 млрд кВт/ч электроэнергии. Отказ от социалистического хозяйствования привел к резкому сокращению ее производства, поскольку потребность в энергии в промышленности сократилась, а сфера услуг потребляла ее гораздо меньше [2, с. 81].

В Российской Федерации с 2000 по 2022 г. производство электроэнергии выросло с 839 млрд кВт/ч до 1139 млрд кВт/ч, то есть ее рост в стране в нынешнее столетие равен 132%. Россия на четвертом месте в мире по потреблению энергии. Мы считаем, что этот показатель более репрезентативный, качественный, чем валовый внутренний продукт, пусть даже по паритетной покупательной способности (ВВП по ППС). ВВП — это финансовый и банковский показатель, а не экономический. Он фактически мало реально учитывает в национальной экономике производство товаров, не говоря уже об их экспорте.

Россия еще в 2022 г. по размеру ВВП в сопоставимых ценах (ППС) поднялась на четвертое место после Китая, США, Индии, опередив Японию, Германию и Индонезию. Одним из главных показателей, создающих ВВП, является количество экономически активного населения. В семерке наиболее «сильных» стран мира все, кроме Германии (84,5 млн человек), имеют численность населения более 100 млн человек. Это относится и к основному показателю регионального развития — ВРП.

С момента образования республики в России (1917 г.), ускоренного создания индустриальной экономики, формирования материальной базы в производстве (во многом за счет низкого уровня жизни населения, фактического отсутствия организаций торговли, общественного питания, многих подотраслей сферы услуг и проч.) для победы во Второй мировой войне, реального освоения всей территории страны, включая целинные земли, Сибирь и Дальний Восток, органы власти постоянно меняли общественно-экономические формации. На наш взгляд, так быстро в мире трансформировали свои экономико-социальные уклады за последние сто лет кроме России только Германия и Египет.

В Российской Федерации большое значение для формирования бюджета, налоговых сборов имеет юридическая регистрация: четверть ВВП РФ создается в столице, хотя ее численность меньше 10% населения. Третий город в национальной экономике по промышленному развитию — Сургут (Ханты-Мансийский автономный округ), где *de iure* находится одна из основных нефтегазовых компаний, и это еще больше запутывает показатели фактического уровня развития территорий.

Благодаря многоотраслевой структуре, появившейся в стране при социализме и частично восстановленной после 2000 г., в кризисные десятилетия снижение выручки в одних отраслях нивелировалось ростом в других. Так, отечественная промышленность достаточно устойчиво прошла сложные периоды 2008, 2012, 2018 и 2020 гг.

Алтайский край обладает определенным потенциалом в области машиностроения, а благодаря наличию сырьевой (в основном аграрной) базы, хорошо образованного населения в ряде городов и поселков, а также историческим традициям машиностроительной отрасли позволяет региону находиться на пятом месте в СФО по размерам вну-

тренного регионального продукта (опережая даже Омскую и Томскую области).

В постсоветский период машиностроение Алтайского края стало второй по размеру отраслью субъекта Российской Федерации, уступив лидирующую роль пищевой промышленности, в которой появились крупные пивоваренные заводы, а также компании, производящие БАДы. Никто в наше время не знает, какой был объем выручки машиностроения на предприятиях оборонно-промышленного комплекса в целом в стране, не говоря уж по регионам до 1991 г. Поэтому то, что машиностроение в субъекте РФ стало второй отраслью в промышленности — этого следовало ожидать после крушения в 90-е гг. народного хозяйства.

Особенность и специфика развития России с 2020 г. обусловлены тем, что страна, как и все государства, два года была охвачена пандемией. В России 24 февраля 2022 г. началась Специальная военная операция (СВО). Все это коренным образом изменило политические и экономические условия хозяйствования в Российской Федерации. И это еще долго будет влиять на функционирование экономики и дальнейшее развитие национального хозяйства, его субъектов.

Задачи исследования. В 2021 г. депутаты Алтайского краевого Законодательного Собрания приняли «Стратегию социально-экономического развития Алтайского края до 2035 года», которая определила эволюцию роста ключевых сфер жизни региона, а также утвердили показатели, которые необходимо достигнуть. Чтобы перейти от укрупненных тезисов стратегии к более конкретным шагам по выстраиванию эффективной промышленной политики, в 2023 г. принята Концепция развития промышленности Алтайского края до 2030 г. Она включает в себя как анализ отрасли, так и важнейшие направления ее перспективного совершенствования [3]. Однако можно утверждать, что без учета новых условий хозяйствования после пандемии, во время СВО, данная Стратегия развития региона действует, на наш взгляд, неэффективно.

Гипотеза исследования. Формирование отечественного национального хозяйства в 1991–2022 гг. решило немало социальных вопросов: сняты проблемы дефицита продовольствия и товаров массового потребления, уменьшена острота недостатка жилья и частных автомобилей, расширена возможность туристических поездок за границу и по стране, расширены шансы поступления в вузы и ряд других [4]. При этом, считаем, главными проблемами стали вопросы роста реальных доходов населения, занятости, уменьшения безработицы, ограничения количества гастарбайтеров, а сейчас с каждым годом нарастает демографический во-

прос — сокращение численности населения. Особенно остро это заметно в нестоличных территориях, сельской местности, где нет предприятий ТЭКа, вахтовой работы.

В таких аграрных регионах, как Алтайский край, наиболее злободневно данные проблемы проявляются в городах, имевших большую долю работавших в обрабатывающих отраслях и, прежде, всего в машиностроении: в городах Рубцовске, Барнауле, Славгороде, Камне-на-Оби, поселке Тальменка и некоторых других. Попытаемся понять, каковы перспективы восстановления предприятий машиностроения на Алтае в современных условиях, включая интересы оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и внедрения государственного (стратегического) планирования в управление.

В качестве ориентиров для направлений развития машиностроения (в том числе ОПК с самой сложной наукоемкой его частью) можно назвать следующие: рыночные страны обладают долей машиностроительного производства в промышленности до 20%, и это должно стать основным ориентиром для превращения отечественного машиностроения в доминанту инновационного подъема экономики; суверенизация секторов высоких технологий в государствах с постиндустриальной экономикой, происходящая во всех сферах экономики и требующая соответствующей наукоемкой и высокотехнологичной техники и оборудования. Попытаемся понять, как такие *force majeure* условия в дальнейшем будут влиять на экономику Алтайского края, ее обрабатывающей промышленности, хотя статистических данных для этого в 20-е гг. XXI в. очень мало.

Методы исследования. В данном исследовании нами были применены следующие методы: исторический, экономико-географический, концептуальный анализ, абстрактно-логический, монографический, метод экстраполяции, стратегического прогнозирования. В статье в основном использовались текущие данные функционирования предприятий программы «Ваш финансовый аналитик», которая размещена в Интернете.

Современное состояние обрабатывающей промышленности Алтайского края. В 20-е гг. промышленность Алтайского края характеризуется следующими основными показателями:

- 25 % валового регионального продукта (ВРП);
- 120 тыс. работников (12,5% экономически активного населения);
- 430 крупных и средних предприятий;
- треть налоговых поступлений во все уровни бюджетов;
- четвертая часть инвестиций в экономику региона.

За 30 лет многие заводы алтайского машиностроения либо резко сократили объемы производства, либо ликвидированы.

К первой совокупности мы относим заводы, которые уменьшили производство к началу 2020-х годов, и наиболее из всех — Алтайский моторный завод (раньше на нем работало до 25 тыс. человек). В 2019 г. он имел выручку в 103 млн руб. Большинство из таких структур сохранили названия: ПАО Холдинговая компания «Барнаултрансмаш», группы промышленных предприятий «Барнаульский завод механических прессов», ОАО «Барнаульский станкостроительный завод», Рубцовский машиностроительный завод, ОАО «Алтайский трансформаторный завод». Но все равно по мощности, стоимости основных фондов, ассортименту выпускаемой продукции, количеству занятых это другие заводы. В машиностроительный комплекс входили вузы, техникумы, и он во многом определял наполнение бюджетов, менталитет населения ряда городов и поселков территории.

Ко второй категории отнесем судостроительный и судоремонтный завод в поселке Затон Барнаула (первый ликвидированный еще в 2002 г. завод в регионе), Алтайский тракторный завод в Рубцовске, на котором работало до 28 тыс. человек, и от него остались лишь производство тепла и электроэнергии для северной части города. Также расформированы завод «Алтайсельмаш», Алтайский завод тракторного электрооборудования, Барнаульский радиозавод, Барнаульский завод «Геофизика», Славгородский завод радиоаппаратуры.

В то же время в Алтайском крае появились реально новые, инновационные предприятия, но пока они относительно небольшие как по выручке, так и по количеству работающих: например, ООО «АЗПИ» (автомобильная электронная промышленность), АО «Алтайский завод сельскохозяйственного машиностроения» (производство машин и сельскохозяйственного оборудования для обработки почвы).

В Алтайском крае за 30 лет создания рыночного капитализма структура обрабатывающей промышленности существенно изменилась. Если раньше наибольший удельный вес в нем имело машиностроение, включая заводы и организации оборонно-промышленного комплекса, то сейчас основной отраслью региона стала пищевая промышленность. Следует помнить, что такое было характерно для государств, занимающихся формированием капиталистического уклада в начале XX в., или в 60-е гг. в Южной Корее в период интенсивного комплектования рынка под руководством США и Японии. На второй план в хозяйстве Алтайского края отошли также такие отрасли, как химическая

и легкая промышленность, что произошло в общем почти во всех субъектах РФ.

В 2012–2020 гг. индекс промышленного производства в Алтайском крае составил 146%. Данные темпы выше, чем по России, но ниже, чем по Сибири.

В 2018–2022 гг. объем промышленного производства в Алтайском крае в натуральном выражении вырос на 7,6%, а в 2023 г. прирост был равен 5,8%. Это гораздо выше сибирского уровня (сокращение в СФО было 1,4%) и промышленности России в целом (плюс 3,5%).

В денежном выражении рост составил 1,7 раза (16,5% за 2022 г.), достигнув 631 млрд руб. Рост промышленности прогнозируется также и в 2024 г., что обусловлено, в частности, реализацией национальных проектов 2018 г., государственных заказов и инвестиционной активностью предприятий после февраля 2022 г.

По объему отгруженных товаров обрабатывающих производств по итогам 2020 г. регион занимал 33-е место в стране, в Сибирском федеральном округе — 6-е место. Индекс промышленного производства за последние 10 лет по Алтайскому краю составляет 146,4%, по СФО — 154%, по стране — 131,8%. Вклад обрабатывающей промышленности в валовый региональный продукт по Алтайскому краю составил 17,8%, по стране этот показатель равен 16,8%. Таким образом, обрабатывающая промышленность для Алтайского края имеет даже большее значение, чем в среднем по стране.

В Алтайском крае потребление в электроэнергии в 1990 г. было 13 690 млн кВт/ч, в 2022 г. — 10 618 млн кВт/ч, то есть сейчас регион потребляет меньше — 78% от объема потребления электроэнергии 1990 г. Основная причина этого, на наш взгляд, — отсутствие спроса со стороны одной из основных отраслей обрабатывающей промышленности региона — машиностроения.

Но нельзя все сводить к производству электроэнергии. К примеру, с началом 2020-х гг. в крае начали развивать предприятия по производству чугуна и стали как необходимых материалов для функционирования всего территориального хозяйства. Так, Алтайский сталелитейный завод в Барнауле в 2023 г. имел выручку в 1,5 млрд руб. (сокращение за год на 12,5%), на нем работает 150 человек. Всего в крае восемь литейных заводов, из них три размещены в Барнауле, три — в Бийске, два — в Рубцовске. Также постепенно восстанавливаются другие узкоспециализированные предприятия, чтобы уменьшить получение необходимых материалов из других регионов России, а также из-за границы.

Транспортное машиностроение — одна из наиболее перспективных отраслей промышлен-

ности в России. В Алтайском крае, объекте нашего исследования, вторым по размеру производства предприятием обрабатывающей промышленности после АО «Алтай-кокс» является АО «Алтайвагон» в Новоалтайске. Его ежегодная выручка составляет более 32 млрд руб. Следует отметить, что всего на «Алтайвагоне» работает до 7,7 тыс. человек, но часть из них — в Рубцовске, а также в Кемерово.

Сейчас в Алтайском крае темпы роста объема рынка продукции транспортного машиностроения стабильно фиксируются на уровне 6–7% в год. По оценкам экспертов, только потребность российских железных дорог до 2025 г. составит 450 тыс. грузовых вагонов, тогда как суммарная мощность всех производителей едва достигает 60 тыс. единиц подвижного состава.

На рынках также складывается весьма благоприятная ценовая конъюнктура. Важной стратегической задачей алтайского транспортного машиностроения является кардинальное улучшение качества и потребительских свойств выпускаемой продукции. Нужна техника более высокого уровня.

В АО «Алтайвагон» кроме стабильного количества производимых грузовых вагонов растет выпуск стального литья. Благодаря этому предприятию теперь в машиностроении Алтая в целом максимальную ежегодную выручку имеют заводы транспортного машиностроения.

АО «Барнаульский вагоноремонтный завод» (БВРЗ) ранее специализировался на предоставлении услуг по восстановлению и оснащению (завершению) железнодорожных локомотивов, трамвайных моторных вагонов и прочего подвижного состава. С начала 2020-х гг. предприятие стало интенсивно выпускать новые вагоны, и их количество достигло 25% от объема производства АО «Алтайвагон». Поэтому можно считать главной специализацией предприятия не ремонт, а новое изготовление — «Производство несамостоятельных железнодорожных, трамвайных и прочих вагонов для перевозки грузов». На начало 2024 г. на Барнаульском ВРЗ работали 845 человек. Выручка БВРЗ за 2023 г. выросла на 22,1% и достигла 12,9 млрд руб.

По данным, опубликованным в открытой прессе, с начала 2024 г. владельцем АО «Алтайвагон» и АО «Барнаульский ВРЗ» стал один столичный собственник. Этот фактический холдинг укрепился в стране на третьем месте по производству грузовых вагонов.

Быстро меняющееся небольшое предприятие транспортного машиностроения — ООО ИЦ Русский крановый завод «Рускран» (Бийск). В 2023 г. его выручка была 177 млн руб. В ООО «Трансконвейер» (Барнаул) выручка уменьшилась и составила около 22,2 млн руб. Другие малые фирмы транс-

портного машиностроения практически не влияют на объем производства в машиностроении Алтайского края. Но то, что два завода транспортного машиностроения делают готовой продукции почти на 200 млн руб. — это в значительной степени последствия форс-мажорного состояния определенных отраслей промышленности в стране в после 24 февраля 2022 г. Появления аналогичных новых структур следует ожидать в ближайшие годы, поскольку добавляются большие перевозки грузов в Азию и, прежде всего, в сторону Забайкальского края, Амурской области и Приморского края.

Компании транспортного машиностроения Алтайского края могут и должны стать одним из драйверов реализации Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 г. В отрасли следует, на наш взгляд, подготовить и осуществить реконструкцию и техническое перевооружение действующих производств грузовых вагонов, освоить новые виды продукции с целью повышения уровня конкурентоспособности, в том числе на мировых рынках.

Особое социальное значение для Алтайского края имеет улучшение ситуации в сельскохозяйственном машиностроении. В советское время предприятия **тракторного и сельскохозяйственного машиностроения** были градообразующими и во многом определяли жизнь, бюджет двух городов территории — Рубцовска и Барнаула.

Для тракторного и сельскохозяйственного производства в послевоенное время на юге края, рядом с Казахстаном, был построен третий город региона — Рубцовск с численностью населения более 150 тыс. человек. В нынешнее время, на наш взгляд, там самая сложная социально-экономическая обстановка в сфере занятости и безработице, сохранению основных фондов жилищно-коммунального хозяйства, организаций социальной сферы и т. п.

Деятельность тракторных и сельскохозяйственных заводов во многом была ориентирована на изготовление избыточного количества тракторов, дизелей, комбайнов, плугов и прочего оборудования в целом по стране, но, прежде всего, для агропромышленных комплексов республик Украины, Казахстана, Средней Азии, Юга Сибири, Дальнего Востока. В Алтайском крае из предприятий данной отрасли реально функционирует только ЗАО «Рубцовский завод запасных частей», его выручка в 2023 г. составила 3,8 млрд руб. (уменьшение за год на 21,7%), среднесписочная численность работников — 849 человек.

Можно ли восстановить тракторное производство на Алтае? В 2023 г. в стране было произведено 9,4 тыс. сельскохозяйственных тракторов (минус 10,9% за год), но из них не менее 4 тыс. штук — в Санкт-Петербурге. Некоторые эксперты назы-

вают ежегодную потребность в новых тракторах в стране в пределах 50 тыс. ед. До 15–17 тыс. тракторов покупается в Белоруссии, другие — в Китае. Все отечественные сохранившиеся тракторные заводы размещены в столицах субъектов РФ, городах с технологическими университетами, проектными офисами и проч. В 2024 г. в Ростове-на-Дону трактора начал выпускать крупнейший отечественный завод по производству комбайнов.

В 2013–2014 гг. компания «АСМ-Алтай» в Барнауле собирала модель «Петербургского тракторного завода» «Кировец» с импортным двигателем, и она планировала изготавливать их до 400 штук. Однако факты показывали, что в силу ограниченного покупательского спроса хозяйств края, приобреталось у них не более 50 единиц этой техники в год. Сейчас данное предприятие ООО «АСМ-Алтай» вернулось к основной деятельности — к оптовой торговле (выручка в 2023 г. — 3,5 млрд руб.).

В Барнауле сохранилось также одна из базовых структур отрасли — АО «Анитим» (выручка в 2023 г. — 1,6 млрд руб., занятость — около 210 человек).

Появляются новые предприятия, но их не так уж много. Интересен опыт работы АО «Алтайский завод сельскохозяйственного машиностроения» (бренд Veles), а производственная площадка расположена в с. Павловск. Выручка в 2023 г. составила 2,1 млрд руб., но снижение — почти на 20%. На нем работали 383 человека, но 67% продукции предприятия является импортозамещающей. Выгода фермеров от покупки техники Veles доходит до 68%.

ООО «Спецточмаш» — завод сельхозмашиностроения по производству машин и оборудования для сельского и лесного хозяйства. Выручка в 2023 г. составила 1,8 млрд руб., количество занятых — 217 человек. Барнаульское предприятие выпускает большой ассортимент комплектующих и удачно продает в других регионах страны.

Аграрный кластер машиностроения НП «АлТАКАМ» (создан в 2010 г.) включает свыше 30 участников, и он должен был производить гораздо больше продукции. Сейчас результаты ниже ожидаемых, и без радикального роста помощи государственных структур, адекватных кредитов трудно ожидать реальных изменений.

Радикальное расширение современного объема производства алтайского сельскохозяйственного машиностроения — задача, значимая не только для края, но и для страны в целом (имеется в виду продовольственная безопасность территории России, находящейся за Уралом). Стратегической задачей сельскохозяйственного машиностроения Алтайского края является разработка и выпуск энергосберегающих машинно-технологических

комплексов для сельского хозяйства (сельскохозяйственные машины, запасные части и проч.).

Развитие сельскохозяйственного машиностроения имеет хороший рыночный потенциал. Для его реализации необходимо обеспечить в Алтайском крае производство продукции, которая могла бы конкурировать с импортной техникой. В ближайшие 3–5 лет, в целом в период до 2036 г. особенно важно задействовать механизмы государственной поддержки роста сельскохозяйственного машиностроения с привлечением федеральных банковских средств, а также механизмы межрегионального и международного сотрудничества, государственно-частного партнерства.

Энергетическое машиностроение на Алтае было такой же уникальной специализацией машиностроения края, как и дизелестроение. Если в Барнауле существовало два супергигантских предприятия, фактически кластера, по изготовлению дизелей (Трансмаш и Моторный завод), то в Барнауле располагался завод по созданию крупных энергетических котлов, а в Бийске — средних и малых. Соответственно, в регионе работали необходимые для этого научно-технические и проектные организации. В постсоветское время гарантированный государственный заказ на котлы сократился в десятки раз и только от случая к случаю появлялся спрос из отдельных городов России и Казахстана.

Износ основных фондов в ЖКХ Российской Федерации в 20-е годы — более 80%, поэтому потребность на необходимые энергетические товары должна будет расти. На территории Барнаула и сохранившихся основных фондах завода «Сибэнерго-маш» — котельного завода — функционируют несколько предприятий с выручкой от 0,5 млрд до 3 млрд руб. На них в сумме работает примерно 1,5–1,8 тыс. человек, но стабильности в сохранении рабочих мест нет. Другие самые крупные энергетические структуры в регионе: **ООО «Барнаульский завод энергетического оборудования им. Д. В. Воеводина» (выручка 2023 г. — 1,3 млрд руб., занятых — 121 человек)**, **ООО «Энергостройдеталь — Бийский котельный завод» (выручка в 2023 г. — 1,5 млрд руб. (увеличение на 27,7%), занятых — 34 человека)**.

В Барнауле успешно функционирует завод для электроэнергетической системы — ОАО «Алтайский трансформаторный завод». В 2023 г. его выручка достигла 4,5 млрд руб. и работали на нем 626 человек. Перспективы развития у «Алттранс», по нашему мнению, оптимальные из всех заводов машиностроения в крае, но мешает этому небольшая территория производственной площадки.

Как и во всех отраслях машиностроения, в энергетическом машиностроении стратегиче-

ской задачей является внедрение в производство высокоэффективных энергетических установок.

Сохранение лидирующих позиций на внутренних и внешних рынках за счет перехода на производство новых конкурентоспособных образцов продукции является главной стратегической целью развития такого машиностроения.

Функционирование **оборонно-промышленного комплекса** в статистике невозможно отдельно увидеть, поскольку его успешная работа может и должна обеспечиваться структурами, предприятиями разнообразных специализаций, профилей. Так, в Барнауле первый индустриальный комбинат строился для ОПК почти 100 лет назад как производство по изготовлению тканей для армии — меланжевый комбинат (легкая промышленность). Последнее советское плановое предприятие в городе — кондитерская фабрика — производила армейские галеты, что составляло до 40% выручки (пищевая промышленность). То есть очень трудно понять затраты в ОПК, его результаты. Также многие соответствующие машиностроительные предприятия значительную часть своей выручки обеспечивают за счет изготовления гражданской продукции.

ОПК с 40-х гг. традиционно имел большое значение для всей экономики края, занятости населения, технического уровня развития территории, размеров его городских поселений и т. п. Все это стало ясно со времен Великой Отечественной войны, 50–70-х гг. прошлого века, когда были построены уникальные инновационные предприятия и, прежде всего, в химической отрасли — в Бийске, Яровом и машиностроении — Барнауле, Рубцовске, Славгороде. В регионе в советское время таких предприятий было 14.

За 30 лет в классификации, управлении ОПК осуществлены немалые упрощения.

В настоящее время постоянно обновляется Сводный реестр организаций оборонно-промышленного комплекса, который утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2004 г. №96 и последними изменениями от 21.08.2023 № 1366. Также вышел приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 31 мая 2023 г. № 1981 «Об утверждении порядка проведения в отношении субъектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, осуществляющих деятельность в области оборонной, металлургической и химической промышленности...».

Эксперты Алтайского края оценивают, что в него входит до 35 предприятий и организаций территории, но подавляющее большинство из них — это мобилизационные, пошив специальной одежды, ускоренное строительство мостов и даже снабженческие структуры. По этим данным,

в ОПК Алтайского края занято до 24 тыс. человек. Комплекс включает 1–2% предприятий обрабатывающей промышленности края. Из машиностроительных предприятий территории, входящих в ОПК, наиболее быстро растет объем производств на АО ХК «Барнаултрансмаш», и он стал крупнейшим по занятости заводом в машиностроении края — примерно 4,0 тыс. человек. Выручка предприятия в 2023 г. была 5,7 млрд руб., увеличившись за год на 83,9%.

В 2024 г. Правительство РФ впервые за многие годы выделяет Рубцовскому машиностроительному заводу, который также входит в ОПК региона, 4 млрд руб. инвестиций.

Холдинговая компания «Барнаульский станкостроительный завод» в рыночных условиях делала большую часть своей продукции для продажи в США. Экспорт охотничьих патронов был гордостью властей Барнаула, а сейчас этого, естественно, нет. Сможет ли восстановиться крупнейшее металлообрабатывающее предприятие территории, зависит, на наш взгляд, от наведения порядка в имущественных отношениях и решений федеральных органов управления.

Доля высокотехнологичной продукции гражданского и двойного назначения, выпускаемой предприятиями ОПК, составляет 27%. Данный показатель в середине 2024 г. назвал первый вице-премьер Правительства РФ.

СВО восстанавливает в основном заводы ОПК советских времен, и уже есть позитивные изменения. Так, считалось, что крупнейшее предприятие легкой промышленности Алтайского края — меланжевый комбинат — прошло точку невозврата, и оно уже не будет иметь значение для экономики региона. Но восстановление ткацкого производства, появление швейной фабрики сделали в 2021 г. выручку комбината около 12 млрд руб.

Мы считаем, что рост производств на предприятиях ОПК невозможен без увеличения инвестиций в несколько раз. Десятилетиями такие заводы фактически не получали капитальных вложений, поэтому для наращивания производства оборонной и гражданской продукции необходимы радикальные изменения как в инновационных, так в и проектных разработках, в системе управления всей промышленностью в регионе, как это наблюдается по всей стране.

Для увеличения производства также необходимо создать и внедрить в производство семейство конкурентоспособных дизельных двигателей (для силовых, транспортных, энергетических машин и установок, военно-технических средств, а также топливоподающих систем к ним).

Прочее машиностроение Алтайского края также имеет немало предприятий. ОАО «Барна-

ульский завод механических прессов» — это группа промышленных предприятий разного профиля, обладающих современным оборудованием и высокопроизводительными рабочими местами. На нем успешно по сравнению со многими заводами региона реализуется импортозамещение и на заводе это стало частью тактики повышения конкурентоспособности.

ООО «ПО Алтайский завод прецизионных изделий» — наиболее эффективное предприятие, которое стало монопольной структурой в России по выпуску форсунок, топливного оборудования для автомобильной промышленности. Этот завод должен будет увеличить объемы производства в разы, создавать новые рабочие места — в реализации этих планов нет сомнений, поскольку все властные органы в РФ в этом заинтересованы.

Другие заводы машиностроения Алтайского края или повторяют рассмотренные примеры деятельности предприятий и отраслей, или требуют доскональных научно-проектных проработок. Но мы не имеем достаточных статистических данных их развития в 20-е гг. в новых условиях.

Итоги. Стратегия Алтайского края до 2035 г. предполагает, что машиностроительный комплекс к 2030 г. увеличит объемы выпуска продукции не менее чем в 2,5–2,8 раза по сравнению с 2020 г. Раньше прогнозировали, что весь прирост будет обеспечен за счет роста производительности труда, но это в настоящее время нереально из-за санкций, которые применяются против экономики всей страны.

В 1991 г. при крушении социалистической экономики произошел полный отказ от планирования с минимизацией государственного сектора и добровольной колонизации своих природных ресурсов. Вместо разнообразного промышленного производства товаров (пусть и невысокого качества) ставка была сделана на добычу ресурсов для ТЭКа, производства другого сырья, полуфабрикатов, включая сталь, алюминий, медь, никель, пшеницу, рыбу, растительное масло, алмазы, необработанный лес, минеральные удобрения, титан, топливо для АЭС и некоторые другие [5, 6].

Большинство регионов (примерно 60 из 89) России мало ориентированы на высокорезультативные производства, и они не в состоянии обеспечить уровень жизни населения, который достигнут на территориях с добычей нефти, газа, других природных ресурсов, созданы особые столичные юридические условия и т. п. [7, 8].

В Алтайском крае, хозяйство которого во многом по-прежнему определяется деятельностью объектов системы единых железных дорог Российской империи (конец XIX в. — начала XX в.), Советского Союза для большого товарообмена с территориями

Средней Азии, эти недостатки воздействуют и видны гораздо ярче.

За 30-летний период строительства рынка мало что сделано для создания алтайского адекватного рынка капитала, труда, производства, кроме как в пищевой промышленности и таких сферах услуг, как торговля, образование и туризм.

Основные финансовые и экономические инструменты для экономики Алтая сейчас неэффективны. Существующая денежно-кредитная и экономико-социальная политика — это донорские вливания в бюджеты региональных органов власти и управления, формируемые налогами, акцизами от продажи нефти, сырья, а не выручками производителей предприятий и организаций. Можно утверждать, что при этом успешно работают теневые организации сельского хозяйства, транспорта, строительства. В крае нет доступных энергетических тарифов, что привело к уменьшенному потреблению электро- и теплоэнергии путем закрытия заводов и аграрных комплексов.

При социализме национальные интересы союзных республик стали основными элементами территориальной политики в стране. В России, которая фактически заново в 1990–1991 гг. была провозглашена федерацией, экономические интересы территорий слабо учитываются. Раньше, если отраслевое промышленное развитие укладывалось в границы региона, к примеру, Тюменская область, Свердловская область, то там социальная сфера, уровень жизни имели более высокий уровень.

Аналогичная ситуация сложилась на Кузбассе — ведущей территории РФ по добыче угля, производству стали. Он находится в границах Кемеровской области, а его экономические интересы и поныне имеют большое значение для многих субъектов федерации и, прежде всего, для Алтайского края.

Исторический ракурс. Во времена правления Н. С. Хрущева (1954–1964 гг.) были осуществлены различные реформы в управлении органами исполнительной власти. В частности, была попытка уменьшить значение отраслевого управления в индустрии с ликвидацией многих промышленных министерств при изготовлении необоронных изделий. Это коснулось и территориального управления. В 1957–1965 гг. предприятия, организации субъектов Советского Союза группировались с аналогичными структурами соседних регионов. Так появился, как инструмент территориального управления промышленностью и строительством, Совет народного хозяйства (Совнархоз, СНХ). В границах нынешней России функционировало 26 совнархозов. На юге Западной Сибири был сформирован Кузбасский СНХ, который должен был объединить хозяйства трех современных территорий — Кеме-

ровской области, Алтайского края, Республики Алтай. Промышленностью управление осуществлялось из Кемерово, а система управления сельским хозяйством — из Барнаула. По существу, это первая попытка интегрировать экономики регионов, и об этом регулярно поднимается вопрос в Российской Федерации, поскольку функционирование 89 субъектов не может равноценно регулироваться из одного центра и такого количества территорий нет ни в одном государстве мира.

Как показал опыт в последние десятилетия, существенная ориентация государственных структур на рост малого и среднего бизнеса, спасение объектов социалистической социальной базы и на распространение одинаковых точек роста экономики для всех 89 субъектов федерации ведет к большому неравенству в развитии территорий. Громадная площадь страны, разный климат в 11 природно-географических зонах, разнообразная плотность населения и другие факторы не могут, на наш взгляд, реально способствовать реализации одинаковых национальных проектов, программ. Для оптимального территориального функционирования каждому федеральному округу, региону надо иметь собственные стратегии и тактики.

Как мы уже отмечали, Алтайский край в 2023 г. по размерам ВРП в Сибирском федеральном округе занимал 5-е место, сразу после Новосибирской области. Его ВРП, по первым оценкам, равен 1,046 трлн руб. Чуть меньше он в Омской области, а на 7-м месте — Томская область.

У края есть своя специфика — крупная доля сельского населения (920 тыс. человек), а размер его пашни — среди лидеров в регионах страны по площади. Вторая отрасль в Алтайском крае по формированию ВРП — торговля, и таких субъектов за Уралом немного. Территория имеет немалую обрабатывающую промышленность, а в сумме все эти три отрасли создают значительную часть ВРП [9].

Можно утверждать, что во многом специализация экономики края сложилась со времен П. А. Столыпина (массовый переезд людей из европейской части Империи с получением бесплатной земли), во время Великой Отечественной войны — перемещение крупных заводов под угрозой военной оккупации. После, как мы считаем, макроориентиров формирования краевого хозяйства, адекватного времени, четвертому технологическому укладу (не говоря уж про пятый) в 70–90-е гг. и сейчас на Алтае не произошло.

Чтобы изменить функционирование данного субъекта Российской Федерации, включая повышение жизненного уровня большинства людей, необходимы радикальный рост производства и оказание услуг для собственного населения

в здравоохранении, образовании, IT-сфере, финансах, туризме и т. п. Деятельность управленческих структур, правящих элит должна соответствовать рыночной экономике и ориентироваться на инвестирование не только в строительство торговых центров, жилья в бюджетно ориентированных городах, но и на продажу российских товаров в республике Средней Азии и в страны третьего мира.

Выводы. На протяжении 30 лет органы власти, науки, СМИ находились в постоянном поиске того, что может и должно стать драйвером экономического роста страны. Провозглашение государственного капитализма, технологического суверенитета в 2023–2024 гг. снова заставляет вернуться к этим поискам. Называется много драйверов для экономики РФ сейчас и в перспективе:

1. Сооружение нового железнодорожного выхода к Тихому океану — Восточного полигона (строительство, прежде всего, двухколейного БАМа) и создание Северного морского пути.

2. Восстановление и развитие современного ОПК Российской Федерации.

3. Создание крупных собственных отраслей обрабатывающего производства промышленности (изготовление легковых автомобилей, гражданских самолетов, кораблей, оборудования для ТЭКа и т. п.).

4. Резкое увеличение масштабов строительства автомобильных дорог и мостов.

5. Модернизация жилищно-коммунального хозяйства не только в столичных городах.

6. Цифровизация экономики, в том числе собственное производство чипов.

7. Расширение экспортных поставок компаниями пищевой и легкой промышленности.

8. Отказ от сырьевой ориентации экономики страны как основы уровня жизни, сокращения неравенства как населения, так и регионов.

Становление и развитие нового машиностроения необходимо как для осуществления перехода России на инновационный тип экономики, так и для решения проблем усиления национальной безопасности — переоснащения отечественных вооруженных сил новыми видами обороны и военной техники. Развитие в стране и продажа на экспорт продуктов нефтегазовой, угольной, лесной промышленности, металлургии, энергетики, транспорта, строительства требует широкой линейки систем машин и оборудования. Для этого необходима переспециализация соответствующих машиностроительных производств большего количества регионов на первоочередное удовлетворение потребностей данных отраслей [10].

Прогнозы развития машиностроения Алтайского края на третье и последующие десятилетия XXI в. во многом должны учитывать различные

формы перспективного воздействия на него со стороны всех агентов хозяйственных отношений.

Необходимо государственное планирование прежде всего для государственных и региональных предприятий [11].

По нашему мнению, в стране, федеральных округах, регионах во время совершенствования государственной поддержки производства (а не создания предприятий отверточной сборки) готовых изделий надо иметь каталоги критической продукции по гражданским отраслям, которую необходимо импортозаместить. Конкурентное импортозамещение требует гораздо больше разработок, внедрения и результатов.

Достижение фронтального технологического суверенитета [12, с. 26], отказ от привязанности к товарам компаний других стран в определенной степени произойдет при наличии четко сформулированных задач перед органами управления промышленности и предпринимателями и во многом будет определяться квалификацией управленческих кадров территории. Пока промышленность Сибири во многом опирается на ориентиры прошлого века.

Мы считаем, что восстановить значительную часть предприятий, в том числе моторный завод в Барнауле, тракторный в Рубцовске, можно только при государственно-частном партнерстве, что нереально. Поэтому в данной отрасли Алтай-

ского края можно и надо будет производить сельскохозяйственную технику и поставлять ее в регионы за Уралом, а также пытаться реанимировать торговые отношения с АПК стран Средней (Центральной) Азии. Сохранился Алтайский технический университет, который может быть базовым стартапом роста для всего машиностроения, других структур традиционных отраслей промышленности СФО.

Несмотря на сложное экономическое состояние страны в данный момент истории, машиностроение имеет потенциал для становления, увеличения обеспеченного спроса. Количество ресурсов и специалистов оставляет надежду на прогрессивный рост данной отрасли в ближайшие 10 лет. Алтайский край в свою очередь является одним из самых комфортных регионов для роста машиностроения, необходимо правильное распределение и контроль за развитием данного комплекса. Безусловно, это принесет свои результаты не только в машиностроении, но и в смежных отраслях.

В России преобладает пока точечное управление. Чтобы добиться существенных результатов, невозможно использовать только региональные инструменты. Необходимы в основном федеральные, а также корпоративные, но на уровне территории надо иметь собственные дополнительные мероприятия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О. Кристалл роста. К русскому экономическому чуду. М., 2021. URL: <https://www.labirint.ru/books/824729/?ysclid=ly2ee8k62v418010656>.
2. Макаров А. А. Возможности технологического прогресса в энергетике России // Проблемы прогнозирования. 2020. № 1. С. 71–87.
3. Стратегия социально-экономического развития Алтайского края до 2035 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/574868207> (дата обращения: 20.06.2024).
4. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года. Министерство экономического развития РФ. 28 ноября 2018. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/9e711dab-fec8-4623-a3b1-33060a39859d/prognoz2036.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=9e711dab-fec8-4623-a3b1-33060a398599>.
5. Мищенко В. В., Мищенко И. К. Эскалация импортозамещения как реальность и необходимость для совершенствования структуры отечественной экономики // Экономика Профессия Бизнес. 2021. № 2. С. 77–83.
6. Фомин М. В., Микрюков Н. Ю., Мирязов Т. Р., Смирнов О. О. Проблемы пространственного развития регионов юга Восточной Сибири: мнение жителей // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. № 6. С. 66–82.
7. Геврасёва А. П. Экосбаласированное развитие региона: теория, факторы, методы оценки // Труды БГТУ. Серия 5. Экономика и управление. 2021. № 1 (244). С. 75–82.
8. Логиновский О. В., Золотых С. А., Халдин А. С. Формирование стратегии социально-экономического развития субъекта РФ в современных условиях // Вестник ЮУрГУ. Серия «Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника». 2020. Т. 20. № 3. С. 96–103.

9. Троцковский А. Я., Перекаренко Ю. А., Родионова Л. В., Сергиенко А. М. Агропромышленные регионы в контексте развития территориально-отраслевой структуры России: изменения в составе и социально-экономических характеристиках // Регион: экономика и социология. 2022. № 1. С. 201–234.
10. Захарова Л. А., Мокронос А. Г., Ярошевич Н. Ю. Развитие машиностроения в промышленной политике региона: регионально-отраслевой подход // Интернет-журнал «e-FORUM». 2018. № 4 (5). URL: <http://www.eforum-journal.ru> (дата обращения: 12.07.2024).
11. Рисин И. Е. Сильные и слабые стороны современной практики разработки стратегий развития регионов // Вестник ВГУ. Серия: экономика и управление. 2019. № 1. С. 38–42.
12. Глазьев С. Ю. Социальная справедливость и экономический рост. Программа опережающего развития России. Челябинск, 2023. URL: <https://projectclub.ru/>, 2023.11.27-VRNS-Econ. Programm-p39.pdf (дата обращения: 01.07.2024).

REFERENCES

1. Galushka A. S., Niyarmenov A. K., Okulov M. O. Crystal of growth. Towards the Russian economic miracle. M., 2021. URL: <https://www.labyrinth.ru/books/824729/?ysclid=ly2ee8k62v418010656>.
2. Makarov A. A. Possibilities of technological progress in the Russian energy sector Problems of forecasting. 2020. No. 1. Pp. 71–84.
3. Strategy for the socio-economic development of the Altai Territory until 2035. URL: <https://docs.cntd.ru/document/574868207> (date of access: 20.06.2024).
4. Forecast of socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2036. M. November 28, 2016. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/9e711dab-fec8-4623-a3b1-33060a39859d/prognoz2036.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=9e711dab-fec8-4623-a3b1-33060a39859>.
5. Mishchenko V. V., Mishchenko I. K. Escalation of import substitution as a reality and a necessity for improving the structure of the domestic economy. Economic Profession Business. 2021. No. 2. Pp. 77–83.
6. Fomin M. V., Mikrykov N. X., Miryazov T. R., Smirnov O. O. Problems of spatial development of the regions of the South of Eastern Siberia: the opinion of residents. Scientific review. Series 2. Humanities. 2021. No. 6. Pp. 66–82.
7. Gevraseva A. P. Eco-balanced development of the region: theory, factors, assessment methods. Productions of ESTU. Series 5. Economics and management. 2021. No. 1 (244). Pp. 75–82.
8. Loginovsky O. V., Zolotykh S. A., Khabaldin A. S. Formation of a strategy for the social-economic development of constituent entity of the Russian Federation in modern conditions. Bulletin of SVSU. Series «Computer technologies, control, radio electronics». 2020. Vol. 20. No. 3. Pp. 96–103.
9. Trotskovsky A. Y., Perekarenkova Y. A., Rodionova L. V., Sergienko A. M. Agro-industrial regions in the context of the development of the territorial — sectoral structure of Russia: changes in composition and socio-economic characteristics. Region: economics and sociology. 2022. No. 1. Pp. 201–234.
10. Zaharova L. A., Mokronosov A. G., Yaroshevich N. Yu. Development of mechanical engineering in the industrial policy the region: regional — sectoral approach. Enternet-magazine «e-FORUM». 2018. No. 4 (5). URL: <http://www.eforum-journal.ru> (date of access: 12.07.2024).
11. Rusin I. E. Strengths and weaknesses of modern practice of developing regional development strategies. VSU Bulletin. Series: economic and management. 2019. No. 1. Pp. 38–42.
12. Glazyev S. Yu. Social justice and economic growth. Russian, s Advanced Development Program. Chelyabinsk, 2023. URL: <https://projectclub.ru/>, 2023.11.27-VRNS-Econ. Programm-p39.pdf (date of access: 01.07.2024).

Поступила в редакцию: 15.07.2024.

Принята к печати: 16.08.2024.

УДК 332.145:314 (151) (470.57)
DOI 10.14258/epb202443

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ НОСИТЕЛЕЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ: АНАЛИЗ ТРЕНДОВ И ПОСЛЕДСТВИЙ¹

А. А. Рабцевич

Уфимский университет науки и технологий (Уфа, Россия)

Статья посвящена вопросам миграции носителей бизнес-компетенций в социально-экономической системе региона (на примере Республики Башкортостан). Вследствие слабой разработанности темы в отечественной науке в первую очередь автором рассматриваются существующие исследования по внешней и внутренней миграции предпринимателей, в том числе потенциальных. Приводится статистика по предпринимательской деятельности молодежи, как наиболее мобильной группы населения. Доказывается, что именно доходность является для молодежи главным драйвером выбора предпринимательской деятельности, как и места ее реализации. Автор обращает внимание на то, что в сложившихся для Российской Федерации условиях особый проблемный фокус необходимо заострять не столько на отъезде молодых носителей бизнес-компетенций за границу, сколько на их внутристрановой миграции по направлению «село — малый город — мегаполис», поскольку данное явление способно нанести непоправимый ущерб социально-экономическому развитию территорий в долгосрочной перспективе. Посредством системы показателей проводится анализ ситуации с миграцией руководителей и специалистов высшего уровня квалификации в сфере бизнеса и администрирования по муниципальным образованиям Республики Башкортостан за 2022 г. С разбивкой по видам поселений выделены административно-территориальные образования региона, концентрирующие миграционные потоки бизнес-компетенций (столичная агломерация и ряд зон с особыми экономическими условиями), а также совокупность территорий, в том числе урбанизированных, которые характеризуются оттоком людей, способных к предпринимательской деятельности. Автором сделаны выводы о сложившихся системных проблемах Республики Башкортостан по рассматриваемому вопросу.

Ключевые слова: бизнес-компетенции, внутренняя миграция, молодежное предпринимательство, миграционные потоки, региональная экономика.

MIGRATION FLOWS OF ENTREPRENEURIAL COMPETENCIES: ANALYSIS OF TRENDS AND CONSEQUENCES

A. A. Rabtsevich

Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

The article is devoted to the migration of persons with entrepreneurial competence in regional socio-economic system (on the example of Bashkortostan Republic). Due to the weak development of this topic in Russian science, the author primarily examines existing studies on the external and internal migration of entrepreneurs, including potential ones. Statistics on the entrepreneurial activity of young people, as the most mobile group of the population, are provided. It is proved that profitability is the main driver of the choice of entrepreneurial activity for young people, as well as the place of its implementation. The author draws attention to the fact that in the current conditions for the Russian Federation, a special problematic focus should be focused not so much on the departure of young business competence holders abroad, as on their intra-country migration in the direction of «rural settlement — small town — megalopolis», since this phenomenon can cause irreparable damage to the socio-economic development of territories in the in the long term. An analysis of the migration situation of managers and specialists of the highest level of qualification in the field of business and administration in the municipalities of Bashkortostan Republic for 2022 is carried out using the indicator system. The administrative-territorial formations of the region, concentrating migration flows of business competencies (metropolitan

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда: грант № 23–28–00444.

agglomeration and a number of zones with special economic conditions), as well as a set of territories, including urbanized ones, which are characterized by an outflow of people capable of entrepreneurial activity, are divided by type of settlements. The author made conclusions about the existing systemic problems of Bashkortostan Republic on the issue under consideration.

Keywords: business competencies, internal migration, youth entrepreneurship, migration flows, regional economy.

Глубокие исследования миграционных процессов получают в современном мире все большее распространение, что обусловлено усилением как положительных (компенсация трудодефицитных экономических пространств, свобода местожительства, кросскультурность и др.), так и отрицательных (моментальное распространение пандемий, образование этнических анклавов, проникновение радикальных движений и др.) их последствий. Именно последствия перемещения тех или иных групп населения для мест убытия и прибытия являются центральным предметом исследования экономических, социологических, политических, психологических, медицинских и множества других наук об обществе и человеке, что определяет междисциплинарный характер исследований миграции. Для экономического исследования целью преимущественно может выступать влияние на социально-экономическое развитие территории прибытия или убытия экономически активной части населения. Особый интерес в последние годы вызывает миграция бизнеса, его собственников и менеджмента, усиливающаяся как на мировом уровне (например, перенос крупных производств между странами), так и в России, в недавнее время получившее достаточно спорное название «релокация».

Как справедливо отмечает С. В. Дорошенко, «сочетание миграции и предпринимательства наиболее часто встречается в работах по адаптации иммигрантов на рынке труда принимающей страны» [1, с. 17], что особенно характерно для американских и европейских исследований. При анализе влияния миграционных потоков на предпринимательскую активность применяются этнографический метод, полуструктурированные интервью, множественный регрессионный анализ и другие инструменты. Автор доказывает, что малый сектор экономики получает некоторое развитие за счет иммиграционных потоков, в дальнейшем «опыт работы в малом секторе может стать базой для создания мигрантом собственного бизнеса» [1, с. 17].

Лица, способные заниматься предпринимательской деятельностью, создавать и поддерживать функционирование бизнес-структур, являются чрезвычайно важным активом любой территориальной экономической системы, вследствие чего все развитые страны стараются создать благоприятные условия для формирования собственной си-

стемы воспроизводства носителей соответствующих компетенций или привлечения максимального их количества в целях накопления критической массы для качественного перехода экономики к ускоренному типу развития. Внутри самих стран и регионов также происходит передвижение носителей бизнес-компетенций, особенно молодого возраста, обусловленное тем же самым различием условий для реализации их доходных ожиданий, но уже на локальном и мезоуровне.

Среди отечественных исследователей анализ укорененности предпринимательства (в том числе ценностной) среди иммигрантов получил распространение в связи с массовой образовательной миграцией [2, с. 151–156], а также формированием многочисленных диаспор мигрантов [3, с. 11–40] из близлежащих стран, в первую очередь — из Средней Азии.

Несмотря на разработанность проблематики движения миграционных потоков в целом, в российской практике исследованиям внутренней миграции носителей бизнес-компетенций уделяется совершенно недостаточно внимания. Исследователи, как правило, либо не детализируют потоки мигрантов по видам занятий, складывая их в общую массу и разделяя только возрастные когорты, либо выделяют только наиболее очевидные по причинам миграции группы. Основной контингент молодежи в таких исследованиях подразделяется, ожидаемо, на «образовательных» и «трудовых» мигрантов. Кроме того, стоит отметить, что в такого типа работах отечественных ученых обязательным является разделение потоков по административно-территориальным уровням: как правило, в русле «село — город» или, что, на наш взгляд, более оправданно — «село — малый город — мегаполис» [4, с. 30]. В такой парадигме фиксируются значительные «восходящие» потоки невозвратной миграции, приводящие к полному «обезлюживанию» обширных территорий, замещению населения малых городов жителями окружающих сельских поселений и концентрации молодежи в городах-миллионниках.

В работе Н. В. Мкртчян справедливо указывается, что именно рабочие места («потенциальные возможности города» [5, с. 239]) определяют основную мотивацию «восходящего» потока, независимо от времени трудоустройства — после соответствующего обучения (как правило — в вузе)

и адаптации или непосредственно после переезда. Оценки приоритетов российского студенчества подтверждают, что сфера бизнеса выбирается выпускниками именно вследствие увеличения вероятности получения большего дохода по сравнению с иными видами деятельности [6, с. 134].

Таким образом, по нашему мнению, глубинной причиной усиливающегося оттока молодежи из сельских поселений в малые города и далее оказывается отток носителей бизнес-компетенций и навыков организации производства, исход которых сужает местный рынок труда, соответственно, далее — снижает уровень заработной платы, уменьшает местную налогооблагаемую базу, что, в свою очередь, ограничивает воспроизводство социальной, досуговой и образовательной инфраструктуры, выступая, в конечном итоге, драйвером образования массовых миграционных тенденций. В этом смысле, как указывает Г. А. Батищева, два экономических фактора производства — труд и предпринимательство — относятся к человеческим ресурсам, а «носитель фактора «труд» вынужден предпринимать шаги по соединению с прочими факторами производства в другом месте, где есть предприниматели, обеспечивающие их более эффективное комбинирование» [7, с. 10]. С точки зрения развития локальных экономик существенным является «присутствие или отсутствие в поселении критической массы мелких и средних предпринимателей», которая «определяется на основе показателя темпов развития основных видов хозяйственной деятельности» [8, с. 13–14] и отсутствие которой приводит к сворачиванию производств.

Стоит отметить, что перемещения предпринимателей между регионами и внутри них (как и в случае межстрановой миграции) могут быть формальными и также фиксироваться статистическими органами. В большинстве случаев факт перерегистрации бизнеса обуславливается, например, разницей в ставках налогообложения между соседними субъектами федерации [9] — ситуация напоминает «уход в оффшоры», происходивший на корпоративном уровне в более ранний период.

Предприниматели, особенно относящиеся к молодым возрастным группам, согласно С. П. Парамоновой и др., относятся к «прогрессивно-мобильной» категории жителей, ориентированной на внутреннюю миграцию и готовой «реализовать себя в регионах со вновь открывающимися возможностями» [10, с. 479], в отличие от этнических мигрантов (как выходцев из бывшего СССР, так и дальнего зарубежья), чья предпринимательская деятельность на территории Российской Федерации принимает, по большей части, вынужденный характер [11, 12]. В данном случае особую актуальность получает формирование в каждом субъ-

екте федерации внутрирегиональной экосистемы молодежного предпринимательства, обеспечивающей расширенное воспроизводство молодежи, способной организовать и поддерживать бизнес-проекты [13, с. 62].

Стоит отметить, что предпринимательская активность российской молодежи имеет ежегодную тенденцию к росту: количество зарегистрированных молодых индивидуальных предпринимателей и самозанятых до 25 лет включительно в 2022 г. составило 1,9 млн в 2023 г. — оценочно 2,3 млн [14, с. 39], а всего в возрасте до 35 лет — 4,68 млн. В общем числе молодежи, занятой предпринимательством, согласно официальным данным, количество ИП в возрасте до 25 лет выросло со 148 тыс. в 2019 г. до 243,5 тыс. по итогам 2023 г., их доля на 1 января 2024 г. составляет 6% от общего количества ИП [15]. В числе создаваемых в течение года ИП доля до 25 лет за тот же период выросла с 8 до 12% [16].

Среди групп населения готовность предпринимателей к миграции ожидаемо находится на втором месте после студентов, причем мотивациями к переезду выступают «расширение бизнеса и улучшение жизненных условий» [17, с. 31]. Исследователями мировых трендов также выявляется в несколько раз более высокая мобильность предпринимателей в сравнении с остальным населением [18, с. 12], при этом на межстрановом уровне решение о релокации принимается в случае превышения условий привлечения над условиями удержания в стране-доноре [18, с. 16].

Ряд исследователей фокусируют внимание только на оттоке российских предпринимателей за рубеж, считая такие тенденции представляющими наибольшую опасность для конкурентоспособности экономики России [19, с. 61], в первую очередь «вследствие масштабов и скорости внедрения в производство достижений научно-технического прогресса, что во всем мире принято ассоциировать с талантливой молодежью» [20, с. 143]. С точки зрения пространственного развития России и преодоления ее территориальной экономической неоднородности, по нашему мнению, в настоящий момент необходимо обратить особое внимание на внутреннюю миграцию носителей бизнес-компетенций в структуре «село — малый город — мегаполис», недооценка масштабов которой может нанести значительно больший ущерб экономической, социальной и демографической ситуации в долгосрочной перспективе, нежели невозврат релокантов, которые и так ранее организовывали свой бизнес, как правило, в мегаполисах.

Понимание необходимости выделения из общей массы отдельных категорий мигрантов, чей отъезд наносит наибольший ущерб перспективам социально-экономического развития территорий,

пока разворачивает исследования в сторону выделения квалификационных характеристик мигрантов, особенно в отношении инженерно-технических специальностей. В российском статистическом учете в недавнее время стал обозначаться более широкий перечень занятий въезжающих и выезжающих мигрантов, из которых два (руководители и специалисты высшего уровня квалификации в сфере бизнеса и администрирования) представляют интерес для нашего исследования (табл. 1). Стоит от-

метить, что при расчете общего потока по категории «Крупные города (городские округа)» из представленной выборки объективно было бы отделить город Уфу и Уфимский район, поскольку они вследствие принадлежности к крупнейшей региональной агломерации имеют несопоставимо более высокие (по сравнению с остальными территориями) показатели положительного сальдо миграции: по руководителям — +190 и +73 соответственно, по специалистам — +253 и +78 соответственно.

Таблица 1

Сальдо миграции руководителей (Р*) и специалистов высшего уровня квалификации в сфере бизнеса и администрирования (С*) в муниципальных образованиях Республики Башкортостан за 2022 год (человек). Рассчитано по [21, с. 142–165]

	Р*	С*		Р*	С*
Крупные города (городские округа)			Сельские территории с районным центром		
Уфа	190	253	Стерлитамакский район	18	8
Уфимский район	73	78	Иглинский район	0	7
Октябрьский	1	14	Нуримановский район	5	1
Нефтекамск	4	-8	Абзелиловский район	14	-9
Стерлитамак	-25	15	Дуванский район	-1	4
Агидель	-2	-9	Кигинский район	2	1
Кумертау	1	-15	Бурзянский район	-5	7
Салават	-3	-15	Ермекеевский район	-4	4
Сибай	-1	-21	Мечетлинский район	0	-1
ИТОГО (без Уфы и Уфимского района)	-7	-31	Татышлинский район	1	-2
Поселения городского типа (городские территории)			Караидельский район	3	-4
Учалы (Учалинский район)	-3	7	Зилаирский район	-5	2
Янаул (Янаульский район)	3	1	Краснокамский район	-6	2
Туймазы (Туймазинский район)	-2	5	Белокатайский район	-4	0
Благовещенск (Благовещенский район)	-1	1	Аскинский район	-1	-3
Чишмы (Чишминский район)	0	0	Архангельский район	1	-5
Баймак (Баймакский район)	6	-6	Альшеевский район	-11	5
Белорецк (Белорецкий район)	-1	-1	Кушнаренковский район	-5	-1
Бирск (Бирский район)	-3	-2	Балтачевский район	-4	-2
Приютово (Белебеевский район)	-4	-3	Кармаскалинский район	-1	-5
Давлеканово (Давлекановский район)	-4	-5	Бакалинский район	-8	1
Белебей (Белебеевский район)	2	-24	Чекмагушевский район	-4	-3
Дюртюли (Дюртюлинский район)	-13	-10	Куюргазинский район	-2	-6
Мелеуз (Мелеузовский район)	-11	-25	Гафурийский район	-2	-7
Ишимбай (Ишимбайский район)	-31	-16	Калтасинский район	-8	-3
ИТОГО	-62	-78	Кугарчинский район	-4	-7
Сельские территории при городе — районном центре			Стерлибашевский район	-4	-7
Мелеузовский район (сельские поселения)	-3	6	Салаватский район	0	-12
Чишминский район (сельские поселения)	2	3	Шаранский район	-11	-3
Ишимбайский район (сельские поселения)	1	1	Благоварский район	-9	-5
Янаульский район (сельские поселения)	2	-1	Федоровский район	-8	-6
Благовещенский район (сельские поселения)	1	-1	Бураевский район	-7	-8
Бирский район (сельские поселения)	-2	-2	Миякинский район	-6	-9

Окончание таблицы 1

	Р*	С*		Р*	С*
Белебеевский район (сельские поселения)	-1	-5	Мишкинский район	-1	-15
Дюртюлинский район (сельские поселения)	0	-6	Зианчуринский район	-12	-5
Белорецкий район (сельские поселения)	-4	-3	Бижбулякский район	-9	-8
Давлекановский район (сельские поселения)	-1	-7	Илишевский район	0	-17
Баймакский район (сельские поселения)	-8	-1	Хайбуллинский район	-9	-11
Туймазинский район (сельские поселения)	-5	-4	Буздякский район	-11	-14
Учалинский район (сельские поселения)	-8	-7	Аургазинский район	-8	-18
ИТОГО	-26	-27	ИТОГО	-144	-162

Как показано в таблице 1, по всем административно-территориальным группам наблюдается отток рассматриваемых когорт населения, особенно из групп «Поселения городского типа (городские территории)», входящие в состав муниципальных районов, и «Сельские территории с районным центром». Такие малые города, как Дюртюли (суммарный отток -26 человек), Мелеуз (-36) и Ишимбай (-47), являются с анализируемой точки зрения наиболее проблемными. Такой же вывод можно сделать и в отношении Хайбуллинского (-20), Буздякского (-25) и Аургазинского (-26) муниципальных районов.

Представляется возможным отметить, что в таблице 1 наблюдается некоторое искажение статистики — в первую очередь по городу Стерлитамак, образуемому с городами Ишимбай и Салават, а также Стерлитамакским и Ишимбайским муниципальными районами Южно-Башкортостанскую агломерацию с суммарным населением более 550 тыс. человек, которая, как предполагается, должна выступать центром притяжения молодежи с бизнес-компетенциями. Стерлитамак, как показано в таблице 1, характеризуется значительным оттоком руководителей, при этом в прилегающем районе наблюдается положительное сальдо. Та же ситуация повторяется с городом Ишимбай: сельские поселения Ишимбайского района имеют положительное сальдо, а в самом городе — наихудшие значения среди поселений городского типа. В городском округе Салават также наблюдается отток рассматриваемой когорты населения. Данные аномалии могут объясняться наличием открытой экономической производственной зоны «АЛГА», функционирующей на территориях Стерлитамакского и Ишимбайского районов.

Что касается миграционных потоков предпринимательских компетенций в сельских территориях при городе — районном центре, здесь в наихудшем положении оказываются сельские поселения Туймазинского и Учалинского районов, при этом города Туймазы и Учалы характеризуются одними из лучших суммарных сальдо в своей группе по-

селений. Таким образом, на этом примере можно наблюдать стекание носителей бизнес-компетенций в районные центры и далее в региональный центр — уже упомянутые «восходящие» потоки. Общее сальдо в группе «Сельские территории при городе — районном центре» ожидаемо меньше, чем в других видах поселений, поскольку в отношении данной группы необходимо учитывать и общую невысокую численность населения экономических пространств такого типа.

Нивелирование размерности административно-территориальных единиц возможно с помощью оценки эффективности внутренней миграции, для чего предлагается использовать соответствующие коэффициенты ($KЭ_p$ и $KЭ_c$), рассчитываемые отношением сальдо миграции ($СМ_p$ и $СМ_c$) к ее валовому объему ($ВМ_p$ и $ВМ_c$) [22, с. 11]:

$$KЭ_p = \frac{П_p - В_p}{П_p + В_p} = \frac{СМ_p}{ВМ_p} * 1000 (\text{промилле}) \quad (1)$$

где $П_p$ — число прибывших руководителей (за год, человек);

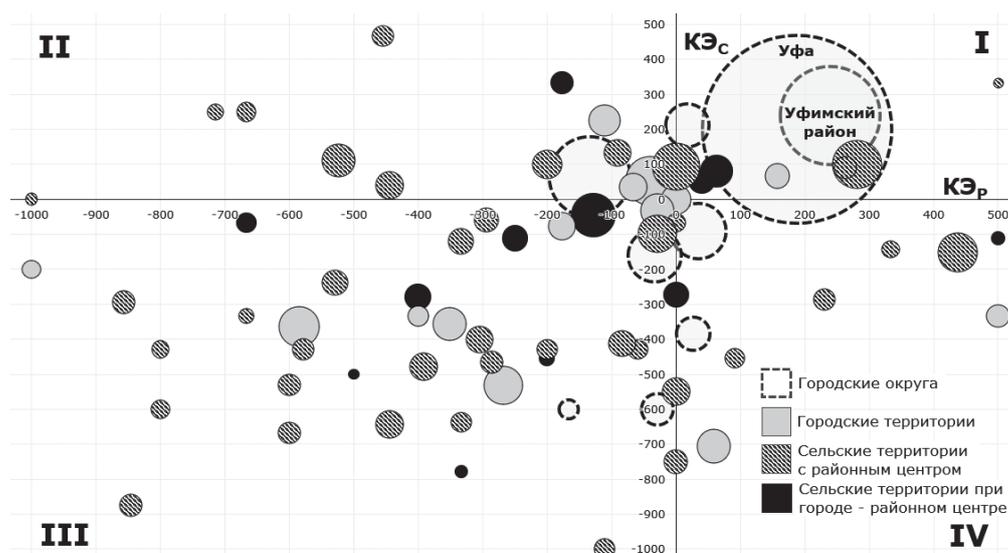
$В_p$ — число выбывших руководителей (за год, человек).

$$KЭ_c = \frac{П_c - В_c}{П_c + В_c} = \frac{СМ_c}{ВМ_c} * 1000 (\text{промилле}) \quad (2)$$

где $П_c$ — число специалистов высшего уровня квалификации в сфере бизнеса и администрирования (за год, человек);

$В_c$ — число выбывших специалистов высшего уровня квалификации в сфере бизнеса и администрирования (за год, человек).

Представленные коэффициенты характеризуют удельный вес миграционного прироста (оттока) носителей бизнес-компетенций в миграционном обороте населения данной квалификационной группы. При нанесении коэффициентов эффективности внутренней миграции на систему координат можно визуально определить четыре квадранта, иллюстрирующие степень привлекательности для руководителей и специалистов тех или иных территорий (рис.).

Распределение коэффициентов эффективности внутренней миграции руководителей (КЭР) и специалистов высшего уровня квалификации в сфере бизнеса и администрирования (КЭС) в муниципальных образованиях Республики Башкортостан за 2022 г. (площадь круга — валовой объем миграции квалификационных групп)

Представляется возможным отметить, что на рисунке 1 городские округа находятся в несколько лучшем положении, чем поселения городского типа в муниципальных районах. На этом фоне особенно выделяется город Уфа и Уфимский район (в I квадранте), притягивающие большую численность носителей бизнес-компетенций. В целом, по уровням оттока уязвимое положение демонстрируют множество сельских территорий с районным центром не городского типа.

Поскольку в большинстве исследований признается, что предприниматели обладают наивысшей мобильностью в молодом возрасте, можно с уверенностью предположить, что выявленные тенденции характерны именно для молодых предпринимателей Республики Башкортостан. Стоит также отметить то, что квалификационные группы, рассматриваемые в данном исследовании, в процессе реализации желания переезда не подверже-

ны влиянию «ловушек бедности», поэтому картина более объективна, чем при анализе общего потока мигрантов молодого возраста.

Таким образом, приведенный анализ подтвердил наличие общемировых «восходящих» потоков миграции среди носителей бизнес-компетенций в Республике Башкортостан. Картина распределения внутренней миграции в структуре «село — малый город — мегаполис» скорее тяготеет к разделению на две отдельные траектории «село — мегаполис» и «малый город — мегаполис». Организаторы бизнеса сразу сосредотачиваются в крупнейшем городе региона, представляющим более перспективным вариантом реализации устремлений, в первую очередь, молодой части данной квалификационной группы. Следовательно, в наиболее уязвимом положении оказываются малые города, в которых не происходит соответствующего замещения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дорошенко С. В. Оценка влияния иммиграции на численность занятых в малом предпринимательстве в регионах России // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2022. №4. С. 17. URL: <https://eee-region.ru/article/7217/> (дата обращения: 12.04.2024). DOI: 10.24412/1999-2645-2022-472-17.
2. Бритвина И. Б., Малявин С. Н., Шумилова П. А. Проблема развития предпринимательской деятельности студентов из стран Центральной Азии в России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. №5-2. С. 151-156.
3. Пешкова В. М. Предпринимательская активность иностранных трудовых мигрантов в России. На примере киргизских мигрантов в Москве и Московской области // Экономическая социология. 2018. №5. С. 11-40. DOI: 10.17323/1726-3247-2018-5-11-40.

4. Роговая А. В., Левченко Н. В. Образование, занятость и досуг как факторы миграции молодежи из малых городов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 23–33. DOI: 10.24866/1998–6785/2020–4/23–33.
5. Мкртчян Н. В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225–242. DOI: 10.14515/monitoring. 2017.1.15.
6. Лещенко О. В. Жизненные траектории и миграционные настроения молодежи на примере Рязанской области // Бизнес. Общество. Власть. 2018. № 3. С. 131–138.
7. Батищева Г. А. Миграционные процессы в России как фактор устойчивого развития экономики регионов: автореф. дисс. ... докт. экон. наук: 08.00.05. Ростов-на-Дону, 2011. 54 с.
8. Патреева О. В. Малый депрессивный город: типы воспроизводства и экономические факторы возрождения (на примере Ивановской области): автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Иваново, 2011. 25 с.
9. Агеева О. Калмыцкая аномалия: где и почему в России происходит всплеск регистрации бизнесменов // Сетевое издание «Forbes». Выпуск от 10 ноября 2023 года. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/500063-kalmycka-a-anomalia-gde-i-pocemu-v-rossii-proishodit-vsplesk-registracii-biznesmenov/> (дата обращения: 12.04.2024).
10. Парамонова С. П., Стегний В. Н., Разинская В. Д., Денисов Ю. В. Потенциальная мобильность горожан // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 3. С. 477–485. DOI: 10.17072/2078–7898/2017–3–477–485.
11. Лайша А. В. Этническое предпринимательство в современной России: социально-философские аспекты: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Краснодар, 2013. 33 с.
12. Самарина Е. Л. Этническое предпринимательство латиноамериканцев как стратегия адаптации в современной России: автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04. СПб., 2014. 30 с.
13. Гришин К. Е., Газизова А. Р. О некоторых подходах к проектированию региональной экосистемы молодежного предпринимательства // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023. № 5. С. 59–64. DOI: 10.34773/EU. 2023.5.11.
14. Герасимова А. С., Дадаян И. В., Исаевич А. И. и др. О состоянии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации и мерах по его развитию за 2019–2022 гг. М., 2023. 117 с.
15. Шахова С. Эксперт ТПП РФ Денис Дыбов: число молодых бизнесменов растет на 20% ежегодно // Агентство новостей «АБН24». Выпуск от 14 марта 2024 г. URL: <https://abnews.ru/news/2024/3/14/ekspert-tppr-rf-denis-dybov-chislo-molodyh-biznesmenov-rastet-na-20-ezhegodno/> (дата обращения: 12.04.2024).
16. Татьяна Илюшникова: процент молодых предпринимателей среди новых ИП растет ежегодно // Официальный сайт Министерства экономического развития России. Новости от 3 апреля 2023 г. URL: https://economy.gov.ru/material/news/tatyana_ilyushnikova_procent_molodyh_predprinimateley_sredi_novyh_ip_rastet_ezhegodno.html/ (дата обращения: 12.04.2024).
17. Ходенко С. В. Миграционные процессы и их влияние на формирование постоянного населения России: автореф. дисс. ... докт. экон. наук: 08.00.05. М., 2011. 50 с.
18. Куценко Е., Тюрчев А., Остащенко Т. Релокация как драйвер инновационной активности: глобальное исследование международной миграции основателей компаний-единорогов // Форсайт. 2022. № 4. С. 6–23. DOI: 10.17323/2500–2597.2022.4.6.23.
19. Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Миграция населения в контексте экономической безопасности и социальной стабильности // Управленческое консультирование. 2020. № 1. С. 56–72. DOI: 10.22394/1726–1139–2020–1–56–72.
20. Пруель Н. А., Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы // Регионоведческие исследования. 2020. № 1. С. 133–158. DOI: 10.15507/2413–1407.110.028.202001.133–158.
21. Миграция населения в Республике Башкортостан: статистический сборник. В 2 ч. Ч. 1. Уфа, 2023. 225 с.
22. Кованова Е. С. Статистическое исследование влияния внутренней трудовой миграции населения на социально-экономическое развитие регионов Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.12. М., 2015. 23 с.

REFERENCES

1. Doroshenko S. V. Assessment of the impact of immigration on the number of people employed in small businesses in the regions of Russia. Regional Economics and Management: an electronic scientific journal. 2022. No. 4. P. 17. URL: <https://eee-region.ru/article/7217/> (date of access: 12.04.2024). DOI: 10.24412/1999–2645–2022–472–17.

2. Britvina I. B., Malyavin S. N., Shumilova P. A. The problem of the development of entrepreneurial activity of students from Central Asian countries in Russia. *Proceedings of the Saint Petersburg State University of Economics*. 2022. No. 5–2. Pp. 151–156.
3. Peshkova V. M. Entrepreneurial activity of foreign labor migrants in Russia. On the example of Kyrgyz migrants in Moscow and the Moscow region. *Economic sociology*. 2018. No. 5. Pp. 11–40. DOI: 10.17323/1726–3247–2018–5–11–40.
4. Rogovaya A. V., Levchenko N. V. Education, employment and leisure as factors of youth migration from small towns. *The Ecumenical. Regional studies*. 2020. No. 4. Pp. 23–33. DOI: 10.24866/1998–6785/2020–4/23–33.
5. Mkrtchyan N. V. Migration of young people from small towns in Russia. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2017. No. 1. Pp. 225–242. DOI: 10.14515/monitoring. 2017.1.15.
6. Leshchenko O. V. Life trajectories and migration moods of youth on the example of the Ryazan region. *Business. Society. Authority*. 2018. No. 3. Pp. 131–138.
7. Batishcheva G. A. Migration processes in Russia as a factor of sustainable development of the regional economy: abstract of the dissertation for the degree of Doctor in Economic Sciences: 08.00.05. Rostov-on-Don, 2011. 54 p.
8. Pateeva O. V. Small depressive city: types of reproduction and economic factors of revival (on the example of the Ivanovo region): abstract of the diss. ... Candidate in Economic Sciences: 08.00.05. Ivanovo, 2011. 25 p.
9. Ageeva O. Kalmyk anomaly: where and why there is a surge in business registration in Russia. *Forbes online publication*. Issue dated November 10, 2023. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/500063-kalmyckaa-anomaliagde-i-pocemu-v-rossii-proishodit-vsplesk-registracii-biznesmenov/> (date of access: 12.04.2024).
10. Paramonova S. P., Stegny V. N., Razinskaya V. D., Denisov Yu. V. Potential mobility of citizens. *Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2017. No. 3. Pp. 477–485. DOI: 10.17072/2078–7898/2017–3–477–485.
11. Laisha A. V. Ethnic entrepreneurship in modern Russia: socio-philosophical aspects: abstract of the diss. ... Candidate in Philosophic Sciences: 09.00.11. Krasnodar, 2013. 33 p.
12. Samarina E. L. Ethnic entrepreneurship of Latin Americans as an adaptation strategy in modern Russia: abstract of the diss. ... Candidate in Sociologic Sciences: 22.00.04. Saint Petersburg, 2014. 30 p.
13. Grishin K. E., Gazizova A. R. On some approaches to designing a regional ecosystem of youth entrepreneurship. *Economics and Management: a scientific and practical journal*. 2023. No. 5. Pp. 59–64. DOI: 10.34773/EU. 2023.5.11.
14. Gerasimova A. S., Dadayan I. V., Isaevich A. I. and others. On the state of small and medium-sized entrepreneurship in the Russian Federation and measures for its development in 2019–2022. Moscow, 2023. 117p.
15. Shakhova S. Denis Dybov, expert of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation: the number of young businessmen is growing by 20% annually. *ABN24 News Agency*. Issue dated March 14, 2024. URL: <https://abnews.ru/news/2024/3/14/ekspert-tpp-rf-denis-dybov-chislo-molodyh-biznesmenov-rastet-na-20-ezhegodno/> (date of access: 12.04.2024).
16. Tatyana Ilyushnikova: the percentage of young entrepreneurs among new individual entrepreneurs is growing annually. *Official website of the Ministry of Economic Development of Russia*. News from April 3, 2023. URL: https://economy.gov.ru/material/news/tatyana_ilyushnikova_procent_molodyh_predprinimateley_sredi_novyh_ip_rastet_ezhegodno.html/ (date of access: 12.04.2024).
17. Khodenko S. V. Migration processes and their impact on the formation of the permanent population of Russia: abstract of the diss. ... Doctor in Economic Sciences: 08.00.05. Moscow, 2011. 50 p.
18. Kutsenko E., Tyutchev A., Ostashchenko T. Relocation as a driver of innovation activity: a global study of international migration of the founders of unicorn companies. *Foresight*. 2022. No. 4. Pp. 6–23. DOI: 10.17323/2500–2597.2022.4.6.23.
19. Lipatova L. N., Gradusova V. N. Migration of the population in the context of economic security and social stability. *Management consulting*. 2020. No. 1. Pp. 56–72. DOI: 10.22394/1726–1139–2020–1–56–72.
20. Pruel N. A., Lipatova L. N., Gradusova V. N. Migration in modern Russia: scales, main directions and problems. *Regionology*. 2020. No. 1. Pp. 133–158. DOI: 10.15507/2413–1407.110.028.202001.133–158.
21. Migration of the population in Bashkortostan Republic: a statistical collection. In 2 parts. Part 1. Ufa, 2023. 225 p.
22. Kovanova E. S. Statistical study of the impact of internal labor migration of the population on the socio-economic development of the regions of the Russian Federation: abstract of the diss. ... Candidate in Economic Sciences: 08.00.12. Moscow, 2015. 23 p.

Поступила в редакцию: 15.04.2024.

Принята к печати: 21.06.2024.

УДК 314.15:311.21 (571.150)
DOI 10.14258/epb202444

ТРАНСФОРМАЦИИ В СИСТЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ¹

Л. В. Родионова¹, А. Я. Троцкий^{1,2}, В. Е. Беляева^{1,2}

¹ Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)

² Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

На основе данных Всероссийских переписей населения (1989–2020 гг.) и текущего статистического учета (1989–2023 гг.) проведен анализ системы расселения Алтайского края на фоне Российской Федерации и Сибирского федерального округа. Показана ее структура, факторы и механизмы формирования и развития, выявлена специфика городского и сельского расселения. Рассмотрены показатели густоты сети поселений, их людности и плотности населения. Особое внимание уделено определению места Алтайского края в системе расселения РФ и СФО, изучению вопросов неравномерности размещения населения и населенных пунктов, сдвигов в системе расселения региона, произошедших в последние три десятилетия. Сделан вывод о том, что система расселения Алтайского края отличается сравнительно высокой степенью заселенности территории, относительно густой сетью городских и сельских поселений и крайне неравномерным пространственным размещением населения. В течение анализируемого периода наблюдалось перераспределение населения в сверхкрупные города и крупнейшие села и сужение срединного слоя городов и сельских поселений. Происходило обезлюдение значительных территорий, их выпадение из освоенного экономического пространства и, как следствие, ослабление внутри- и межрегиональных взаимодействий в экономике и социальной сфере.

Ключевые слова: система расселения, экономическое пространство, городские и сельские поселения, трансформации в системе расселения, интеграционные процессы.

TRANSFORMATIONS IN THE SETTLEMENT SYSTEM OF ALTAI KRAI AND THEIR IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF INTEGRATION PROCESSES

L. V. Rodionova¹, A. Ya. Trotskovsky^{1,2}, V. E. Belyaeva^{1,2}

¹ Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

² Altai State University (Barnaul, Russia)

Based on the data of the All-Russian population censuses (1989–2020) and current statistical records (1989–2023) the article analyzes the settlement system of Altai Krai against the background of the Russian Federation and the Siberian Federal District. Its structure, factors and mechanisms of formation and development are shown, the specifics of urban and rural settlement are revealed. The indicators of settlements network density, their number of population and population density are considered. Particular attention is paid to the determination of the Altai Krai's place in the settlement system of the Russian Federation and SFD, to the study of the issues of uneven distribution of population and settlements, shifts in the settlement system of the region that have occurred in the last three decades. It is concluded that the settlement system of Altai Krai is characterized by a relatively high degree of settlement of the territory, a relatively dense network of urban and rural settlements and extremely uneven spatial distribution of the population. During the analyzed period, there was a redistribution of population to super-large cities and largest villages and shrinkage of the middle layer of cities and rural settlements. There was

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири», № 121040100279–5.

the depopulation of significant territories, their falling out of the developed economic space and, as a consequence, the weakening of intra- and interregional interactions in the economy and social sphere.

Keywords: settlement system, economic space, urban and rural settlements, transformations in the settlement system, integration processes.

Введение. Система расселения является важнейшим элементом территориальной организации общества. Она представляет собой совокупность тесно взаимосвязанных городских и сельских поселений различной величины и разного функционального профиля, объединенных производственными, транспортными, энергетическими, информационными и другими связями; общей социальной инфраструктурой, единой сетью учреждений образования, здравоохранения, культуры и спорта, объектов бытового и жилищно-коммунального обслуживания населения; совместным использованием природно-ресурсного потенциала и сохранением окружающей среды [1, с. 125–126; 2, с. 362–363; 3, с. 10–14].

Система расселения формируется под воздействием многочисленных факторов и развивается по своим собственным законам. Концентрируя жизнедеятельность населения в определенных местах, она выступает одновременно и как результат, и как условие размещения в пространстве экономических объектов и центров обслуживания граждан. Речь идет о необходимости согласованного сбалансированного распределения по территории мест проживания людей, их рабочих мест и мест обслуживания, основанного на сочетании в известной степени противоречивых интересов экономики, социальной сферы и самих жителей. Трансформации в системе расселения отражаются на всех взаимодействиях в социально-экономическом пространстве, в том числе и на развитии интеграционных процессов [4, 5]. Без глубоких знаний о системе расселения, ее структуре, внешних

связях, механизмах функционирования и развития невозможно принимать сколько-нибудь эффективные управленческие решения в данной области.

Целью нашего исследования является изучение системы расселения в Алтайском крае, ее структуры, внешних связей, динамики, факторов и механизмов развития, а также ее влияния на формирование интегрированного экономического пространства. В настоящей статье мы остановимся на рассмотрении некоторых из перечисленных выше вопросов.

Общая характеристика краевой системы расселения и особенности городского расселения. Алтайский край относится к числу наиболее заселенных регионов Сибири. На территории, составляющей 4% площади СФО, проживает 13% населения. Система расселения края представлена 12 городами, шестью поселками городского типа и 1587 сельскими населенными пунктами (табл.). Исторически поселения формировались вблизи крупных водных артерий и мест сосредоточения природных ресурсов. Сегодня городские и сельские поселения покрывают практически всю территорию края. Регион отличается повышенной долей сельского населения. Здесь на каждых трех городских жителей приходится два сельских, тогда как в среднем по РФ и СФО — только один. По этому показателю край находится на уровне двух других житниц России — Краснодарского и Ставропольского краев. Опорный каркас расселения составляют города и крупные села с численностью населения более двух тысяч человек.

Группировка городов, поселков городского типа и сельских населенных пунктов Алтайского края по численности населения

	1989			2020		
	Единиц	в них население		Единиц	в них население	
		тыс. чел.	%		тыс. чел.	%
Города	11	1255,8	100,0	12	1192,2	100,0
из них с числом жителей, тыс. человек:						
до 20	3	39,7	3,2	4	50,7	4,3
20–49,9	3	109,1	8,7	4	126,9	10,6
50–99,9	2	104,3	8,3	1	73,0	6,1
100–249,9	2	404,1	32,2	2	310,7	26,1
250–499,9	-	-	-	-	-	-

Окончание таблицы

	1989			2020		
	Единиц	в них население		Единиц	в них население	
		тыс. чел.	%		тыс. чел.	%
500–999,9	1	598,6	47,7	1	630,9	52,9
Поселки городского типа	30	269,3	100,0	6	65,6	100,0
из них с числом жителей, тыс. человек:						
до 5	10	25,6	9,5	1	2,7	4,1
5–9,9	6	41,2	15,3	1	5,6	8,5
10–19,9	12	156,4	58,1	4	57,3	87,4
20 и более	2	46,1	17,1	-	-	-
Сельские населенные пункты	1624	1107,2	100,0	1587	905,9	100,0
из них с числом жителей, человек:						
10 и менее	45	0,2	0,0	167	0,6	0,1
11–200	509	53,6	4,8	609	50,0	5,5
201–500	410	133,1	12,0	348	115,7	12,8
501–1000	304	221,5	20,0	268	191,5	21,1
1001–2000	279	377,6	34,1	109	139,0	15,3
2001–5000	56	179,3	16,2	61	204,2	22,5
более 5000	21	141,9	12,8	25	204,9	22,6

Источник: материалы Всероссийских переписей населения 1989 и 2020 гг., расчеты авторов.

По уровню урбанизированности территории Алтайский край близок к среднероссийскому региону и опережает большинство субъектов федерации, расположенных в СФО. На 100 тыс. км² здесь приходится семь городов, тогда как в РФ густота городов составляет 6,5, а в СФО — 2,6, то есть при равномерном размещении один город в крае приходился бы на 14 тыс. км², в России — на 15 тыс. км², а в Сибири — на 38 тыс. км².

По данным последней переписи населения, средняя людность алтайских городов составляла 99 тыс. человек при среднероссийской 92 тыс. и среднеокружной — 101 тыс. человек. По сравнению с 1989 г. она снизилась на 13%. В структуре городов 75% составляли малые (с численностью жителей менее 20 тыс. человек), полусредние (от 20 до 50 тыс. человек) и средние (от 50 до 100 тыс. человек) города², в которых проживала лишь пятая часть всех горожан региона. Средняя людность этих городов была равна 28 тыс. человек. На долю больших городов (100 тыс. человек и более) приходилось 25% от их общего количества и около 80% жителей городов. Средняя людность последних была в 11 раз больше по сравнению с городами первой группы (314 тыс. человек). Две третьих жителей больших городов было сосредоточено в краевом центре

(г. Барнаул) — сверхкрупном городе (500 тыс. человек и более) и треть — в крупных (от 100 до 500 тыс. человек) городах (г. Бийск и г. Рубцовск). В рассматриваемый период рост населения отмечался только в малых, полусредних и сверхкрупных городах, что свидетельствует о продолжении процессов поляризации в территориальном распределении городского населения края. Подобные процессы наблюдались и в других российских регионах [7, 8].

В поселках городского типа (ПГТ) было сосредоточено всего 5% городского населения. Их средняя людность составляла 11 тыс. человек. Большая часть населения ПГТ (87%) была сконцентрирована в населенных пунктах с числом жителей от 10 до 20 тыс. человек. За анализируемый период количество поселков городского типа уменьшилось в пять раз, а их народонаселение — в четыре раза. Наивысшими темпами сокращались ПГТ с числом жителей менее 5 тыс. человек, а поселения людностью более 20 тыс. человек исчезли вовсе. Главным фактором сокращения поселений данного типа являлось изменение их административного статуса (были поселки городского типа — стали сельские населенные пункты).

Трансформации в сельском расселении. Система сельского расселения Алтайского края пред-

² В настоящей статье мы используем группировки городов и сельских поселений, приведенных в работе «Основы региональной экономики» [6, с. 27–28].

ставляет собой относительно густую сеть сельских населенных пунктов различной величины. По данным переписи населения 2020 г. на 1000 км² здесь приходилось 9,5 поселений, тогда как в целом по РФ — 8,9, а по СФО — всего 2,3. О сравнительно высоком уровне заселенности региона свидетельствует относительно большая общая плотность населения в крае — 12,7 чел./км² (на начало 2023 г.) при среднероссийской 8,5 и среднеокружной — 3,9.

В крае преобладает крупноселенная сеть сельского расселения в отличие от большинства регионов России и Сибири [9, 10]. Средняя людность алтайского села составляла в 2020 г. 570 человек, что почти в 2,4 раза выше общероссийского показателя и в 1,4 раза — общесибирского. Почти 60% сельских жителей проживало в крупных поселениях численностью свыше 1000 человек, примерно треть их была сосредоточена в населенных пунктах людностью от 200 до 1000 человек и менее 6% — в селах с числом жителей до 200 человек. В последней группе, состоящей из 779 поселений, в 110 проживало менее 10 человек, а в 57 — население отсутствовало вовсе.

Сложившаяся система сельского расселения достаточно динамична. В рассматриваемый межпереписной период движение как отдельных разномасштабных групп сельских поселений, так и проживающего в них населения было разнонаправленным. Отмечался рост сельских населенных пунктов с числом жителей до 200 человек (на 40%) и более 2000 человек (на 13%), во всех других группах поселений их количество сокращалось. При этом людность поселений возросла только в группах крупнейших (свыше 2000 человек) и мельчайших (до 10 человек) сел, то есть преобладало перераспределение населения в крупнейшие населенные пункты и постепенное «вымывание» срединного слоя поселений³. Наиболее интенсивные изменения наблюдались в группе поселений с численностью населения от 1001 до 2000 человек — количество сел, их людность и доля в сельском населении сократились более чем в 2–2,5 раза.

Процесс пространственной концентрации населения нельзя оценивать однозначно. Казалось бы, он способствует улучшению условий жизни сельских жителей. Однако его оборотной стороной является снижение уровня заселенности территории, изреживание поселенческой сети, выпадение из овоенного пространства огромных площадей.

Неравномерность размещения сельского населения по территории Алтайского края наиболее наглядно демонстрирует показатель плотности населения в отдельных муниципальных

округах и районах. На начало 2023 г. она варьировала от 1,4 чел./км² в Чарышском районе до 17,7 — в Павловском, то есть коэффициент асимметрии по плотности населения (соотношение максимального и минимального значений) составлял 12,6. За анализируемый период он увеличился почти в два раза. В 32 районах плотность населения была менее 5 чел./км² (в 1990 г. таких районов было всего четыре). Это свидетельствует о критической ситуации в данных муниципальных образованиях с людскими ресурсами, необходимыми для их устойчивого инклюзивного развития. Депопуляционные процессы в них, как правило, происходили с повышенной интенсивностью. Эти районы занимают более половины площади края и треть из них расположены вблизи его административной границы, совпадающей на юге и юго-западе с государственной границей РФ.

Заметим, что в пореформенный период в системе расселения края наряду с традиционными поселениями появились новые — поселки коттеджного типа. Только в Барнауле и его пригороде, по неполным данным, их насчитывается более 20.

Формирование системы расселения, ее структура и динамика детерминированы целым комплексом взаимосвязанных факторов: демографических (естественным движением и миграцией населения); социально-экономических (уровнем и динамикой развития экономики и социальной сферы); пространственных (размещением мест приложения труда, мест проживания и мест обслуживания населения по территории и степени их связанности); природных (наличием ресурсов, состоянием окружающей среды, климатом) и других.

Заключение. Проведенный анализ показал, что система расселения Алтайского края отличается сравнительно высокой степенью заселенности территории, относительно густой сетью городских и сельских поселений и крайне неравномерным пространственным размещением населения. Для региона характерна повышенная концентрация сельского населения в крупных селах в сочетании с высокой территориальной рассредоточенностью сельских населенных пунктов. Средняя людность алтайских сельских поселений выше, чем людность аналогичных поселений в РФ и СФО в целом без малого в 2,5 и 1,5 раза, а густота их размещения больше на 7 и 300% соответственно. По степени урбанизированности территории Алтайский край мало отличается от Краснодарского и Ставропольского краев. Людность среднего алтайского города была на уровне среднесибирского и несколько превышала людность среднероссий-

³ Аналогичные процессы в сельском расселении происходили и в других регионах страны, а также за рубежом [10–12].

ского города. Почти 80% горожан края проживало в больших городах.

В течение анализируемого периода усиливалась неравномерность в распределении населения по территории края. Коэффициент асимметрии по плотности населения в сельских районах увеличился в два раза. Наблюдалось перераспреде-

ние населения в сверхкрупные города и крупнейшие села и «вымывание» срединного слоя городов и сельских поселений. Происходило опустошение значительных площадей, их выпадение из освоенного экономического пространства и, как следствие, ослабление внутри- и межрегиональных взаимодействий в экономике и социальной сфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алаев Э. Б. Экономико-географическая терминология. М., 1977. 199 с.
2. Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д. И. Валентей. М., 1985. 608 с.
3. Ткаченко А. А. Ключевые понятия теории расселения: попытка переосмысления // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2018. № 2. С. 10–15.
4. Троцкий А. Я., Сергиенко А. М., Родионова Л. В., Перекаренко Ю. А. Кооперационно-сетевые взаимодействия организаций региона: методология и результаты исследования // Регион: экономика и социология. 2023. № 3 (119). С. 55–83. DOI: 10.15372/REG20230303.
5. Glezer O. B., Kolosov V. A., Brade I. et al. Integrated forms of urban settlement pattern in Russia, Europe, and worldwide // *Regional Research of Russia*. 2014. Vol. 4, Pp. 80–89. DOI: <https://doi.org/10.1134/S207997051402004X>.
6. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. М., 2000. 400 с.
7. Короленко А. В. Пространственные трансформации территорий России: тенденции и региональные различия расселения // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27. № 1. С. 47–75. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.4.
8. Нефёдова Т. Г., Глезер О. Б. Трансформация социально-географического пространства России // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / ред. В. М. Котляков, А. Н. Швецов, О. Б. Глезер. М., 2020. С. 214–251.
9. Алексеев А. И., Сафронов С. Г. Изменение сельского расселения в России в конце XX — начале XXI века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2015. № 2. С. 66–76.
10. Егоров Д. О. Пространственное сжатие и поляризация сельского пространства Республики Татарстан на фоне депопуляции населения // Региональные исследования. 2020. № 4. С. 32–45. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-4-3.
11. Ускова Т. В., Патракова С. С. Развитие сельских территорий в условиях пространственного сжатия северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 34–52. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.2.
12. Polese M., Shearmur R. Why some regions will decline: A Canadian case study with thoughts on local development strategies // *Papers in Regional Science*. 2006. Vol. 85. Pp. 23–46. DOI: 10.1111/j.1435-5957.2006.00024.x.

REFERENCES

1. Alayev E. B. Economic-geographical terminology. Moscow, 1977. 199 p.
2. Demographic Encyclopedic Dictionary / ed. by D. I. Valentey. Moscow, 1985. 608 p.
3. Tkachenko A. A. Key concepts of the settlement theory: an attempt of rethinking. *Moscow University Bulletin*. Ser. 5. Geography. 2018. No. 2. Pp. 10–15.
4. Trotskovsky A. Ya., Sergienko A. M., Rodionova L. V., Perekarenkova Yu. A. Cooperative-network interactions of organizations in the region: Methodology and research results. *Region: Economics and Sociology*. 2023. No. 3 (119). Pp. 55–83. DOI: 10.15372/REG20230303.
5. Glezer O. B., Kolosov V. A., Brade I. et al. Integrated forms of urban settlement pattern in Russia, Europe, and worldwide. *Regional Research of Russia*. 2014. Vol. 4. Pp. 80–89. DOI: <https://doi.org/10.1134/S207997051402004X>.
6. Granberg A. G. Fundamentals of Regional Economics. Moscow, 2000. 400 p.

7. Korolenko A. V. Spatial transformations of Russia's territories: Trends and regional differences in resettlement. *Problems of Territory's Development*. 2023. Vol. 27 (1). Pp. 47–75. DOI: 10.15838/ptd. 2023.1.123.4.
8. Nefedova T. G., Glezer O. B. Transformation of the socio-geographic space of Russia. *Challenges and Policy of Russia's Spatial Development in the 21st Century*. Moscow, 2020. Pp. 214–251.
9. Alekseev A. I., Safronov S. G. Changes in rural settlement patterns in Russia during the late 20th — early 21st centuries. *Moscow University Bulletin. Ser. 5. Geografiya*. 2015. No. 2. Pp. 66–76.
10. Egorov D. O. Spatial shrinking and polarization of rural space in the Republic of Tatarstan in the context of population depopulation. *Regional'nye issledovaniya*. 2020. No. 4 (70). Pp. 32–45. DOI: 10.5922/1994–5280–2020–4–3.
11. Uskova T. V., Patrakova S. S. Rural development in the context of spatial compression of a northern region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021, Vol. 14, No. 5. Pp. 34–52. DOI: 10.15838/esc. 2021.5.77.2.
12. Polese M., Shearmur R. Why some regions will decline: A Canadian case study with thoughts on local development strategies. *Papers in Regional Science*. 2006. Vol. 85, Pp. 23–46. DOI: 10.1111/j. 1435–5957.2006.00024.x.

Поступила в редакцию: 20.05.2024.

Принята к печати: 01.07.2024.

УДК 332.145:502.131.1
DOI 10.14258/epb202445

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

О. С. Тарасова

Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»
(Новосибирск, Россия)

В статье проведен анализ подходов к оценке устойчивости региональных экономических систем с учетом их экологической подсистемы. Даны определения региональной экономической системы, устойчивости, рассмотрены подходы к оценке устойчивости. Установлено отсутствие единой методики расчета, состава и структуры критериев оценки устойчивости, определено, что при оценке устойчивости региональных экономических систем наиболее часто используется подход разработки индексов и индикаторов устойчивости. Исследованы подходы к разработке индексов и индикаторов в рамках концепции устойчивого развития, ESG-показатели устойчивости, методика ESG-рэнкинга. Выявлен недоучет экологической подсистемы региональных экономических систем в оценке их устойчивости во всех рассмотренных подходах. Экологическая составляющая рассматривается или как ресурсный компонент, или как ассимиляционный потенциал, средообразующие функции окружающей среды, как правило, не учитываются. В то же время риски возникновения чрезвычайных ситуаций, реальный и потенциальный экономический и социальный ущерб от развития неблагоприятных природных процессов и явлений становятся в настоящее время лимитирующими факторами устойчивости регионов. Использование мультикритериального (интегрального) подхода в оценке устойчивости регионов позволит учесть указанные риски.

Ключевые слова: региональные экономические системы, устойчивость, устойчивое развитие, индексы и индикаторы устойчивого развития, ESG-показатели, рэнкинги, экологическая подсистема.

ON THE ISSUE OF ASSESSING THE SUSTAINABILITY OF REGIONAL ECONOMIC SYSTEMS

O. S. Tarasova

Novosibirsk State University of Economics and Management «NINH» (Novosibirsk, Russia)

The article analyzes approaches to assessing the sustainability of regional economic systems, taking into account their ecological subsystem. Definitions of the regional economic system and sustainability are given, approaches to assessing sustainability are considered. The absence of a unified methodology for calculating, composition and structure of criteria for assessing sustainability has been established, and it has been determined that the approach of developing indices and indicators of sustainability is most often used in assessing the sustainability of regional economic systems. The approaches to the development of indices and indicators within the framework of the concept of sustainable development, ESG indicators of sustainability, and the ESG ranking methodology are studied. The underestimation of the ecological subsystem of regional economic systems in assessing their sustainability in all the considered approaches has been revealed. The ecological component is considered either as a resource component or as an assimilation potential, the environment-forming functions of the environment, as a rule, are not taken into account. At the same time, the risks of emergency situations, real and potential economic and social damage from the development of adverse natural processes and phenomena are currently becoming limiting factors for the sustainability of regions. The use of a multicriteria (integral) approach in assessing the sustainability of regions will allow taking into account these risks.

Keywords: regional economic systems, sustainability, sustainable development, indices and indicators of sustainable development, ESG indicators, rankings, ecological subsystem.

Введение. Устойчивость региональных экономических систем является ключевым аспектом их развития и становится особенно актуальной в контексте глобальных вызовов, таких как экономические кризисы, изменение климата, торговые конфликты, санкционная политика и другие угрозы, оказывающие существенное воздействие на экономику регионов.

Цель исследования — определить факторы устойчивости региональных экономических систем, проанализировать наиболее часто используемые индексы и индикаторы оценки устойчивости, определить потребности в корректировке используемых индексов и индикаторов.

Методы и методики проводимого исследования. Исследование направлено на анализ подходов к оценке степени устойчивости региональных экономических систем. Основное внимание уделено индексному подходу и его составляющим, как наиболее часто используемому при оценке устойчивости региональных экономических систем. В работе применяются методы сравнительного анализа и сопоставления.

Результаты и обсуждение. Устойчивость региональных экономических систем прямо влияет на экономическую безопасность — состояние национальной экономики или региона, при котором обеспечивается ее стабильность и способность эффективно функционировать в различных условиях и ситуациях. Вопросы обеспечения экономической безопасности являются приоритетной стратегической целью развития Российской Федерации.

В настоящей работе под региональной экономической системой будем понимать саморазвивающуюся экономическую, территориально ограниченную систему (субъект РФ), включающую взаимодействующие экономические субъекты: предприятия, потребители, финансовые институты, органы власти и т. п. К основным характеристикам региональных экономических систем можно отнести:

- территориальную ограниченность (в пределах географических или административно-территориальных границ);
- наличие внутренних и внешних взаимосвязей и взаимозависимостей между структурными подсистемами, обуславливающих саморазвитие и саморегулирование региональных экономических систем;
- специфику региональных ресурсов и факторов производства: особые природные, трудовые, финансовые и иные ресурсы и их сочетания, уникальные для каждой региональной экономической системы;
- уровень развития производственной, транспортной, энергетической, социальной, информационной инфраструктуры;

— политические, институциональные, культурно-исторические особенности функционирования и развития региональных экономических систем.

Структура и развитие региональной экономической системы определяются ее экономической, социальной, экологической подсистемами.

Региональные экономические системы, как и все сложные системы, функционируют в условиях постоянно изменяющейся внешней среды и внутренних факторов, что приводит к качественным и количественным изменениям в подсистемах. Синергия и эмерджентность региональных экономических систем обеспечивают их функционирование в рамках стратегически заданных параметров, определяют их статическую и динамическую устойчивость. Статическая устойчивость характеризует состояние системы в каждом конкретно заданном моменте. Динамическая устойчивость определяется свойствами системы при переходе от одного устойчивого состояния к другому.

Таким образом, устойчивость региональной экономической системы — способность системы сохранять свою работоспособность, адаптироваться к изменяющимся условиям, минимизировать негативные последствия возможных угроз и рисков. Устойчивость определяется не только экономическими аспектами, но также в равной мере социальными, экологическими факторами и институциональной средой. Критическое изменение любого из перечисленных аспектов может стать причиной выхода системы за пределы толерантности, к ее функциональной перестройке или деградации. В целях обеспечения устойчивости региональной экономической системы необходимо поддерживать сбалансированность и устойчивость составляющих ее подсистем «как критерий устойчивого экономического развития» [1, с. 201].

Анализ работ, исследующих вопросы устойчивости региональных экономических систем [2–6], определил следующие факторы, влияющие на их устойчивость:

- степень диверсификации региональной экономики, регионы с разнообразной экономической базой и отраслевой структурой обычно более устойчивы к экономическим кризисам и критическим изменениям, разнообразие отраслей снижает риски и зависимость от отдельных секторов народного хозяйства;
- уровень развития инфраструктуры, эффективная транспортная, энергетическая, социальная инфраструктуры обеспечивают быструю адаптацию к изменяющимся условиям;
- степень инновационного развития, внедрение современных технологий, инвестиции

в научно-техническое развитие и инновации определяют адаптивность и гибкость региональной экономики;

- состояние трудовых ресурсов, уровень обеспечения квалифицированными кадрами и развитие человеческого капитала стимулируют развитие экономических процессов;
- эффективное управление, институциональная поддержка и прозрачные институты способствуют укреплению экономической стабильности.

В списке факторов, влияющих на устойчивость региональных экономических систем, в большинстве работ практически отсутствует экологическая составляющая. Экологическая подсистема представлена или ресурсным компонентом (обеспеченность природными ресурсами рассматривается как фактор диверсификации региональной экономики), или как ассимиляционный потенциал территории (возможность «поглощения и переработки» загрязнения природных сред за счет естественных процессов самоочищения и восстановления) [7, 8]. Так, Н. А. Кулагина и Т. П. Благодер в структуре элементов социально-экономического потенциала региона экологические аспекты включают в социальный потенциал, что свидетельствует о нивелировании роли экологической подсистемы в региональном потенциале [8, с. 78]. Существенно меньшее число работ указывает на обязательность включения экологической подсистемы в структуру региональных экономических систем как важного фактора, определяющего их состояние и развитие [1, 4].

Между тем устойчивое региональное развитие в контексте мировой концепции устойчивого развития и ЦУР ООН должно быть акцентировано на экологические возможности и ограничения. В последние 40–50 лет состояние окружающей среды, климатические изменения и связанные с ними

неблагоприятные погодные явления и процессы становятся причиной существенных негативных экономических и социальных эффектов и издержек [9, 10].

Анализ методов оценки устойчивости развития региональных экономических систем [11–13] показал следующее:

1. В настоящее время отсутствует общепризнанная методология оценки, что затрудняет сравнение результатов и усложняет разработку эффективных стратегий развития.

2. Неоднозначность понятия устойчивости приводит к разнообразию подходов к ее оценке и измерению.

3. Взаимосвязи между экономическими, экологическими и социальными аспектами устойчивости региональных экономических систем нелинейны и неоднозначны, что усложняет их исследование и оценку.

Чаще всего в анализе устойчивости региональных экономических систем используются системы индексов и индикаторов, моделирование и мультикритериальный анализ. Индексный подход среди перечисленных методов наиболее популярен у исследователей.

Индексы и индикаторы включают в себя экономические, социальные и экологические аспекты устойчивого регионального развития в виде простых или комплексных показателей [14, 15].

Вопросы разработки системы региональных показателей устойчивого развития актуальны, но дискуссионны. Разработанные региональные системы индексов и индикаторов устойчивого развития включают экономические, социальные и экологические составляющие. На примере случайно выбранных регионов проведен анализ экологических показателей устойчивого регионального развития (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ экологических показателей региональных систем индикаторов устойчивого развития

Регион	Экологические индексы и индикаторы
Индикаторы устойчивого развития Томской области	1. Общий объем загрязнений на единицу ВРП. 2. Количество непереработанных отходов производства и потребления. 3. Площадь особо охраняемых природных территорий. 4. Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов. 5. Природный капитал. 6. Выбросы в атмосферу. 7. Сброс загрязненных сточных вод. 8. Использование расчетной лесосеки. 9. Истощимость запасов нефти [16]
Индикаторы устойчивого развития г. Москвы	1. Выбросы загрязняющих атмосферу веществ. 2. Сбросы загрязненных сточных вод. 3. Шумовое загрязнение. 4. Количество (доля) дней (проб) с концентрациями вредных веществ, превышающими ПДК/ИЗА. 5. Число (доля) населения, проживающего в зонах повышенной опасности (на территориях с риском для здоровья от загрязнения воздуха больше 10–3). 6. Площадь (доля) земель, подлежащих реабилитации. 7. Биоиндикатор. 8. Доля (объем) переработанных и обезвреженных токсичных отходов. 9. Доля земель природного комплекса. 10. Энергоемкость ВРП. 11. Доля инвестиций, направленных на охрану окружающей среды, во всех инвестициях [17]

Окончание таблицы 1

Регион	Экологические индексы и индикаторы
Индексы и индикаторы устойчивого развития Псковской области	1. Доля инвестиций и затрат, направленных на охрану окружающей среды. 2. Выбросы вредных веществ в атмосферу на душу населения. 3. Сброс загрязняющих сточных вод. 7. Образование токсичных отходов на душу населения. 5. Образование токсичных отходов [18]
Индексы и индикаторы устойчивого развития Волгоградской агломерации	1. Площадь ООПТ. 2. Общий объем выбросов. 3. Образование отходов. 4. Вылов рыбы. 5. Вывозка древесины. 6. Изменение структуры землепользования. 7. Лесопокрытая площадь. 8. Величина лесовосстановления. 9. Инвестиции, направленные на охрану окружающей среды [19]
Индикаторы устойчивого развития Новосибирской области	1. Выброшено в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников. 2. Уловлено и обезврежено загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников. 3. Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты. 4. Использование свежей воды. 5. Образование отходов производства и потребления [20]

Приведенные показатели не создают универсальной системы, не сопоставимы по регионам. Отсутствие связи с экономической подсистемой приводит к сложности представления и расчета экономического эффекта влияния экологических факторов на устойчивость регионов.

Устойчивость регионального развития может рассматриваться в контексте ESG-показателей осуществляемой региональной политики.

ESG-показатели (Environmental, Social, Governance) представляют собой набор метрик, оценивающих влияние хозяйственной и иной дея-

тельности на окружающую среду, социальные аспекты и управленческую эффективность.

В 2000 г. Организацией объединенных наций был принят Глобальный договор (UN Global Compact¹) — инициатива, направленная на стимулирование бизнес-сообщества к принятию принципов устойчивого развития и социальной ответственности.

Стандарты нефинансовой отчетности до настоящего времени разрабатываются и дополняются различными организациями, лидеры в разработке методик представлены в таблице 2.

Таблица 2

Международные организации, разрабатывающие стандарты ESG

Название организации-разработчика	Виды разрабатываемых стандартов
Global Reporting Initiative (GRI) ²	Лидер в разработке методик ESG-отчетности, разработала и продолжает совершенствовать набор стандартов и показателей, которые охватывают широкий спектр аспектов устойчивости (управление окружающей средой, социальная ответственность, права человека, трудовые стандарты, борьба с коррупцией и другие), методики направлены на учет мнения всех сторон, прозрачность данных, возможность динамического сравнения с возможностью внедрения принципов устойчивого развития в систему управления
Sustainability Accounting Standards Board (SASB) ³	Разрабатывает набор стандартов для учета и отчетности о социальных и экологических аспектах деятельности компаний, учитывается связь между устойчивостью и финансовой производительностью компаний, что помогает инвесторам и другим заинтересованным сторонам оценивать риски и возможности
Climate Disclosure Standards Board (CDSB) ⁴	Специализируется на разработке стандартов и рекомендаций для отчетности о климатических аспектах деятельности компаний, помогает компаниям интегрировать климатические риски и возможности в свою стратегию и отчетность
Task Force on Climate-related Financial Disclosures (TCFD) ⁵	TCFD создана по инициативе Financial Stability Board (FSB) для разработки рекомендаций по раскрытию климатических рисков и возможностей для финансового сектора, основной акцент — интеграция климатических факторов в финансовую отчетность компаний
International Integrated Reporting Council (IIRC) ⁶	Разрабатывает международные стандарты интегрированной отчетности, учитывающей широкий спектр факторов, включая финансовые, социальные, окружающие и управленческие аспекты, подход способствует формированию более целостной картины деятельности компаний
Carbon Disclosure Project (CDP) ⁷	Собирает информацию о климатических и экологических показателях компаний, оценивает их действия по сокращению углеродных выбросов и улучшению управления ресурсами

¹ Официальный сайт ООН Глобальный договор. URL: <https://unglobalcompact.org/> (дата обращения: 25.04.2024)

² Global Reporting Initiative. URL: <https://www.globalreporting.org/> (дата обращения: 24.04.2024).

³ Sustainability Accounting Standards Board. URL: <https://sasb.ifrs.org/> (дата обращения: 24.04.2024).

⁴ Climate Disclosure Standards Board. URL: <https://www.cdsb.net/> (дата обращения: 24.04.2024).

⁵ Task Force on Climate-related Financial Disclosures. URL: <https://www.fsb-tcfd.org/> (дата обращения: 24.04.2024).

⁶ International Integrated Reporting Council (IIRC). URL: <https://integratedreporting.ifrs.org/> (дата обращения: 24.04.2024).

⁷ Carbon Disclosure Project. URL: <https://www.cdp.net/en/> (дата обращения: 25.04.2024).

В России базу данных по нефинансовой отчетности формирует Российский союз промышленников и предпринимателей в национальном Регистре корпоративных нефинансовых отчетов. Большая часть представленных в регистре отчетов основывается на методике GRI. Однако к разработке аналогичных методик подключаются и российские регуляторы. Так 12.07.2021 г. Центральный банк РФ выпустил Рекомендации по раскрытию ПАО нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ⁸.

Приказом Минэкономразвития России от 01.11.2023 № 764⁹ утверждены методические рекомендации по подготовке отчетности по устойчивому развитию.

Оба документа представляют рекомендации российским компаниям по составлению отчетности по устойчивому развитию (ESG-отчетности) и дают ориентиры в содержательном и информационном плане.

В отличие от методики GRI, которая агрегирует более 150 укрупненных показателей и существен-

ных тем по раскрытию деятельности¹⁰, в рекомендациях ЦБ предложено организациям раскрыть 59 существенных тем (в том числе 16 экологических, 23 социальных, 20 управленческих). Как и в методике GRI, рекомендации ЦБ акцентируют внимание не на количественные (конкретные) показатели, а на качественное описание существенных тем, что определяет трудоемкость составления отчетности, ее индивидуализацию и экспертный характер.

В число ключевых (базовых) показателей отчетности Минэкономразвития России входит 44 конкретных показателя (в том числе 12 экономических, 11 экологических, 11 социальных и 10 управленческих), учитываемых в единицах измерения. Одной из задач отчетности является не только повышение качества нефинансовой отчетности, но ее сопоставимость для разных организаций (регионов). Показатели методики отражают количественные характеристики, они сравнимы и универсальны.

Разницу в подходах можно показать на примере оценки загрязнения окружающей среды (табл. 3).

Таблица 3

Пример качественного и количественного подхода при составлении нефинансовой отчетности

Методика ЦБ РФ ¹¹	Методика Минэкономразвития России ¹²
<ul style="list-style-type: none"> — раскрытие существенных сведений о предотвращении загрязнения окружающей среды и (или) борьбе с ним, в том числе сведения о прямых и косвенных выбросах парниковых газов в атмосферу, включая прямые выбросы, связанные с деятельностью Общества, и косвенные — в цепочке создания стоимости; — описание воздействия на окружающую среду в связи с использованием электрической и тепловой энергии; — сведения об использовании и охране природных ресурсов (например, водных, земельных) и связанная с этим охрана биоразнообразия и т. п. 	<p>Масса выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников, тыс. тонн</p> <p>Выбросы парниковых газов, тыс. тонн (CO₂ эквивалент)</p>

Несмотря на то, что ESG-критерии первоначально разрабатывали для бизнеса, их использование в оценке устойчивости регионального развития весьма перспективно; более того, одно из ведущих рейтинговых агентств ESG-повестки Рейтинговая

группа RAEX уже с 2018 г. публикует ESG-рэнкинг субъектов РФ¹³.

Агентство при проведении ранжирования использует собственную методику¹⁴, оценивающую подверженность регионов экологическим, социаль-

⁸ ЦБ РФ: Информационное письмо о рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ от 12.07.2021 № ИН-06-28/49. URL: http://www.cbr.ru/StaticHtml/File/117620/20210712_in-06-28_49.pdf/ (дата обращения: 24.04.2024).

⁹ Приказ Минэкономразвития России от 01.11.2023 г. № 764 Об утверждении методических рекомендаций по подготовке отчетности об устойчивом развитии. URL: http://www.economy.gov.ru/material/file/70c9039795779d4b5b55c3fb8066afd3/764_2023-11-01.pdf/ (дата обращения: 25.04.2024).

¹⁰ Руководство по отчетности в области устойчивого развития G4. URL: <https://media.rspp.ru/document/1/e/6/e6aef2d23c03d8181b6230003f977361.pdf/>, (дата обращения: 15.04.2024).

¹¹ ЦБ РФ: Информационное письмо о рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ от 12.07.2021 № ИН-06-28/49. URL: http://www.cbr.ru/StaticHtml/File/117620/20210712_in-06-28_49.pdf/ (дата обращения: 24.04.2024).

¹² Приказ Минэкономразвития России от 01.11.2023 г. № 764 Об утверждении методических рекомендаций по подготовке отчетности об устойчивом развитии. URL: http://www.economy.gov.ru/material/file/70c9039795779d4b5b55c3fb8066afd3/764_2023-11-01.pdf/ (дата обращения: 25.04.2024).

¹³ Рейтинговая группа RAEX. URL: http://raex-rr.com/ESG/ESG_regions/ESG_rating_regions/2021/ (дата обращения: 25.04.2024).

¹⁴ Рейтинговая группа RAEX. URL: http://raex-rr.com/ESG/ESG_regions/ESG_rating_regions/2021/methods/ (дата обращения: 25.04.2024).

ным и управленческим рискам (5 экологических показателей, 5 — социальных, 4 — управленческих). В методике используется принцип «совмещения уровня подверженности риску и оценки эффективности его нивелирования»¹⁵. Методика исходит из предположения, что чем выше значение негативного фактора, тем существеннее он должен нивелироваться. Если в соотношении «риск — нивелирующие действия» возникает дисбаланс, то по этому факту можно судить о недостаточном внимании в регионе к данному риску и потенциальной угрозе региональной экономической устойчивости. В разделе управленческих показателей анализируется наличие в регионе инструментов, повышающих качество государственного управления.

Методика RAEX в большей степени соответствует комплексному анализу устойчивости региональных экономических систем, содержит анализ факторов «действие-противодействие» и может быть предложена регионам для первичного анализа устойчивости.

Общим недостатком рассмотренных подходов в анализе экологической составляющей в устойчивости является их ресурсный и ассимиляционный аспект. Сами по себе показатели загрязнения окружающей среды в прогнозе их влияния на устойчивость экологической подсистемы мало информативны. Экспертно можно утверждать: незначительные выбросы — хороший показатель, значительные — плохой. Для принятия управленческих решений необходимо использовать мониторинговые исследования, характеризующие не только динамику объемов выбросов и сбросов, но и их токсичность, совокупное влияние, общее состояние природных систем, возможность окружающей среды в целом ассимилировать загрязняющие вещества и т. п.

В рамках методик анализируется уровень загрязнения природной среды, без привязки его влияния на природные, социальные и экономические подсистемы, без учета окружающей среды как «фактора жизни». Требуется продолжение исследований и поисках таких методик расчета экологических показателей, которые бы учитывали «жизнеобеспечивающие/ограничивающие» аспекты экологической подсистемы. Между тем роль экологического фактора в обеспечении устойчивости регионов может стать в ближайшие десятилетия определяющими и для России, и для мира.

В настоящее время на большей части северных территорий РФ возникают проблемы протаивания многолетней мерзлоты, вызывающие деформации и разрушения инженерных конструкций [21], юж-

ные территории (Краснодарский край, Крымский полуостров) подвержены засухам, приводящим к потере урожайности [22], на юге и в средней полосе России участились явления «волн тепла» — резкие потепления, связанные с горизонтальными перемещениями сухих и жарких воздушных масс, приводящие к повышению смертности в группах риска (пожилые люди, люди с хроническими заболеваниями, дети) [23]. В отдельных регионах повышается среднегодовое количество осадков, увеличивается число дней с экстремальным суточным их выпадением, что приводит к подтоплениям, нарушению электроснабжения, сходу селевых потоков и т. п. Перечисленные явления становятся причиной негативных экстерналий, снижающих общий экономический эффект функционирования региональных экономических систем, а в пределе угрожают их устойчивости.

Сложность и короткие сроки предсказания негативных природных и погодных явлений требуют разработки дополнительных показателей устойчивости. Акцент в этом вопросе просто необходимо перенести с «борьбы» с климатическими изменениями на адаптацию к ним [24].

Резюмируя, можно выделить следующие аспекты влияния экологической подсистемы на развитие и устойчивость региональных экономических систем.

1. Позитивное влияние:

- рациональное и эффективное использование ресурсов способствует стабильной добыче, переработке и производству, поддерживает устойчивость экономической деятельности;
- внедрение инноваций способствует расширению экономического потенциала, например, в сфере возобновляемой энергетики или экономики замкнутого цикла.

2. Негативное влияние и риски:

- негативные природные явления, такие как наводнения, засухи, лесные пожары наносят серьезный ущерб экономике, что может стать причиной потери жизней, разрушению инфраструктуры, снижению уровня производства и росту расходов на восстановление;
- загрязнение окружающей среды негативно сказывается на здоровье населения, влияет на производственные процессы, ускоряет износ оборудования, ведет к дополнительным материальным издержкам;
- снижение уровня биоразнообразия в связи с разрушением экосистем может стать причиной снижения туристического потенциа-

¹⁵ Рейтинговая группа RAEX. URL: http://raex-rr.com/ESG/ESG_regions/ESG_rating_regions/2021/methods/ (дата обращения: 25.04.2024).

ла территории, ухудшения условий развития климатозависимых отраслей;

- жесткие экологические нормы и ограничения могут создавать дополнительные издержки для бизнеса и инвесторов.

Многоаспектность составляющих экологической подсистемы не дает возможности в полной мере оценить ее устойчивость с использованием индексного подхода. Это утверждение справедливо и для социальной подсистемы. Перспективно исследовать оценку региональной устойчивости с использованием многокритериального анализа в интеграции с методом оценки потенциала региональных подсистем. Метод потенциалов позволит не только оценить возможности использования составляющих подсистем, но и выявить многоаспектные риски регионального развития, с учетом изменений внешних и внутренних факторов.

Заключение. Оценка устойчивости региональных экономических систем требует комплекс-

ного анализа устойчивости экономической, социальной, экологической подсистем. Большая часть исследований направлена на анализ устойчивости экономической и социальной подсистем, экологической подсистеме уделяется недостаточное внимание, что приводит к недоучету экологических рисков. В оценке устойчивости преобладает использование индексного подхода. Расчет индексов и индикаторов устойчивого развития, ESG-показателей и рейтингов учитывает преимущественно ресурсную и ассимиляционную составляющую экологической подсистемы. В расчетах практически не учитывается средообразующая составляющая и влияние погодных процессов и явлений на условия и возможности ведения хозяйственной деятельности. Использование многокритериального анализа в интеграции с методом потенциалов позволит минимизировать указанные пробелы в оценке устойчивости региональных экономических систем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рыжкова Ю. А., Михнева С. Г. Социальные условия формирования потенциала устойчивости региональных социумов (на примере Приволжского федерального округа) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. № 4. С. 200–209.
2. Ускова Т. В. Управление устойчивым развитием региона: монография. Вологда, 2009. 355 с.
3. Кормановская И. Р. Устойчивость развития региональных социально-экономических систем в условиях турбулентности // Проблемы современной экономики. 2015. № 4 (56). С. 189–192.
4. Даванков А. Ю., Двинин Д. Ю. Системная самоорганизация сбалансированного развития региональной социо-эколого-экономической системы // Инновационное развитие экономики. 2020. № 2. С. 108–116.
5. Тимофеев Р. А., Ячменев Е. Ф., Тимаев Р. А. Составляющие устойчивого развития региональной социально-экономической системы // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2020. № 2 (51). С. 232–237.
6. Гутман Г. В., Мироедов А. А., Федин С. В. Управление региональной экономикой. М., 2001. С. 25.
7. Любимова М. В., Нестеров В. П., Дмитриева В. С. Проблемы оценки социально-экономического потенциала региона // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 4. С. 13–24.
8. Кулагина Н. А., Благодер Т. П. Перспективы развития социально-экономического потенциала региона как основа обеспечения его экономической безопасности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2018. № 1. С. 77–84.
9. 9Dioxin: Seveso disaster testament to effects of dioxin. URL: <http://www.getipm.com/articles/seveso-italy.htm/> (дата обращения: 02.04.2024).
10. Michelle L. Bell, Devra L. Davis, Tony Fletcher. A Retrospective Assessment of Mortality from the London Smog Episode of 1952: The Role of Influenza and Pollution // Environmental Health Perspective. 2004. Т. 112, вып. 1. С. 6–8. DOI: 10.1289/ehp. 6539.
11. Захарова Е. Н. О когнитивном моделировании устойчивого развития социально-экономических систем // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. № 1. С. 184–190.
12. Глинский В. В., Серга Л. К., Хван М. С., Филатов С. А. Разработка методики статистической оценки уровня устойчивого развития социально-экономических систем // Идеи и идеалы. 2013. Т. 1. № 3 (17). С. 48–56.
13. Шаталова О. И., Лебедева Л. П., Шмыгалева П. В. Обоснование методики комплексной оценки устойчивого развития региональных социально-экономических систем // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 1. С. 96–100.

14. Тарасова Н. П., Кручина Е. Б. Индексы и индикаторы устойчивого развития // Устойчивое развитие: ресурсы России. М., 2004. С. 127–144.
15. Бобылев С. Н. Индикаторы устойчивого развития для России // Экологическая культура в контексте устойчивого развития. 2011. № 1. С. 8–18.
16. Индикаторы устойчивого развития Томской области. Вып. 3 / под ред. В. М. Кресса. Томск, 2007. 46 с.
17. Холодков В. В., Бобылев С. Н. Формирование современных показателей экономического развития города Москвы с учетом экологических факторов // На пути к устойчивому развитию России. 2004. № 26. С. 28.
18. Марденская Е. О. Показатели устойчивого развития Псковской области // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15. № 8. С. 1488–1500. DOI: 10/24891/re/15.8.1488.
19. Иванцова Е. А., Постнова М. В., Сагалаев В. А., Матвеева А. А., Холоденко А. В. Экологическая оценка городских агломераций на основе индикаторов устойчивого развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. Экология. 2019. Т. 21. № 2. С. 143–156. DOI: 10.15688/j3.92019.2.3.
20. Дудина Т. Н., Тарасова О. С. О подходах к разработке региональных систем индексов и индикаторов устойчивого развития // Успехи современного естествознания. 2022. № 1. С. 23–29.
21. Копылов В. Н., Шерстюков А. Б. Информационное обеспечение мониторинга устойчивости зданий и сооружений в зоне многолетней мерзлоты России // Вестник кибернетики. 2013. № 12. С. 94–105.
22. Краснощеков В. Н., Ольгаренко Д. Г., Рожкова О. Н. Изменение климата и сельское хозяйство России: проблемы и решения // 06.01.00 Агрономия: Природообустройство. 2017. № 2. С. 80–87.
23. Smith K. et al. Human health: Impacts, adaptation, and co-benefits. Climate Change 2014: Impacts, adaptation, and vulnerability. Part A: Global and sectoral aspects. Contribution of Working Group II to the fifth assessment report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Cambridge, 2014. Pp. 709–754.
24. Тарасова О. С. К вопросу об адаптации отраслей народного хозяйства к климатическим изменениям // Успехи современного естествознания. 2023. № 10. С. 64–70.

REFERENCES

1. Ryzhkova Yu. A., Mikhneva S. G. Social conditions for the formation of the sustainability potential of regional societies (on the example of the Volga Federal District). Izvestia of Higher educational institutions. The Volga region. Social sciences. 2011. No. 4. Pp. 200–209.
2. Uskova T. V. Management of sustainable development of the region: monograph. Vologda, 2009. 355 p.
3. Kormanovskaya I. R. Sustainability of the development of regional socio-economic systems in conditions of turbulence. Problems of the modern economy. 2015. No. 4 (56). Pp. 189–192.
4. Davankov A. Yu., Dvinin D. Yu. Systemic self-organization of balanced development of the regional socio-ecological and economic system. Innovative development of the economy. 2020. No. 2. Pp. 108–116.
5. Timofeev R. A., Yachmenev E. F., Timaev R. A. Components of sustainable development of the regional socio-economic system. Scientific bulletin: finance, banks, investments. 2020. No. 2 (51). Pp. 232–237.
6. Gutman G. V., Miroedov A. A., Fedin S. V. Management of the regional economy. Moscow, 2001. P. 25.
7. Lyubimova M. V., Nesterov V. P., Dmitrieva V. S. Problems of assessing the socio-economic potential of the region. Regional economics: theory and practice. 2007. No. 4. Pp. 13–24.
8. Kulagina N. A., Blagoder T. P. Prospects for the development of the socio-economic potential of the region as a basis for ensuring its economic security. Bulletin of the Voronezh State University. Series: Economics and Management. 2018. No. 1. Pp. 77–84.
9. Dioxin: Seveso disaster testament to the effects of dioxin. URL: <http://www.getipm.com/articles/seveso-italy.htm/> (date of access: 02.04.2024).
10. Michelle L. Bell, Devra L. Davis, Tony Fletcher. A Retrospective Assessment of Mortality from the London Smog Episode of 1952: The Role of Influenza and Pollution. Environmental Health Perspective. 2004. T. 112. Vol. 1. Pp. 6–8. DOI: 10.1289/ehp.6539.
11. Zakharova E. N. On cognitive modeling of sustainable development of socio-economic systems. Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies. 2007. No. 1. Pp. 184–190.

12. Glinsky V. V., Serga L. K., Khvan M. S., Filatov S. A. Development of a methodology for statistical assessment of the level of sustainable development of socio-economic systems. *Ideas and ideals*. 2013. Vol. 1. No. 3 (17). Pp. 48–56.
13. Shatalova O. I., Lebedeva L. P., Shmygaleva P. V. Substantiation of the methodology for a comprehensive assessment of the sustainable development of regional socio-economic systems. *Bulletin of the North Caucasian Institute of Humanities*. 2017. No. 1. Pp. 96–100.
14. Tarasova N. P., Kruchina E. B. Indices and indicators of sustainable development. *Sustainable development: resources of Russia*. Moscow, 2004. Pp. 127–144.
15. Bobylev S. N. Indicators of sustainable development for Russia. *Ecological culture in the context of sustainable development*. 2011. No. 1. Pp. 8–18.
16. Indicators of sustainable development of the Tomsk region. Issue 3 / edited by V. M. Kress. Tomsk, 2007. 46 p.
17. Kholodkov V. V., Bobylev S. N. Formation of modern indicators of economic development of the city of Moscow taking into account environmental factors. *On the way to sustainable development of Russia*. 2004. No. 26. Pp. 28–28.
18. Mardenskaya E. O. Indicators of sustainable development of the Pskov region. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2017. Vol. 15. No. 8. Pp. 1488–1500. DOI: 10/24891/re/15.8.1488.
19. Ivantsova E. A., Postnova M. V., Sagalaev V. A., Matveeva A. A., Kholodenko A. V. Environmental assessment of urban agglomerations based on indicators of sustainable development. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 3 Economics. Ecology*. 2019. Vol. 21. No. 2. Pp. 143–156. DOI: 10.15688/j3.92019.2.3.
20. Dudina T. N., Tarasova O. S. On approaches to the development of regional systems of indices and indicators of sustainable development. *Successes of modern natural science*. 2022. No. 1. Pp. 23–29.
21. Kopylov V. N., Sherstyukov A. B. Information support for monitoring the stability of buildings and structures in the permafrost zone of Russia. *Bulletin of Cybernetics*. 2013. No. 12. Pp. 94–105.
22. Krasnoshchekov V. N., Olgarenko D. G., Rozhkova O. N. Climate change and agriculture in Russia: problems and solutions. *06.01.00 Agronomy: Environmental Management*. 2017. No. 2. Pp. 80–87.
23. Smith K. et al. Human health: Impacts, adaptation, and co-benefits. *Climate Change 2014: Impacts, adaptation, and vulnerability. Part A: Global and sectoral aspects. Contribution of Working Group II to the fifth assessment report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Cambridge, 2014. Pp. 709–754.
24. Tarasova O. S. On the issue of adaptation of branches of the national economy to climate change. *Successes of modern natural science*. 2023. No. 10. Pp. 64–70.

Поступила в редакцию: 06.06.2024.

Принята к печати: 08.07.2024.

УДК 502.131.1:303.4
DOI 10.14258/epb202446

НАУЧНЫЙ ОБЗОР МЕТОДОВ И ИНСТРУМЕНТАРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОЦЕНИВАНИЯ ESG-ТРАНСФОРМАЦИИ В БИЗНЕСЕ

И. Н. Ткаченко, Я. В. Савченко

Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

Для России обеспечение устойчивого развития носит приоритетный характер. Компании, имеющие стратегию устойчивого развития, запускают механизм своей позитивной трансформации согласно современным требованиям, устанавливают долгосрочные цели в контексте экологических, социальных и экономических тенденций, понимая, что ее конкурентные позиции на рынке, ее инвестиционная привлекательность зависят, в том числе, и от этих составляющих. Устойчивое развитие принято оценивать в трех отдельных критериях ESG — Environmental, Social, Governance, при этом сфера применения концепции устойчивого развития постоянно расширяется, добавляются новые характерные аспекты современного развития, требующие уточнения. В этой связи на повестку дня для исследователей процессов ESG-трансформации и их результативности встает вопрос досконального изучения и рационального применения разнообразных методов исследования и того инструментария, который они включают.

В данной статье авторами делается попытка дать научный обзор современных методов исследования ESG-трансформации, критически проанализировать опыт апробирования исследовательского инструментария изучения современных трендов реализации ESG-практик и их результативности в российских и зарубежных компаниях, опираясь в том числе на опыт предыдущих авторских исследований и публикаций.

Ключевые слова: устойчивое развитие, ESG-трансформация, методы исследования ESG, оценочный инструментарий.

SCIENTIFIC REVIEW OF RESEARCH METHODS AND TOOLS FOR ASSESSING ESG TRANSFORMATION IN BUSINESS

I. N. Tkachenko, Ya. V. Savchenko

Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

For Russia, ensuring sustainable development is a priority. Companies with a sustainable development strategy launch the mechanism of their positive transformation in accordance with modern requirements, set long-term goals in the context of environmental, social and economic trends, understanding that its competitive position in the market and its investment attractiveness depend, among other things, on these components. Sustainable development is usually assessed in three separate ESG criteria — Environmental, Social, Governance, while the scope of application of the concept of sustainable development is constantly expanding, new characteristic aspects of modern development are being added that require clarification. In this regard, the agenda for researchers of ESG transformation processes and their effectiveness is the issue of a thorough study and rational application of various research methods and the tools that they include.

In this article, the authors attempt to provide a scientific overview of modern methods for studying ESG transformation, critically analyze the experience of testing research tools for studying modern trends in the implementation of ESG practices and their effectiveness in Russian and foreign companies, relying, among other things, on the experience of previous author's research and publications.

Keywords: sustainable development, ESG transformation, ESG research methods, assessment tools.

Введение. Эволюция взглядов на обеспечение устойчивого развития охватывает концепцию корпоративной социальной ответственности (КСО), корпоративное гражданство, корпоративную устойчивость, стейкхолдерский подход и его развитие, концепцию общих ценностей. Нам приходилось уже делать научный обзор взглядов [1], проясняющих взаимосвязь проблематики КСО, стейкхолдерского подхода и концепции создания общих ценностей, однако за последние два года мир кардинально поменялся, особенно учитывая геополитические и глобальные изменения по отношению к России после февраля 2022 г., что сейчас уже не столько теоретические воззрения, сколько прикладное их воплощение становится все более значимым для нашей страны. Актуальность проблематики научной обзорной статьи связана с дальнейшим развитием ESG-повестки в российском бизнес-сообществе и в российском исследовательском поле. Основную роль в развитии ESG-повестки играет крупный бизнес, тесно взаимодействующий с государством в сфере экологической и социальной ответственности и традиционно соблюдающий принципы надлежащего корпоративного поведения. Про малые и средние предприятия можно сказать, что они только начинают присматриваться к повестке ESG, внося свой вклад в поддержание устойчивости на местном уровне.

В данной статье нас интересует не просто сам феномен, сущность, принципы, факторы ESG (про это написано достаточно много), сколько методы исследования и исследовательский инструментарий, который можно применить при оценивании ESG-трансформации в бизнесе. Ведь ESG можно измерить, хотя до сих пор единая методика для этого не разработана. Мы также не ставим в данной статье целью разработать какой-либо универсальный подход к выбору исследовательского инструментария, как можно проанализировать и оценить процессы, характерные для происходящей в бизнесе ESG-трансформации. Нашей целью является научный обзор (возможно, неполный) современных методов исследования ESG. Интерес многих авторов к тематике ESG может быть подкреплен тем огромным количеством публикаций, который мы видим за последние годы. Для характеристики объема публикаций по заданной тематике нами был использован контент-анализ. Только по русскоязычным публикациям за период с 2015 г. (с принятия принципов устойчивого развития ООН) по 2024 г., то есть за 10 лет в базе Google Scholar с запросами на русском языке по ключевым словам «методы и инструментарий исследования ESG в бизнесе» платформа выдала 3530 публикаций; большая часть из них была опубликована

в последние 5 лет (с 2020 по 2024 г.) — 3230 публикаций; и менее чем за полгода 2024 г. уже издано в русскоязычном исследовательском поле 207 публикаций. Мы намеренно не даем здесь характеристику более обширного по данной тематике англоязычного исследовательского поля по количеству публикаций. Для целей научного обзора нами выбраны те публикации различных отечественных и зарубежных авторов, где есть апробация подобного исследовательского инструментария изучения, оценивания, воздействия ESG-трансформации на результативность деятельности компании (компаний) любой сферы деятельности.

Обзор методов и инструментария исследований. Для оценивания воздействия факторов и показателей ESG на результативность деятельности компаний исследователями достаточно часто применяются *экономико-математические методы и модели*. В качестве примера использования такого рода инструментария можно привести исследование Б. С. Батаевой, А. Д. Кокуриной, Н. А. Карпова [2], в котором авторы, основываясь на выборке 50 российских публичных компаний за 10-летний период, используя регрессионный анализ, устанавливают воздействие ESG-факторов на финансовые показатели компаний (коэффициент рентабельности активов, коэффициент рентабельности капитала, коэффициент рентабельности собственного капитала и другие финансовые показатели). Модели регрессии с применением метода наименьших квадратов использованы в исследовании И. С. Белик с соавторами [3] для определения влияния ESG-факторов на финансовое состояние и инвестиционную оценку публичных компаний. Модель панельной регрессии используется исследователями Д. Ю. Захматовым и Г. Ш. Валитовым [4] для обоснования влияния эффективности проводимой компанией ESG политики на ее рыночную капитализацию. Эконометрические модели, регрессионный анализ используют в своем исследовании и Н. Н. Шаш с соавтором [5] для пояснения выдвинутых авторами гипотез о наличии положительной взаимосвязи между уровнем социальной ответственности бизнеса, измеряемого присвоенным компанией рейтингом ESG, с ее рыночной стоимостью, рыночной капитализацией, и о положительной взаимосвязи между ESG рейтингом компании и показателем EBITDA. Можно привести и другие примеры использования экономико-математических моделей и инструментария для исследования ESG-факторов как российскими (О. В. Ефимова с соавторами [6]; И. Н. Ткаченко, Л. А. Раменская [7]), так и зарубежными исследователями (например, авторами [8], которые анализируют с помощью модели линейной регрессии и модели опосредующего эффекта, как показате-

ли ESG листинговых компаний влияют на их рыночную стоимость; исследователями из Африки, которые используют множественную регрессию для анализа качества ESG-отчетности под влиянием ряд индикаторов ESG на примере африканских банков [9]). Использование экономико-математических методов и моделей исследователи применяют как для оценки воздействия комплекса показателей ESG в целом на финансовые показатели и результативность деятельности организации, так и вычленяют воздействие каждой составляющей ESG: по E-составляющей, по S-составляющей и по G-составляющей. Следует отметить, что далеко не всегда выявляется положительная связь между факторами ESG и финансовыми результатами деятельности компаний.

Другой инструментарий оценивания воздействия ESG на результативность деятельности организаций, который также достаточно активно применяют ряд исследователей, — это **метод событийного или event-анализа**. Многие компании умело позиционируют себя на поле публичного продвижения в СМИ, электронных средствах информации, социальных сетях, выстраивают новостной контент таким образом, чтобы было позитивное приращение в репутационный капитал. Событийный анализ используется для выявления реакции фондового рынка на те или иные новостные поводы. Опыт проведения анализа новостных сообщений одной из крупнейших нефтегазовых компаний о направлениях социальных инвестиций привел нас к выводу, что наибольший вклад вносят такие направления, как окружающая среда, добросовестные деловые практики, проблемы, связанные с потребителями, участие в жизни сообществ и их развитие. Нами было проведено исследование, в рамках которого оценено влияние деловой репутации на стоимость компании, а также вклад различных направлений социального инвестирования компании в стоимость ее деловой репутации [10]. На основании проведенного исследования сделаны выводы о правильной реакции участников рынка на определенный тип сообщений экологической и социальной направленности; о том, что различные направления ESG вносят большой вклад в деловую репутацию компании практически в равной степени, поэтому всем этим направлениям необходимо уделять достаточное внимание для продвижения образа таких компаний как социально ориентированных, ответственных, лояльных к интересам заинтересованных сторон, что может служить основой для устойчивого развития. Метод событийного анализа положен и в основу исследования взаимосвязи информации о ESG-инвестициях и доходности акций, представленного в публикации А. И. Изгаровой, Е. М. Роговой, О. В. Бахаревой

[11]. Авторы публикации при анализе новостного контента и реакции инвесторов на раскрытие компаниями ESG-информации выясняли, существует ли положительная связь между информацией об инвестициях компаний в проекты, связанные с социальной ответственностью, и ценами на их акции. За трехлетний период по компаниям, находящимся в топе российского ESG-рейтинга, анализировались новости об инвестициях в экологические проекты (E-составляющая), социальные проекты и программы (S-составляющая) и новости о G-управленческой составляющей ESG. И хотя авторы исследования делают вывод о том, что отсутствует значимая положительная реакция инвесторов на российском рынке на информацию о внедренных ESG-практиках и инвестициях в социально значимые проекты, тем не менее применение данного инструментария представляется ценным исследовательским опытом. Среди зарубежных авторов, делающих ставку в своих исследованиях на раскрытие информации о ESG-событиях и event-анализ, обращают на себя внимание публикация S. Aureli, S. Gigli, R. Medei, E. Supino [12], в которой авторы, анализируя 33 различных окна событий на основе 170 раскрытий отчетов от 55 листинговых компаний со всего мира в период с 2009 по 2016 г., рассматривают значимость раскрытия информации о факторах ESG, выясняют, реагируют ли инвесторы на публикацию отчетов об устойчивом развитии на веб-сайтах компаний, повысилась ли за последние несколько лет реакция рынка на публикацию отчета об устойчивом развитии. Другая зарубежная публикация J. V. Wong, Q. Zhang [13] посвящена анализу раскрытия негативной информации о ESG через каналы СМИ и воздействию этих факторов на негативную оценку компаний. В исследовании рассматривается значимость рисков корпоративной репутации из-за негативного освещения в СМИ экологических, социальных и управленческих проблем (ESG) для показателей акций компании.

Другой метод оценивания воздействия ESG на показатели деятельности компаний — **индикативный**. Так, в статье О. В. Ефимовой [14] представлен подход для отражения связи отдельных ESG-факторов, ESG-индикаторов и параметров финансовой модели, даны рекомендации инвесторам интегрировать ESG-анализ в стандартную инвестиционную оценку. Значимость индикативного метода отмечают в своей публикации А. М. Марголин и И. В. Вякина [15], называя этот метод одним из наиболее распространенных методов оценки эффективности ESG-трансформации систем управления. Авторы отмечают, что наиболее распространенным методом выбора целевых индикаторов ESG-трансформации является использова-

ние технологии SMART (Specific — конкретный; Measurable — измеримый; Achievable — достижимый; Realistic — реалистичный; Timed — определенный по времени). Среди зарубежных авторов можно назвать публикацию А. Н. Rahdari, А. А. А. Rostamy об индикаторах устойчивости корпораций [16]. Авторы исследования задались целью разработать общий набор показателей ESG, представить наиболее распространенные индикаторы устойчивого развития, сгруппированных в иерархическую нормативную структуру, при этом экологические показатели составили в этом исследовании почти половину представленных показателей.

Балльные методы, методы шкалирования относятся к качественным методам оценивания. Так, в публикации И. Н. Санниковой [17] представлен содержательный анализ статей нефинансовой отчетности с использованием балльной оценки в разрезе ESG-составляющих по 4-балльной шкале оценивания: от 0 баллов, если показатель не отражен в отчетности компании; до 4 баллов, если показатель не только отражен в соответствии со стандартами GRI, SASB, но и по данному показателю сформированы его прогнозные данные на перспективу. Методы шкалирования используются российским аналитическим кредитным рейтинговым агентством АКРА (методология ACRA) [18]: по результатам анализа блоков «Экология» (E), «Социальная ответственность» (S) и «Управление» (G) АКРА присваивает оценку в диапазоне от 1 до 5. Веса всех трех блоков одинаковы и составляют треть оценки. Итоговый ESG-рейтинг определяется на основе шкалы, имеющей семь категорий и 17 уровней. Методы балльной оценки воздействия факторов ESG, система шкалирования применены и в исследовании Л. И. Хоружего с соавторами при определении инвестиционной привлекательности агрокомпаний [19]. В качестве частного случая можно привести **бинарный метод оценки двоичной системы кодирования**. Такой инструмент использовал Д. В. Буглак в своем исследовании при составлении ESG-рейтинга для социальной (S-составляющей) для системообразующих банков Российской Федерации. Автор предлагает для составления ESG-рейтинга использовать балльную оценку при анализе показателей ESG, в частности, по Методологии ЦБ РФ [20]: если в ESG-отчетности банка информация отражается, то такому показателю присваивается 1 балл, если данный показатель отсутствует в отчетности банка, то получает 0 баллов. Для показателей, имеющих измеримые значения, методика выставления баллов для составления ESG-рейтинга несколько усложняется: если показатель отсутствует в ESG-отчетности банка, показатель получает 0 баллов, если показатель отражен в ESG-отчетности

банка в неверном формате, то он получает 1 балл; если показатель отражен в отчетности в требуемом формате, то дополнительно учитывается значение весов исходя из специфики измеряемых показателей [21].

Другая группа методов — **контент-анализ**. Применяя контент-анализ открытых источников информации, исследователи используют шкалу Харрингтона для лингвистической интерпретации уровня ESG-трансформации компании, например, при оценивании ESG-трансформации российских нефтегазовых компаний [22]. Анализируя инструментарий изучения современных трендов реализации ESG-практик и их результативности, И. Н. Ткаченко и Л. А. Раменская в своей публикации [7] уделили значительное внимание методологии и практической имплементации использования инструментария контент-анализа и пришли к выводу о том, что он позволяет обрабатывать слабо структурированную и неструктурированную информацию, представленную в отчетности компаний, что делает данный метод одним из наиболее универсальных. Сопоставляя различные методы и инструментарий исследования ESG, малайзийские авторы в своей публикации [23] пишут о значимости в оценивании ESG-информации метода контент-анализа ежегодных финансовых отчетов о состоянии бизнеса или о достижении целей устойчивого развития, и, как пишут эти авторы, данный метод не лишен опоры на исследовательское восприятие и интерпретацию. Следует отметить, что многие авторы, анализируя воздействие ESG-факторов, применяют контент-анализ в качестве вспомогательного к выбранным ими методам, не рассматривая его в качестве основного исследовательского инструмента (в качестве примера такого использования метода контент-анализа можно привести исследование, выполненное Л. М. Никитиной с соавторами [24], где «доминирующим» методом исследования был взят метод экспертных оценок ESG-факторов группами экспертов на основе «самозаполняемой» анкеты). Авторы исследований контент-анализ информационного поля данных по ESG используют не просто на основе высоких требований к методологическому обеспечению компьютерного контент-анализа, часто используют библиотеку NLTK (пакет, содержащий библиотеки и программы для статистической обработки языков) [25], но и применяют искусственный интеллект к проведению исследований, как это делают специалисты из НИУ ВШЭ [26].

Экспертный метод применяют многие исследователи. Его чаще всего используют в сочетании с другими методами и инструментами исследования. Оригинальный взгляд на использование экспертного подхода к исследованию ESG-факто-

ров представлен в публикации Ю. С. Евлаховой, где автор предлагает не только сочетать экспертный и балльно-весовой метод оценивания, не опрашивать отдельных экспертов, а рассматривать рэнкинги и рейтинги как агрегированное мнение профессионального сообщества или потребителей в той или иной области, то есть некое общее мнение экспертного сообщества [27].

Проектный метод. Использование инструментария метода проектного управления гораздо реже встречается в исследованиях, посвященных изучению воздействия ESG-факторов на повышение устойчивости и результативности деятельности организаций. Однако такие работы стали появляться в исследовательском поле. В этой связи можно привести публикацию О. Н. Поваляевой [28], в которой автор обосновывает необходимость использования механизмов проектного менеджмента в качестве ключевого инструмента для повышения устойчивости предприятий, адаптации целей устойчивого развития к методологии управления проектами. В результате анализа автор публикации делает вывод о том, что комплексное внедрение принципов устойчивого развития в практику проектного управления компании необходимо осуществлять с помощью стандартов устойчивого управления проектами (автор рассматривает международные и российские стандарты управления проектами, но особо выделяет для достижения ЦУР (целей устойчивого развития) стандарт GPM P5 [29], а также обращает внимание на стратегические программы перехода компаний к работе на основе принципов устойчивого развития. Примечательно, что и молодые авторы [30] видят в применении проектного подхода к достижению целей устойчивого развития привлекательную исследовательскую нишу, имеющую, с их точки зрения, позитивные перспективы практического применения. Кроме того, сами проекты ряд авторов [31] предлагают рассматривать не только в рамках традиционного подхода, оценивающего эффективность проектов с позиции финансово-экономических показателей, достижения финансовой стабильности, а с позиции стратегической устойчивости проекта, подразумевающей обеспечение реализации проекта в соответствии с ключевыми принципами концепции устойчивого развития.

Использование **методов графической визуализации** (дэшборд, программного инструмента Gephi 10.1 и других) для наглядного представления взаимосвязи ESG-факторов и финансовых результатов деятельности компании применяется в анализе ESG-трансформации нечасто. В качестве примеров можно привести исследования, выполненные И. Н. Ткаченко совместно со А. А. Злыго-

стевым (визуализация в виде графа для построения управленческого контура по учету интересов стейкхолдеров и созданию стоимости для стейкхолдеров как G-составляющая ESG и один из шагов перехода компании к устойчивому развитию [32] и дэшборд как отчет об отношениях со стейкхолдерами [33]. Другой пример использования визуализации представлен в статье [34] — это дэшборд, выполненный с помощью программного инструмента Gephi 10.1, который показывает изменение вклада корпорации в формирование стейкхолдерских ценностей как результативности устойчивого развития.

Дескриптивный анализ (описательный анализ данных) применяется практически всеми исследователями, поэтому отдельно на этом инструментарии мы останавливаться не будем.

Сочетание методов. Во многих исследованиях, посвященных роли ESG-факторов, мы видим, что авторы применяют часто не по одному методу исследования, подкрепляя тем самым значимость получаемых ими выводов. В качестве примеров можно привести изученные работы по интересующей тематике многих авторов. Так, Е. В. Нехода с соавторами в статье об оценке качества социальной информации в нефинансовых отчетах акцентирует внимание на использовании методов количественного (балльный метод оценивания), качественного (контент-анализ) и статистического анализа [35]. Б. С. Батаева и Н. А. Карпов в своей работе, посвященной исследованию взаимосвязи между характеристиками совета директоров и уровнем раскрытия ESG-информации российскими публичными компаниями, используют также сочетание методов: дескриптивного, корреляционного и регрессионного анализа [36]. В исследовании Л. М. Никитиной с соавторами мы видим сочетание контент-анализа с экспертными оценками [24]. В статье А. И. Изгаровой с соавторами для целей исследования взаимосвязи информации о ESG-инвестициях с доходностью акций используются и event-анализ, и экономико-математическая модель [11]. Проанализировав тексты статей российских и зарубежных авторов по предмету исследования, мы видим, что большая часть авторов в качестве методического подхода к проводимым исследованиям выбирает именно сочетание различных методов.

Обобщая раздел о методах и инструментарии, применяемом для исследования воздействия ESG-факторов, можно сказать, что не все методы и инструменты одинаково активно используются исследователями, тем интереснее попытка обобщения подходов, систематизации эмпирических исследований, для разработки некоей типологии применяемых методов и инструментов оценки и дальнейшего их использования.

Результаты и обсуждение. Проведенный нами научный обзор методов и инструментария, применяемых российскими и зарубежными авторами в своих исследованиях, касающихся ESG-трансформации, показал достаточно разнообразный набор методов и инструментов. С нашей точки зрения, методы и инструменты могут взаимно дополнять друг друга: методы количественной и качественной оценки, объективные и субъективные методы оценки, методы описательного анализа и более точные методы оценивания. Такой комплексный подход к использованию методов и инструментов исследования позволяет методически грамотно обосновать значимость тех или других достижений в процессе ESG-трансформации, дать обоснованные практические рекомендации для со-

ветов директоров и топ-менеджмента организаций, особенно в тех случаях, где только приступают к разработке направлений устойчивого развития.

Данная статья продолжает исследование методов и инструментария изучения ESG-практик и их воздействия на результативность деятельности организаций, представленное в статье [7], где был дан сравнительный анализ методов оценки ESG-составляющей российских компаний по трем методам. Продолжая начатое исследование, значительно расширив и прирастив рассматриваемую методическую и инструментальную базу, предложим наше авторское видение поэтапного использования методов и инструментов исследования ESG-факторов (табл.).

Поэтапный алгоритм применения методов исследования ESG-факторов

Этап	Укрупненная группа методов исследования ESG-факторов	Наименование методов
1 этап	Методы предварительного анализа факторов ESG	1. Контент-анализ
		2. Дескриптивный анализ (описательный анализ данных)
2 этап	Количественные и качественные методы обоснования воздействия факторов ESG	1. Event-анализ
		2. Балльный метод и методы шкалирования
		3. Экспертный метод
		4. Индикативный метод
		5. Экономико-математические и статистические методы и модели
3 этап	Методы наглядности представления результатов исследования	Методы графической визуализации (дэшборд, графы, схемы, матрицы, инструментарий SmartArt и другое)
4 этап	Результирующий метод как инструментарий для непосредственного внедрения ESG -практик	Проектный метод

Отметим, что представленный алгоритм отражает лишь авторскую точку зрения и не претендует на истину «в последней инстанции». Любой автор исходит из конкретных целей и задач проводимого исследования, соответственно, выбор в выстраивании логики имплементации тех или иных методов и инструментария остается за конкретными исследователями.

Заключение. Выбранный нами для статьи формат научного обзора позволил оценить содержательный контент публикаций по исследуемой проблематике. Отмечен все возрастающий интерес как отечественных, так и зарубежных авторов к исследованиям ESG-процессов, стремление наиболее адекватно и обоснованно оценить воз-

действие составляющих ESG на трансформацию бизнеса по пути устойчивого развития. Изучение применяемых для целей исследования методов и инструментария, их анализ, обобщение привел авторов данной статьи к выработке предложения о поэтапном использовании методов и инструментов исследования ESG-факторов, представленном в виде алгоритма. Целевой аудиторией данной обзорной статьи авторы считают исследователей, которые ставят перед собой методологические и методические задачи исследования, стараясь максимально точно представить результаты своих изысканий и дать практические рекомендации по имплементации ESG-трансформации в бизнес-организации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ткаченко И. Н. Актуализация стейкхолдерского подхода корпоративного управления в условиях кризиса: от декларирования приверженности к прикладным моделям // Управление. 2021. Т. 12. № 2. С. 2–16. DOI: 10.29141/2218–5003–2021–12–2–1.

2. Батаева Б. С., Кокурина А. Д., Карпов Н. А. Влияние раскрытия ESG-показателей на финансовые результаты российских публичных компаний // *Управленец*. 2021. Т. 12. № 6. С. 20–32. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-6-2.
3. Белик И. С., Дуцинин А. С., Никулина Н. Л. Влияние ESG-факторов на финансовое состояние и инвестиционную привлекательность российских публичных компаний // *Управленец*. 2022. Т. 13. № 6. С. 44–55. DOI: 10.29141/2218-5003-2022-13-6-4.
4. Захматов Д. Ю., Валитов Г. Ш. Влияние ESG-факторов на рыночную капитализацию российских компаний // *Сибирская финансовая школа*. 2022. Июль-сентябрь. № 3. С. 183–192. DOI: 10.34020/1993-4386-2022-3-183-192.
5. Шаш Н. Н., Досаева Н. Д. Влияние социально ответственного инвестирования на финансовые показатели и стоимость компании // *Revistă științifică progresivă*. 2020. Vol. 3. № 2 (4). С. 27–32. DOI: 10.46591/PSJM. 2020.0302.0005.
6. Ефимова О. В., Волков М. А., Королёва Д. А. Анализ влияния принципов ESG на доходность активов: эмпирическое исследование. *Финансы: теория и практика*. 2021. № 25 (4). С. 82–97. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-4-82-97.
7. Ткаченко И. Н., Раменская Л. А. Исследовательский инструментарий изучения современных трендов реализации ESG-практик в российских компаниях // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2024. Т. 15. № 1. С. 148–165. DOI: 10.18184/2079-4665.2024.15.1.148-165.
8. Zhou G., Liu L., Luo S. Sustainable development, ESG performance and company market value: Mediating effect of financial performance // *Business Strategy and the Environment*. 2022. Vol. 31. Issue 7. Pp. 3371–3387. DOI: 10.1002/bse. 3089.
9. Орши Т. С., Юсуф М. А., Экундайо О. О. Сравнительный анализ характеристик комитета по устойчивому развитию и качества ESG-отчетности в Нигерии и Южной Африке // *Позитивные изменения*. 2024. Т. 3. № 4. С. 92–111. DOI: 10.55140/2782-5817-2023-3-4-92-111.
10. Tkachenko I., Pervukhina I. Event study analysis of the impact of news on the value of corporate reputation: the Gazprom case // *International day of Science 2018 — Economics, management, Innovation, Proceeding of the International Scientific Conference*. 12–13 April, 2018. Moravian University College Olomouc, Czech Republic. Brno, 2018. Pp. 18–24.
11. Изгарова А. И., Рогова Е. М., Бахарева О. В. Взаимосвязь информации о ESG-инвестициях и доходности акций: кейс крупных российских компаний // *Управленец*. 2023. Т. 14. № 3. С. 17–29. DOI: 10.29141/2218-5003-2023-14-3-2.
12. Aureli S., Gigli S., Medei R., Supino E. The value relevance of environmental, social, and governance disclosure: Evidence from Dow Jones Sustainability World index listed companies. // *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. 2019. Vol. 27. No. 1. Pp. 43–52. DOI: 10.1002/csr. 1772.
13. Wong J. B., Zhang Q. Stock market reactions to adverse ESG disclosure via media channels // *The British Accounting Review*. 2022. Vol. 54. Issue 1. Article 101045. DOI: 10.1016/j. bar. 2021.101045.
14. Ефимова О. В. Об учете факторов устойчивого развития в финансовом моделировании инвестиционных проектов // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Экономика и управление. 2021. № 2. С. 99–111. DOI: 10.17308/econ. 2021.2/3381.
15. Марголин А. М., Вякина И. В. Риски, вызовы и механизмы ESG-трансформации систем управления // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2022. Т. 13. № 3. С. 352–368. DOI: 10.18184/2079-4665.2022.13.3.352-368.
16. Rahdari A. H., Rostamy A. A. A. Designing a general set of sustainability indicators at the corporate level // *Journal of Cleaner Production*. 2015. № 108 (A). Pp. 757–771. DOI: 10.1016/j. jclepro. 2015.05.108.
17. Санникова И. Н., Семиколенова М. Н. Нефинансовая отчетность: практика формирования и мониторинга ESG-данных // *Экономика Профессия Бизнес*. 2024. № 1. С. 64–71. URL: <http://journal.asu.ru/es/article/view/epb202409>.
18. Методология присвоения ESG-рейтингов (Методология АКРА). 22 марта 2024 года. URL: https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/a1b/tfmrq8ujkakct0b18pct37pphlixd7x/20240322_ESG-Methodology.pdf (дата обращения: 08.05.2024).
19. Хоружий Л. И., Трясцин Н. А., Джикия М. К., Трясцина Н. Ю. Оценка инвестиционной привлекательности компаний АПК на основе ESG-факторов // *Известия ТСХА*. 2024. Вып. 2. С. 189–202. DOI: 10.26897/0021-342X-2024-2-189-202.
20. Модельная методология ESG-рейтингов. Доклад для общественных консультаций. М., 2023. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/144085/Consultation_Paper_17012023.pdf (дата обращения: 02.05.2024).

21. Буглак Д. В. Составление ESG-рейтинга в категории «S» для финансовых организаций по методологии ЦБ РФ // Материалы XIV Евразийского экономического форума молодежи «Россия-Евразия-Мир. Интеграция-Развитие-Перспектива». Екатеринбург, 23–26 апреля 2024 г.: в 4 томах / отв. за выпуск: Я. П. Силин, Р. В. Краснов, В. Е. Ковалев. Екатеринбург, 2024. Том 2. 337 с.
22. Куклина Е. А., Дементьев К. И. ESdiGital-трансформация российских нефтегазовых компаний: риски и оценки // *Управленческое консультирование*. 2023. № 7. С. 53–71. DOI: 10.22394/1726–1139–2023–7–53–71.
23. Wong W. K., Teh B. H., Tan S. H. The Influence of External Stakeholders on Environmental, Social, and Governance (ESG) Reporting: Toward a Conceptual Framework for ESG Disclosure // *Foresight and STI Governance*. 2023. № 17 (2). Pp. 9–20. DOI: 10.17323/2500–2597.2023.2.9.20.
24. Никитина Л. М., Дмитриев В. А., Перцева Ю. А. Новые инструменты государственной политики развития корпоративной социальной ответственности на основе ESG-финансирования // *РЕГИОН: системы, экономика, управление*. 2022. № 3 (58). С. 61–76.
25. Bird S. NLTK: the natural language toolkit. *Proceedings of the COLING/ACL // Interactive Presentation Sessions*. 2006. Pp. 69–72. DOI: 10.48550/arXiv.cs/0205028
26. Сторчевой М. А. Рейтинг ESG на основе искусственного интеллекта: возможности и ограничения // XX Международная научно-практическая конференция «Корпоративная социальная ответственность и этика бизнеса». Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, 23–24 мая 2024 г. URL: http://www.fa.ru/org/chair/kfku/SiteAssets/News/2024-02-01-kso_i_eb/pdf. (дата обращения: 24.05.2024).
27. Евлахова Ю. С. ESG-факторы в оценке репутационных рисков крупнейших российских банков // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2022. № 38 (3). С. 385–415. DOI: 10.21638/spbu05.2022.303.
28. Поваляева О. Н. Повышение устойчивости компаний на основе принципов проектного управления // *Российский журнал управления проектами*. 2023. № 4 (41). С. 18–31. DOI: 10.12737/2587–6279–2023–12–4–18–31.
29. Стандарт по обеспечению устойчивого развития в управлении проектами GPM P5™ GPM Global. Версия 2.0. 2019. 52 с.
30. Заикина А. А. Практики применения проектного управления в процессе реализации концепции устойчивого развития // Материалы XIV Евразийского экономического форума молодежи «Россия-Евразия-Мир. Интеграция-Развитие-Перспектива». Екатеринбург, 23–26 апреля 2024 г.: в 4 томах / отв. за выпуск: Я. П. Силин, Р. В. Краснов, В. Е. Ковалев. Екатеринбург, 2024. Том 2. 337 с.
31. Дмитриева Д. М., Соловьева В. М., Рутенко Е. Г. Новые подходы к устойчивости проектов минерально-сырьевого комплекса в условиях современных вызовов // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки*. 2021. Т. 14. № 6. С. 170–186. DOI: 10.17213/2075–2067–2021–6–170–186.
32. Tkachenko I. N., Zlygostev A. A. Stakeholder risk research tools in the light of companies» sustainable development // *Journal of New Economy*. 2022. Vol. 23. No. 1. Pp. 109–130. DOI: 10.29141/2658–5081–2022–23–1–6.
33. Tkachenko I. N., Pervukhina I. V., Zlygostev A. A. Modeling the contribution and benefits of company stakeholders // *Upravlenets — The Manager*. 2020. Vol. 11. № 2. Pp. 2–15. DOI: 10.29141/2218–5003–2020–11–2–1.
34. Ткаченко И. Н., Метелева М. А. Стейкхолдерская модель корпоративного управления: методика оперативной оценки влияния макроэкономических вызовов // *Управленческие науки = Management sciences*. 2023. № 13 (4). С. 6–21. DOI: 10.26794/2304–022X-2023–13–4–6–21.
35. Нехода Е. В., Арабов Н. У., Богданов А. Л., Герман М. В., Куклина Т. В. Достойный труд в нефинансовой отчетности российских компаний: оценка качества раскрытия информации // *Управленец*. 2022. Т. 13. № 2. С. 34–56. DOI: 10.29141/2218–5003–2022–13–2–3.
36. Батаева Б. С., Карпов Н. А. Влияние факторов корпоративного управления на уровень раскрытия ESG-информации российскими публичными компаниями // *Управленец*. 2023. Т. 14. № 3. С. 30–43. DOI: 10.29141/2218–5003–2023–14–3–3.

REFERENCES

1. Tkachenko I. N. Rethinking the stakeholder approach to corporate governance in the coronavirus crisis: From commitment declaration to applied models. *The Manager*. Vol. 12. No. 2. Pp. 2–16. DOI: 10.29141/2218–5003–2021–12–2–1.

2. Bataeva B. S., Kokurina A. D., Karpov N. A. The impact of ESG reporting on the financial performance of Russian public companies. *The Manager*. 2021. Vol. 12. No. 6. Pp. 20–32. DOI: 10.29141/2218–5003–2021–12–6–2.
3. Belik I. S., Dutsinin A. S., Nikulina N. L. Financial state and investment attractiveness of Russian public companies: The effect of ESG factors. *Upravlenets. The Manager*. 2022. Vol. 13. No. 6. Pp. 44–55. DOI: 10.29141/2218–5003–2022–13–6–4.
4. Zakhmatov D. Yu., Valitov G. Sh. The influence of ESG factors on the market capitalization of Russian companies. *Siberian Financial School*. 2022. July–September. No. 3. Pp. 183–192. DOI: 10.34020/1993–4386–2022–3–183–192.
5. Shash N. N., Dosaeva N. D. Impact of socially responsible investment on the company's financial performance and value. *Revistă științifică progresivă*. 2020. Vol. 3. No. 2 (4). C. 27–32. DOI: 10.46591/PSJM.2020.0302.0005.
6. Efmova O. V., Volkov M. A., Koroleva D. A. The impact of ESG factors on asset returns: Empirical research. *Finance: Theory and Practice*. 2021. No. 25 (4). Pp. 82–97. DOI: 10.26794/2587–5671–2021–25–4–82–97.
7. Tkachenko I. N., Ramenskaya L. A. Research tools for studying modern trends in the implementation of ESG practices in Russian companies. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2024. Vol. 15. No. 1. Pp. 148–165. DOI: 10.18184/2079–4665.2024.15.1.148–165.
8. Zhou G., Liu L., Luo S. Sustainable development, ESG performance and company market value: Mediating effect of financial performance. *Business Strategy and the Environment*. 2022. Vol. 31. Issue 7. Pp. 3371–3387. DOI: 10.1002/bse.3089.
9. Orshi T. S., Yusuf M. A., Ekundayo O. O. A Comparative Analysis of Sustainability Committee Attributes and Reporting Quality in Nigeria and South Africa. *Positive changes*. 2024. Vol. 3. No. 4. Pp. 92–111. DOI: 10.55140/2782–5817–2023–3–4–92–111.
10. Tkachenko I., Pervukhina I. Event study analysis of the impact of news on the value of corporate reputation: the Gazprom case. *International day of Science 2018 — Economics, management, Innovation, Proceeding of the International Scientific Conference, 12–13 April, 2018. Moravian University College Olomouc, Czech Republic. Brno, 2018. Pp. 18–24.*
11. Izgarova A. I., Rogova E. M., Bakhareva O. V. ESG investment relationship with financial performance of Russian companies. *The Manager*. 2023. Vol. 14. No. 3. Pp. 17–29. DOI: 10.29141/2218–5003–2023–14–3–2.
12. Aureli S., Gigli S., Medei R., Supino E. The value relevance of environmental, social, and governance disclosure: Evidence from Dow Jones Sustainability World index listed companies. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. 2019. Vol. 27. No. 1. Pp. 43–52. DOI: 10.1002/csr.1772.
13. Wong J. B., Zhang Q. Stock market reactions to adverse ESG disclosure via media channels. *The British Accounting Review*. 2022. Vol. 54. Issue 1. Article 101045. DOI: 10.1016/j.bar.2021.101045.
14. Efmova O. V. Factors of sustainable development to be considered in the financial modelling of investment projects. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*. 2021. No. 2. Pp. 99–111. DOI: 10.17308/econ.2021.2/3381.
15. Margolin A. M., Vyakina I. V. Risks, threats and mechanisms of management systems ESG-transformation. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2022. Vol. 13. No. 3. Pp. 352–368. DOI: 10.18184/2079–4665.2022.13.3.352–368.
16. Rahdari A. H., Rostamy A. A. A. Designing a general set of sustainability indicators at the corporate level. *Journal of Cleaner Production*. 2015. No. 108 (A). Pp. 757–771. DOI: 10.1016/j.jclepro.2015.05.108.
17. Sannikova I. N., Semikolenova M. N. Non-financial reporting: practice of generating and monitoring ESG data. *Economy Profession Business*. 2024. No. 1. Pp. 64–71. URL: <http://journal.asu.ru/ec/article/view/epb202409>.
18. Methodology for assigning ESG ratings (ACRA Methodology), March 22. 2024. URL: https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/a1b/tfmrqq8ujkakct0b18pct37pplixd7x/20240322_ESG-Methodology.pdf (date of access: 08.05.2024).
19. Khoruzhy L. I., Tryascina N. A., Dzhikia M. K., Tryastina N. Yu. Assessment of investment attractiveness of agricultural companies based on ESG factors. *News of TSKhA*. 2024. Issue 2. Pp. 189–202. DOI: 10.26897/0021–342X-2024–2–189–202.
20. Model methodology for ESG ratings. Report for public consultations. Moscow, 2023. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/144085/Consultation_Paper_17012023.pdf (date of access: 02.05.2024).
21. Buglak D. V. Compilation of ESG rating in the «S» category for financial organizations according to the methodology of the Central bank of the RF. *Materials of the XIV Eurasian Economic Youth Forum «Russia-Eurasia-World. Integration-Development-Perspective»*. Yekaterinburg, April 23–26, 2024: in 4 volumes / rep. for the issue: Y. P. Silin, R. V. Krasnov, V. E. Kovalev. Ekaterinburg, 2024. Vol. 2. Pp. 337.

22. Kuklina E. A., Dementiev K. I. ESdiGital-transformation of Russian oil and gas companies: risks and estimates. *Administrative consulting*. 2023. No. 7. Pp. 53–71. DOI: 10.22394/1726–1139–2023–7–53–71.
23. Wong W. K., Teh B. H., Tan S. H. The Influence of External Stakeholders on Environmental, Social, and Governance (ESG) Reporting: Toward a Conceptual Framework for ESG Disclosure. *Foresight and STI Governance*. 2023. No. 17 (2). Pp. 9–20. DOI: 10.17323/2500–2597.2023.2.9.20.
24. Nikitina L. M., Dmitriev V. A., Pertseva Yu. A. New instruments of state policy for the development of corporate social responsibility based on ESG financing. *REGION: systems, economics, management*. 2022. No. 3 (58). Pp. 61–76.
25. Bird S. NLTK: the natural language toolkit. *Proceedings of the COLING/ACL. Interactive Presentation Sessions*. 2006. Pp. 69–72. DOI: 10.48550/arXiv.cs/0205028.
26. Storchevoy M. A. ESG rating based on artificial intelligence: opportunities and limitations. *XX International Scientific and Practical Conference «Corporate Social Responsibility and Business Ethics»*, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, May 23–24, 2024. URL: http://www.fa.ru/org/chair/kfku/SiteAssets/News/2024-02-01-kso_i_eb/pdf. (date of access: 24.05.2024).
27. Evlakhova Yu. S. ESG factors in reputational risk assessment of Russian banks. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*. 2022. No. 38 (3). Pp. 385–415. DOI: 10.21638/spbu05.2022.303.
28. Povalyaeva O. N. Improving the Sustainability of Companies Based on the Principles of Project Management. *Russian Journal of Project Management*. 2023. No. 4 (41). Pp. 18–31. DOI: 10.12737/2587–6279–2023–12–4–18–31.
29. Standard for ensuring sustainable development in project management GPM P5™ GPM Global. Version 2.0. 2019. 52 p.
30. Zaikina A. A. Practices of application of project management in the process of implementing the concept of sustainable development. *Materials of the XIV Eurasian Economic Youth Forum «Russia-Eurasia-World. Integration-Development-Perspective»*. Yekaterinburg, April 23–26, 2024: in 4 volumes / rep. for the issue: Y. P. Silin, R. V. Krasnov, V. E. Kovalev. Ekaterinburg, 2024. Vol. 2. 337 p.
31. Dmitrieva D. M., Solovyova V. M., Rutenko E. G. Novel approaches to the mining projects» sustainability in a view of current challenges. *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*. 2021. Vol. 14. No. 6. Pp. 170–186. (In Russ.). DOI: 10.17213/2075–2067–2021–6–170–186.
32. Tkachenko I. N., Zlygostev A. A. Stakeholder risk research tools in the light of companies' sustainable development. *Journal of New Economy*. 2022. Vol. 23. No. 1. Pp. 109–130. DOI: 10.29141/2658–5081–2022–23–1–6.
33. Tkachenko I. N., Pervukhina I. V., Zlygostev A. A. Modeling the contribution and benefits of company stakeholders. *The Manager*. 2020. Vol. 11. No. 2. Pp. 2–15. DOI: 10.29141/2218–5003–2020–11–2–1.
34. Tkachenko I. N., Meteleva M. A. Stakeholder model of corporate governance: Methodology for rapid assessment of the impact of macroeconomic challenges. *Upravlencheskie nauki = Management sciences*. 2023. No. 13 (4). Pp. 6–21. DOI: 10.26794/2304–022X-2023–13–4–6–21.
35. Nekhoda E. V., Arabov N. U., Bogdanov A. L., German M. V., Kuklina T. V. Decent work in non-financial reporting of Russian companies: Assessing the disclosure quality. *The Manager*. 2022. Vol. 13. No. 2. Pp. 34–56. DOI: 10.29141/2218–5003–2022–13–2–3.
36. Bataeva B. S., Karpov N. A. Impact of corporate governance factors on ESG disclosure by Russian public companies. *The Manager*. 2023. Vol. 14. No. 3. Pp. 30–43. DOI: 10.29141/2218–5003–2023–14–3–3.

Поступила в редакцию: 27.05.2024.

Принята к печати: 28.06.2024.

УДК 332.145 (470.57)
DOI 10.14258/epb202447

РАЗВИТИЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН¹

Н. В. Трофимова, Э. Р. Мамлеева

Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан (Уфа, Россия)

В зарубежных странах малое и среднее предпринимательство выполняет экономические функции, в первую очередь, способствуя инновационному развитию, в частности, разрабатывая и внедряя новые производственные технологии. Инновации являются одним из основных факторов получения конкурентных преимуществ на микро-, мезо- и макроуровнях. Помимо экономических функций субъекты малого и среднего предпринимательства обеспечивают высокую долю занятости населения. Например, в США более половины экономически активного населения трудоустроены в секторе малого и среднего бизнеса.

Количество субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на 01.01.2024 составило более 6 млн единиц (6347 тыс. ед.), но при сопоставлении данного показателя с численностью населения Российская Федерация отстает от Германии, Франции, Финляндии на 30–40%, от США, Чехии — в два раза и более.

В статье на основе проведенного опроса выявлены особенности функционирования организаций малого и среднего предпринимательства, определены сформировавшиеся тенденции и перспективы его дальнейшего развития, расширения деятельности, выявлены наиболее востребованные среди субъектов МСП меры государственной поддержки.

Полученные результаты могут быть использованы региональными органами исполнительной власти при формировании документов стратегического планирования.

Ключевые слова: предпринимательство, малый и средний бизнес, Республика Башкортостан, опрос, муниципальные образования.

DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM ENTREPRENEURSHIP IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

N. V. Trofimova, E. R. Mamleeva

Institute for Strategic Studies Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russia)

In foreign countries, small and medium-sized entrepreneurship perform economic functions, first of all, promoting innovative development, in particular, developing and introducing new production technologies. Innovation is one of the main factors in obtaining competitive advantages at the micro, meso and macro levels. In addition to economic functions, small and medium-sized businesses provide a high share of employment to the population. For example, in the United States, more than half of the economically active population is employed in the small and medium-sized business sector.

The number of small and medium-sized entrepreneurs in the Russian Federation as of 01/01/2024 amounted to more than 6 million units, but when comparing this indicator with the population, the Russian Federation lags behind Germany, France, Finland by 30–40%, from the USA, Czech Republic — 2 or more times.

In the article is based on conducted in municipalities of the Republic of Bashkortostan, the features of the functioning of small and medium-sized entrepreneurs are identified, the emerging trends and prospects for further development and expansion of activities are identified, and the most popular government support measures among SMEs are identified.

The results obtained can be used by regional executive authorities in the formation of strategic planning documents.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ИСИ ГБНУ АН РБ.

Keywords: entrepreneurship, small and medium-sized businesses, Republic of Bashkortostan, survey, municipalities.

Введение. Предпринимательство — это одна из наиболее активных форм экономической деятельности в стране, связанная с финансовым риском и ориентированная на создание и производство материальных благ и услуг с целью дальнейшего извлечения прибыли. Именно оно оказывает существенное влияние на экономический рост, развитие научно-технического прогресса и решение многих социальных проблем [1].

Малое и среднее предпринимательство (МСП) выполняет значительное количество как экономических, так и социальных функций [2, с. 55], но обладает более высокой адаптивной способностью и в отличие от крупного бизнеса проще приспосабливается к изменениям, в том числе из-за более высокой восприимчивости к инновационным технологиям. В текущих условиях изменения мирохозяйственных процессов субъекты малого и среднего предпринимательства оказываются более мобильны, так как являются довольно гибкими в условиях изменяющейся конъюнктуры рынка и могут свободно переориентироваться в зависимости от изменений потребностей конечных потребителей товаров и услуг [3, с. 25]. На предприятиях малого и среднего бизнеса трудоустроена значительная часть экономически активного населения, что определяет важную социальную роль данного сектора экономики.

Важную роль в развитии малого и среднего предпринимательства играет государство [4, с. 49]. Поддержка субъектов МСП осуществляется с помощью различных инструментов: субсидий, грантов, льготных займов, налоговых льгот и т. д. [5–7]. При этом важная роль в государственном регулировании принадлежит мониторингу текущей ситуации [2, с. 58], который осуществляется с помощью различных методов.

Методы и методика проводимого исследования. Для оценки уровня развития бизнеса, сформировавшихся тенденций, для выявления мер государственной поддержки, наиболее востребованных среди субъектов бизнеса в Республике Башкортостан, использован социологический опрос методом стандартизированного интервью.

Стандартизированное интервью — это один из методов сбора информации, главное преимущество которого заключается в том, что оно позволяет сравнивать и анализировать данные, полученные от различных респондентов, так как все задаваемые вопросы и порядок их следования остаются неизменными.

Выделим ключевые преимущества стандартизированного интервью:

1. *Однородность и непредвзятость.* Стандартизированное интервью обеспечивает одинаковые вопросы и условия для всех участников. Это позволяет собирать информацию в объективной форме, без влияния личных предпочтений и предрасположений интервьюера. Таким образом, результаты исследования становятся более надежными и воспроизводимыми.

2. *Сравнимость данных.* Благодаря общим и стандартизированным вопросам данные, полученные в рамках стандартизированного интервью, можно легко сравнивать между разными группами или в разные периоды времени. Это позволяет исследователям анализировать тренды и изменения в ответах на вопросы.

3. *Удобство для участников.* Проведение опроса в дистанционном формате позволяет участникам отвечать на вопросы в удобное время и в удобном месте.

В целом использование стандартизированного интервью позволяет эффективно собирать и анализировать данные, обеспечивая объективность, надежность и сравнимость результатов.

Для проведения социологического опроса методом стандартизированного интервью была разработана анкета, вопросы в которой разделены по нескольким блокам, включающим перечень вопросов по различным направлениям:

I. Характеристика бизнеса: вид реализуемого товара, работы или услуги субъектом МСП; рынок реализации продукции или услуги; использование инновационных технологий в оказании услуг или выпуске продукции.

II. Тенденции в развитии бизнеса: динамика развития своего бизнеса в последние 5 лет, в том числе изменение объема прибыли в предыдущем периоде (2022 г.); способы оптимизации своей деятельности; оценка степени влияния введенных западными странами санкций; положительный и отрицательный характер произошедших изменений в предпринимательской деятельности за последние несколько лет; планы по расширению бизнеса, увеличению штата наемных сотрудников в ближайшие 1–2 года; оценка барьеров ведения предпринимательской деятельности; использование мер государственной поддержки и ее наиболее востребованные формы.

III. Общие вопросы: тип бизнеса; средний размер годовой выручки; количество сотрудников;

продолжительность ведения бизнеса; географическое место ведения бизнеса.

Результаты. По разработанной анкете был проведен опрос субъектов малого и среднего бизнеса в 63 муниципальных образованиях Республики Башкортостан. Выборка составила 1065 анкет, формирование структуры выборочной совокупно-

сти для достижения ее репрезентативности проводилось на основании официальных статистических данных о количестве субъектов малого и среднего бизнеса в Республике Башкортостан по состоянию на 01.01.2023.

Структура опрошенных субъектов МСП представлена на рисунке 1.

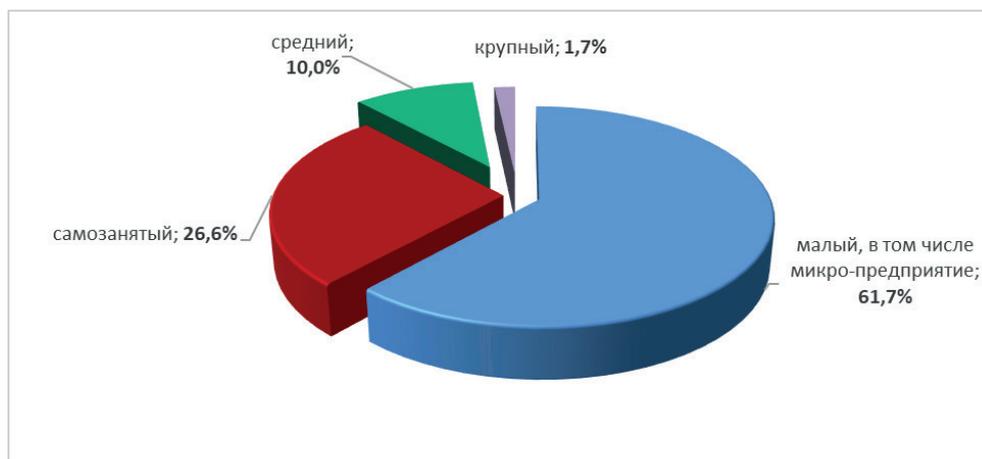

Рис. 1. Категория бизнес-респондентов

Наибольшее количество опрошенных субъектов МСП (61,7%) относится к категории малого бизнеса (в том числе микробизнеса), к категории самозанятых — чуть более четверти опрошенных (26,6%), к среднему бизнесу — 10%, крупному — 1,7%. При этом сопоставив полученные данные с информацией об объеме выручки, можно сделать вывод, что в данном случае бизнес относит себя к категории «крупный», используя самоидентификацию, которая не совпадает с официальным определением Росстата и Федеральной налоговой службы.

40% опрошенных СМСП осуществляют свою деятельность более пяти лет, от трех до пяти лет — 22,9%, от одного до трех лет — 27,7%, менее одного года — 9,4%.

Основной продукцией бизнеса, которую предоставляют опрошенные субъекты малого и среднего предпринимательства, являются услуги (41,1%); на торговлю и дистрибуцию товаров и услуг, произведенных другими компаниями, приходится 16,3% (рис. 2). Позитивным фактом является то, что почти треть опрошенных (28,3%) осуществляют выпуск конечной продукции.

Рис. 2. Основная продукция (товар, работа, услуги), выпускаемая субъектами МСП РБ

Среди опрошенных субъектов малого и среднего предпринимательства 37,3% имеют среднюю выручку до 500 тыс. руб. в год, что объясняется тем фактом, что среди респондентов 26,6% относятся к категории самозанятых граждан, 61,7% — к субъектам малого (микробизнеса), от 501 до 900 тыс. руб. — 19,5%, от 901 до 2,1 млн руб. — почти 25%, от 2,11 млн руб. и выше — 18,7%.

Субъекты МСП в бизнес-сообществе являются наиболее инновационно активными и восприим-

чивыми к внедрению новых технологий. Этот факт подтверждают и результаты опроса. В частности, более 40% опрошенных используют инновационные технологии в оказании услуг или выпуске продукции (рис. 3). При этом на отечественные разработки приходится 27,7%, на зарубежные сырье, оборудование, технологии — 15,3%. Но количество субъектов малого и среднего предпринимательства, не использующих инновационные технологии, остается весьма значительным — 46,5%.

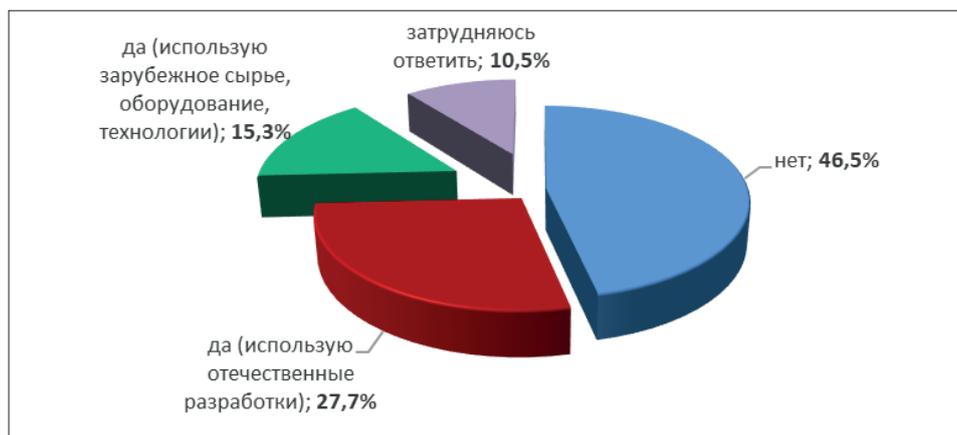

Рис. 3. Использование инновационных технологий субъектами МСП РБ

Еще одним важным аспектом развития бизнеса является выбор рынка сбыта продукции или услуг.

Наибольшая доля опрошенных — 57,8% реализует свою продукцию на локальном рынке в пределах своего муниципального образования. Это объясняется тем, что основной продукцией более чем 40% всех опрошенных предпринимателей являются услуги, которые, как правило, производятся и потребляются в одном месте — месте обслуживания. Четверть опрошенных производят свою продукцию для реализации на региональном рынке; 12,1% реализуют продукцию на рынках других субъектов РФ. На внешние рынки со своей продукцией выходят только 4,9% опрошенных предпринимателей. Таким образом, актуальной является задача поиска новых рынков сбыта, в том числе и за пределами региона; стимулирование субъектов малого и среднего бизнеса к выходу на внешние рынки [8, с. 123].

Одним из способов оптимизации предпринимательской деятельности является выбор приемлемой системы налогообложения.

В 2022–2023 гг. у 73,9% опрошенных предпринимателей отсутствовали изменения в системе налогообложения, смене организационно-правовой формы и т. п. Перешли с УСН на патентную систему налогообложения 11,7% респондентов. Преимуществами патентной системы является упрощение процедур бухгалтерского и налогового учета.

В частности, при использовании патентной системы отсутствует необходимость в ведении налогового учета, подачи деклараций, оформлении кассовых аппаратов и других операциях. Изменили организационно-правовую форму 9,9% предпринимателей, участвующих в опросе. Отметим, что в исследуемом периоде часть малых и средних предприятий сменила свой статус на «микропредприятие» в связи с уменьшением объема выпуска продукции и услуг, а также численности работников.

Опрошенные субъекты МСП положительно оценивают динамику развития своего бизнеса в последние 5 лет и перспективы на ближайшее время. В частности, 61,4% опрошенных отметили, что динамика развития бизнеса улучшилась или значительно улучшилась, является стабильной и не изменилась — 23,1%, почти 10% отметили ухудшение.

В 2022 г. увеличение прибыли от основной деятельности зафиксировали 54,3% респондентов; сократилась прибыль у 23,9% опрошенных предпринимателей; у 21,8% опрошенных прибыль осталась без изменений.

О позитивном настрое предпринимателей также свидетельствуют планы по увеличению штатной численности сотрудников: 42,5% опрошенных предпринимателей планируют нанять новых сотрудников.

Согласно опросу среди предпринимателей, проведенному ИКСИ, «Эксперт РА» и Институ-

том П. А. Столыпина, 43,1% предпринимателей нацелены на сохранение текущих производственных показателей либо просто на сохранение деятельности как таковой [9, с. 48].

Одной из задач опроса было выявление проблем и ограничений для ведения предпринимательской деятельности в Республике Башкортостан.

Ключевая проблема, согласно опросу, с которой сталкиваются предприниматели республики

в настоящее время, — нехватка квалифицированных кадров (22,1% респондентов). В силу внутренних и внешних причин в ближайшие 2–3 года именно малый и средний бизнес может наиболее остро ощутить проблему их дефицита [9, с. 49], так как предприятиям придется конкурировать не только между собой, но и с крупными компаниями и госкорпорациями, которые могут предложить более выгодные условия для потенциальных кандидатов (рис. 4).

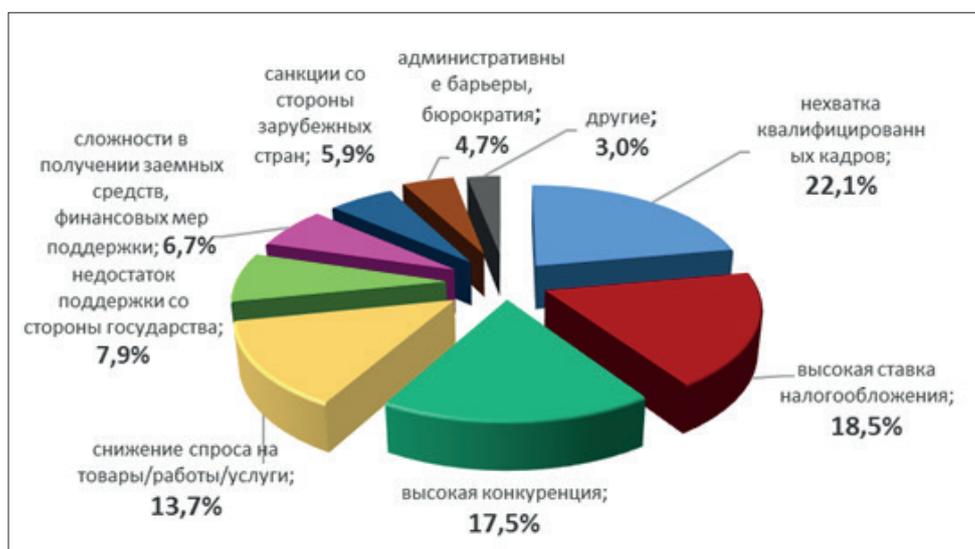

Рис. 4. Проблемы предпринимательской деятельности субъектов МСП в Республике Башкортостан

Второй по значимости проблемой является высокая ставка налогообложения, ее выделили 18,5% опрошенных. Далее следуют высокая конкуренция — 17,5%, снижение спроса на товары и услуги — 13,7% предпринимателей. Недостаток поддержки со стороны государства обозначили фактором, ограничивающим предпринимательскую деятельность, 7,9% респондентов; сложность в получении заемных средств и финансовых мер поддержки — 6,7%.

После начала СВО предпринимателям пришлось привыкать к ведению бизнеса в иных реалиях, встретиться с новыми вызовами и санкциями со стороны зарубежных государств. На вопрос «Как введение санкций западными странами повлияло на Вашу предпринимательскую деятельность в последние два года?» затруднились ответить 57,3% опрошенных. Почти треть респондентов оценили воздействие санкций на ведение предпринимательской деятельности как отрицательное. То есть значительное количество организаций сектора малого и среднего бизнеса оказались чувствительны к воздействию антироссийских экономических санкций. 14,8% предпринимателей считают, что санкции положительно повлияли на их деятельность.

Среди положительно оценивших влияние санкций на предпринимательскую деятельность 61,1% респондентов отметили расширение объемов продаж внутри России; 23,6% — производство новых видов продукции; 11,5% — выход на новые рынки сбыта в других странах. Отметим, что для нейтрализации негативного воздействия санкций было введено значительное количество государственных мер поддержки, что послужило импульсом для развития некоторых производств, поскольку уход западных компаний с отечественного рынка освободил многие ниши, которые сейчас успешно заполняются отечественными предпринимателями.

Среди предпринимателей, отрицательно оценивших влияние на предпринимательскую деятельность санкций и СВО, 57,7% зафиксировали уменьшение объема продаж; 19,6% считают, что возросла налоговая нагрузка на бизнес. Увеличение административных барьеров при ведении предпринимательской деятельности отметили 8,0% респондентов.

Наиболее востребованной формой государственной поддержки, по мнению большинства респондентов, является финансовая поддерж-

ка (субсидирование, займы), так ответили 45,3% опрошенных (рис. 5). В имущественной поддержке (льготная аренда, бизнес-инкубаторы) нуждаются 15,3% предпринимателей. Хотя получить

консультационную поддержку — 12,4%, информационную — 10,2% опрошенных и такое же число респондентов — 10,2% не нуждаются в мерах государственной поддержки.

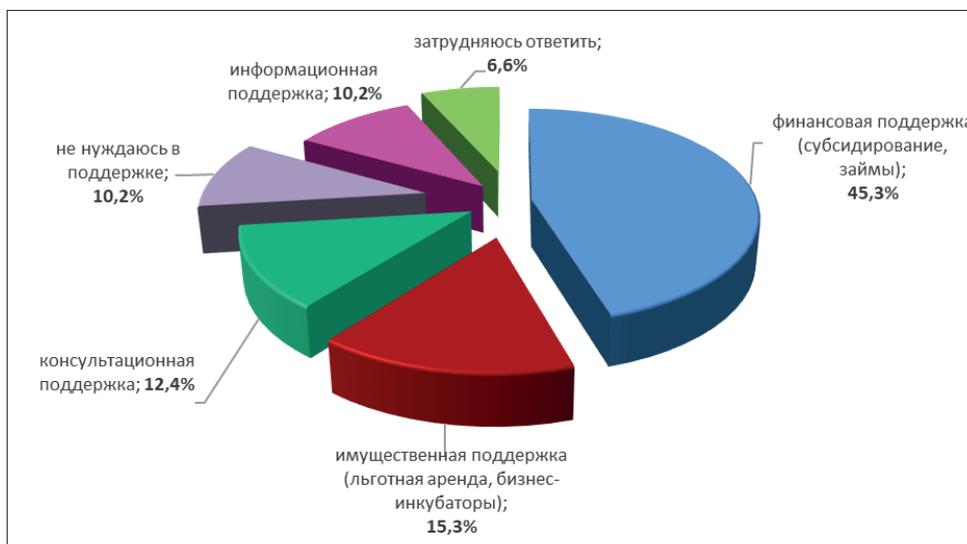

Рис. 5. Востребованность субъектами малого и среднего предпринимательства различных форм государственной поддержки

Основным фактором, способным повысить уровень предпринимательской активности субъектов малого и среднего бизнеса в регионе, 29,8% респондентов назвали финансовую поддержку со стороны государства; 26,7% — снижение налоговой нагрузки. 10,8% опрошенных считают, что деловую активность субъектов малого и среднего предпри-

нимательства увеличит создание в регионе равных возможностей для конкуренции; 10,5% — законодательно-нормативное обеспечение деятельности предпринимателей; 8,5% — сокращение количества периодичности проверок контролирующими органами (рис. 6).

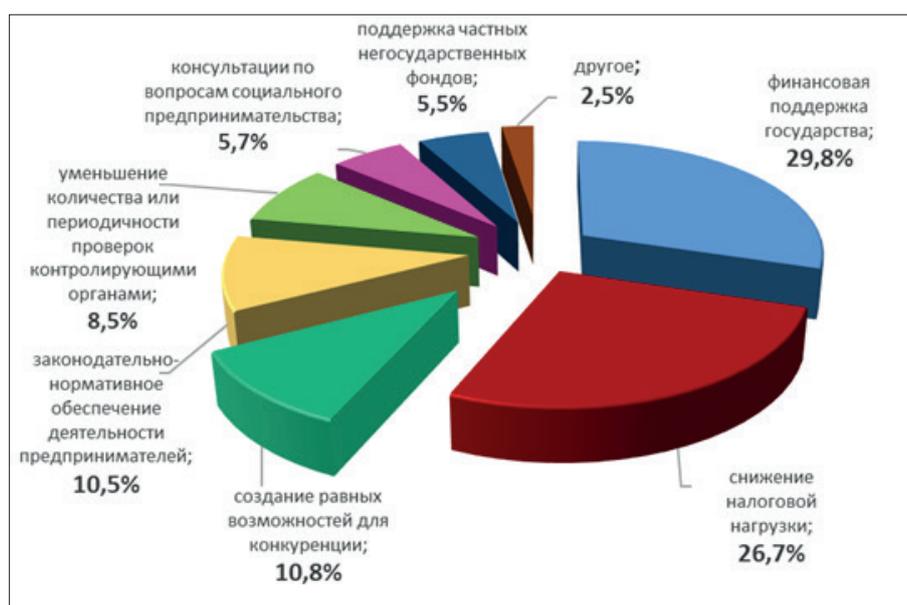

Рис. 6. Факторы, положительно влияющие на уровень предпринимательской активности в Республике Башкортостан

Среди видов государственной поддержки в 2020–2023 гг. наиболее востребованными у субъектов МСП стали (рис. 7):

- консультационные услуги (24,5%);
- отсутствие проверок (23,5%);
- финансовые меры: отсрочка по оплате налогов (11,1%), гранты на открытие бизнеса

(9,6%), предоставление займов по сниженным ставкам (7,6%), отсрочка по оплате взносов в Пенсионный фонд, государственные/внебюджетные фонды (3,7%), гарантийная поддержка по кредитам (2,8%), отсрочка/скидка по оплате лизинговых платежей (2,5%).

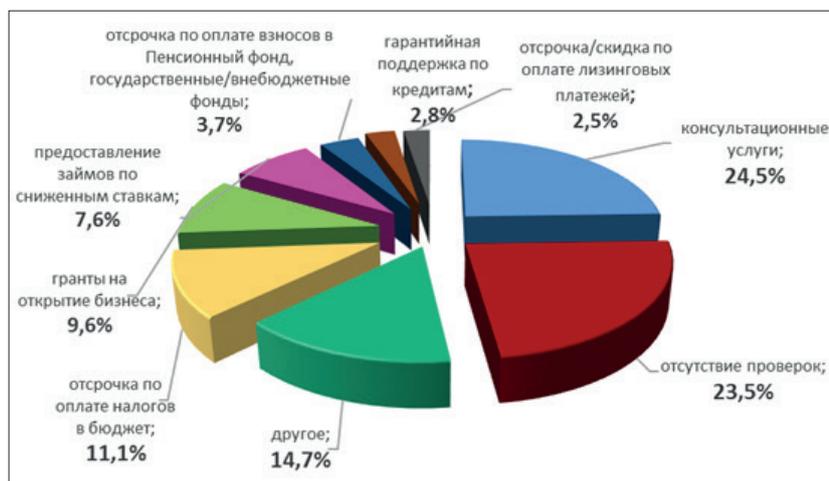

Рис. 7. Полученные субъектами малого и среднего бизнеса виды государственной поддержки в Республике Башкортостан в 2020–2023 гг.

Более 50% опрошенных признали, что государственная поддержка бизнеса была эффективна, 31% опрошенных затруднились ответить на данный вопрос и лишь 13,0% дали негативную оценку.

Выводы. По результатам опроса можно сделать следующие выводы:

более половины опрошенных предпринимателей реализуют свою продукцию на местных (локальных) рынка. Поэтому актуальной является задача поиска новых рынков сбыта, в том числе и за пределами региона; стимулирование МСП к выходу на внешние рынки;

в последние годы три четверти предпринимателей не изменяли систему налогообложения, организационно-правовую форму и т. п. для оптимизации своей деятельности;

более 40% принявших участие в опросе планируют значительное наращивание объемов выпуска и увеличение штата сотрудников в ближайшие 1–2 года, что свидетельствует о позитивном настрое

предпринимательского сообщества относительно ближайших перспектив;

ключевой проблемой, с которой сталкиваются предприниматели, является нехватка квалифицированных кадров, далее идут высокая ставка налогообложения, значительный уровень конкуренции, сокращение совокупного спроса;

введение санкций отрицательно повлияло на предпринимательскую деятельность 27,9% респондентов;

14,8% предпринимателей оценили влияние санкций на хозяйственную деятельность как положительное;

основными факторами повышения уровня предпринимательской активности малого и среднего бизнеса в регионе являются финансовая поддержка государства и снижение налоговой нагрузки [10, с. 103].

Таким образом, полученные результаты могут использоваться региональными органами исполнительной власти при разработке и актуализации документов стратегического планирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шайдуллова А. И., Быкова Н. Н. Роль малого бизнеса в экономике России // Вестник НГИЭИ. 2015. № 3 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-malogo-biznesa-v-ekonomike-rossii> (дата обращения: 22.02.2024).

2. Мамлеева Э. Р., Трофимова Н. В., Сазыкина М. Ю. Развитие сектора малого и среднего предпринимательства в Республике Башкортостан // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2023. № 5 (98). С. 54–66.
3. Лановая О. Г. Направления кредитования малого предпринимательства в РФ // Банковские услуги. 2008. № 1. С. 37–39.
4. Дудин М. Н. Инновации и предпринимательство в зарубежных странах. Возможность применения зарубежного опыта развития малого инновационного предпринимательства в Российской Федерации // Креативная экономика. 2007. № 12. С. 48–53.
5. Тихонова А. В. О некоторых институциональных факторах развития малого и среднего предпринимательства // Самоуправление. 2022. № 4 (132). С. 712–715.
6. Грачев А. М. Затруднения и входные барьеры в получении государственной поддержки субъектами малого и среднего предпринимательства // Экономика и предпринимательство. 2023. № 4 (153). С. 800–803.
7. Магомедова П. А., Гаджиев И. М. Проблемы и перспективы развития малого и среднего предпринимательства в России // Экономика и социум. 2015. № 2–3 (15). С. 307–309.
8. Бтемирова Р. И., Гасиева З. П., Гуцунаев С. А. К вопросу налогообложения субъектов малого и среднего предпринимательства в РФ // Аудиторские ведомости. 2020. № 2. С. 121–123.
9. Гончарова О. Ю., Чернушкова К. Г., Ищенко Э. В. Малое и среднее предпринимательство в условиях мобилизационной экономики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 4. С. 46–53.
10. Струкова О. А. Основные проблемы малого и среднего предпринимательства на современном этапе // Аллея науки. 2018. Т. 5. № 5 (21). С. 101–104.

REFERENCE

1. Shaydullova A. I., Bykova N. N. The role of small business in the Russian economy. Bulletin of NGIEI. 2015. No. 3 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-malogo-biznesa-v-ekonomike-rossii> (date of access: 02.22.2024).
2. Mamleeva E. R., Trofimova N. V., Sazykina M. Yu. Development of the small and medium-sized enterprise sector in the Republic of Bashkortostan. Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2023. No. 5 (98). Pp. 54–66.
3. Lanovaya O. G. Directions for lending to small businesses in the Russian Federation. Banking services. 2008. No. 1. Pp. 37–39.
4. Dudin M. N. Innovation and entrepreneurship in foreign countries. Possibility of applying foreign experience in the development of small innovative entrepreneurship in the Russian Federation. Creative Economy. 2007. No. 12. Pp. 48–53.
5. Tikhonova A. V. On some institutional factors in the development of small and medium-sized businesses. Self-government. 2022. No. 4 (132). Pp. 712–715.
6. Grachev A. M. Difficulties and entry barriers in obtaining government support for small and medium-sized businesses. Economics and Entrepreneurship. 2023. No. 4 (153). Pp. 800–803.
7. Magomedova P. A., Gadzhiev I. M. Problems and prospects for the development of small and medium-sized businesses in Russia. Economy and Society. 2015. No. 2–3 (15). Pp. 307–309.
8. Btemirova R. I., Gasieva Z. P., Gutsunaev S. A. On the issue of taxation of small and medium-sized businesses in the Russian Federation. Audit statements. 2020. No. 2. Pp. 121–123.
9. Goncharova O. Yu., Chernushkova K. G., Ishchenko E. V. Small and medium-sized businesses in a mobilization economy. State and municipal management. Scientific notes. 2023. No. 4. Pp. 46–53.
10. Strukova O. A. The main problems of small and medium-sized businesses at the present stage. Alley of Science. 2018. T. 5. No. 5 (21). Pp. 101–104.

Поступила в редакцию: 04.04.2024.

Принята к печати: 21.05.2024.

УДК 378.4:502.131.1
DOI 10.14258/epb202448

СПЕЦИФИКА ОТЧЕТОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е. И. Чучкалова, С. Л. Логинова

Российский государственный профессионально-педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Под устойчивым развитием принято понимать систему специальных мер, предпринимаемых с целью удовлетворения потребностей текущего поколения, обеспечения экономического и социального прогресса, с условием сохранения окружающей среды и ресурсов без ущерба для общества на перспективу. Высшее образование является ключевым фактором устойчивого развития организаций, экономики и государства в целом. Являясь элементами государственного сектора, высшие учебные заведения подвержены вниманию со стороны других участников системы — предпринимателей, государства, населения, которые закономерно ожидают от вузов высокий уровень раскрытия экономической, социальной и экологической информации. В статье рассматриваются вопросы устойчивого развития применительно к организациям высшего образования в контексте двух парадигм: первая — выполнение ими основных образовательно-воспитательных функций в профессиональном становлении обучающихся и научно-исследовательских разработок по заказу государства, регионов, бизнеса. Вторая — создание позитивного, современного имиджа для обеспечения конкурентных преимуществ в борьбе за привлечение представителей бизнеса, других стейкхолдеров с целью долгосрочных партнерских отношений. Актуальность исследования связана с принятием обязательств по внедрению отчетов устойчивого развития в академическую систему российского образования.

Ключевые слова: устойчивое развитие, конкурентоспособность, организация высшего образования, безопасность устойчивого развития, публичная нефинансовая отчетность.

THE SPECIFICS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT REPORTS HIGHER EDUCATION ORGANIZATIONS

E. I. Chuchkalova, S. L. Loginova

Russian State Professional Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia)

Sustainable development is generally understood as a system of special measures taken to meet the needs of the current generation, ensure economic and social progress, with the condition of preserving the environment and resources without prejudice to society in the future. Higher education is a key factor in the sustainable development of organizations, the economy and the state as a whole. As elements of the public sector, higher education institutions are subject to the attention of other participants in the system — entrepreneurs, the state, the population, who naturally expect from universities a high level of disclosure of economic, social and environmental information. The article examines the issues of sustainable development in relation to higher education organizations in the context of two paradigms: the first is the fulfillment of their basic educational and educational functions in the professional development of students and research projects commissioned by the state, regions, and business. The second is to create a positive, modern image to ensure competitive advantages in the struggle to attract business representatives and other stakeholders for the purpose of long — term partnerships. The relevance of the study is related to the commitment to introduce sustainable development reports into the academic system of Russian education.

Keywords: sustainable development, competitiveness, organization of higher education, security of sustainable development, public non-financial reporting.

Понятие устойчивого развития как новой парадигмы человечества впервые появилось в 1987 г. в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию ООН. В 1992 г. на конференции ООН по окружающей среде и развитию была принята концепция устойчивого развития.

С тех пор вопросы устойчивого развития составляют стабильный долгосрочный тренд в работах исследователей всего мира. Среди зарубежных ученых, внесших значительный вклад в изучение экологических и социальных аспектов экономи-

ческих систем, а также методологии устойчивого развития, следует назвать Х. Дейли, Д. Х. Медоуз и Д. Л. Медоуза, К. Холдинга, Дж. Форрестера, А. Эндерса, Ф. Кюдланда, Э. Прескотта, Р. Харрода и И. Шумпетера. Российские ученые также активно представляют собственные разработки сущности, концепции, методики оценки устойчивого развития. По масштабам изучаемых объектов устойчивого развития работы отечественных исследователей можно разделить на две группы — макроэкономический уровень и уровень хозяйствующего субъекта (рис. 1).

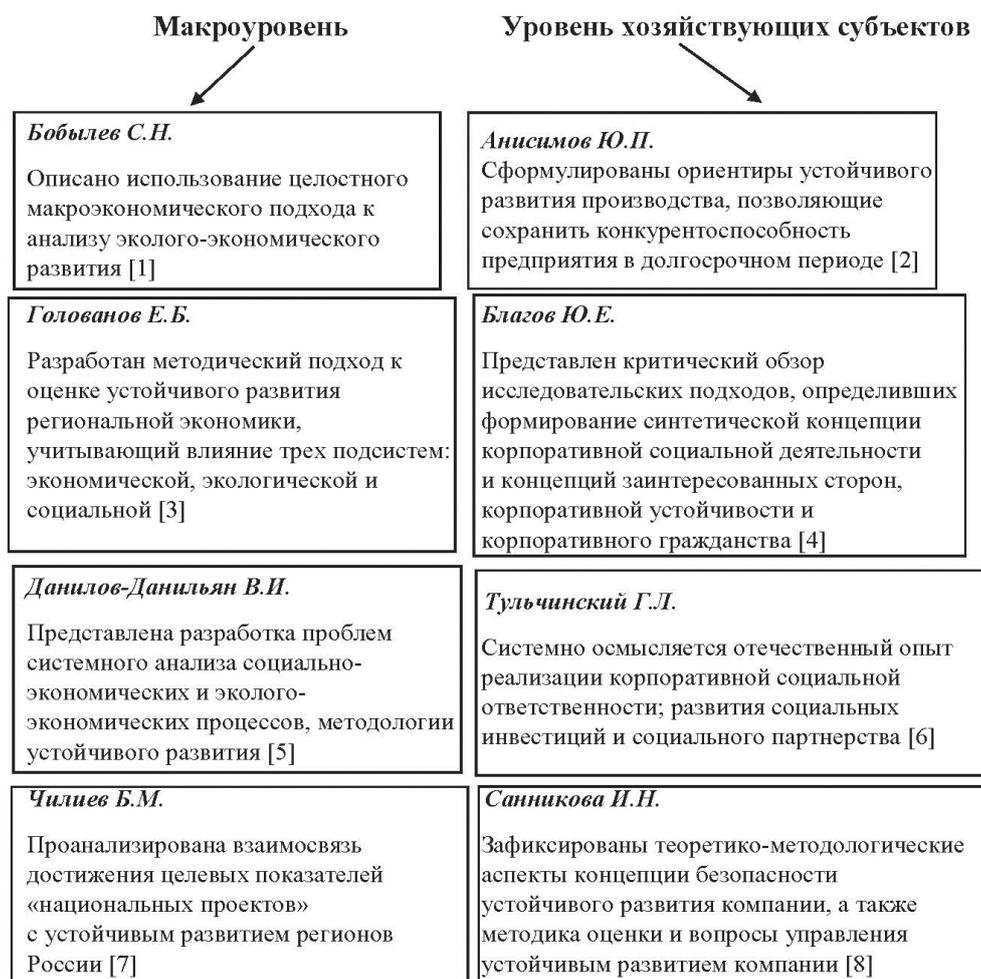

Рис. 1. Систематизация трудов российских ученых по вопросам устойчивого развития

Кроме того, целый ряд работ посвящен разнообразным аспектам устойчивого развития образовательных организаций высшего образования: Е. Ф. Шамаева, А. А. Головин, А. В. Константинова демонстрируют подход реализации достижения интегрированных в национальные проекты и государственные стратегические программы целей устойчивого развития в российском образовании через анализ ведущих национальных мо-

делей образования [9]; С. А. Жутяева, Е. А. Мальцева, А. Ю. Усанов систематизируют способы реализации целей устойчивого развития и исследуют процессы оптимального их внедрения в деятельность образовательных организаций [10]; А. А. Токарев утверждает, что устойчивое развитие образовательного комплекса устремлено на согласованность всей его внутренней деятельности, предполагающей разделение на подсистемы,

в контексте концепции устойчивого развития ведения бизнеса [11]. К сожалению, эта идея подробно не раскрывается. О. А. Санникова, Т. В. Магарина, О. Л. Мохова тесно связывают устойчивое развитие организаций высшего образования с ведением научно-исследовательской работы, участием в национальных и международных проектах, связанных с инновационными разработками в области экологии [12].

В целом направление научных исследований устойчивого развития вузов, формулирования целей устойчивого развития и мероприятий по их достижению, не говоря о жизнеспособных методиках оценки уровня устойчивого развития профессиональных образовательных организаций, системы показателей для отражения в публичных отчетах устойчивого развития в отечественных публикациях проработано недостаточно полно.

Между тем высшее образование призвано выступать флагманом государственной миссии сохранения высоких темпов технического, экономического и социального прогресса при соблюдении гарантии обеспечения будущих поколений ресурсной и экологической безопасностью. Реализация идеи устойчивого развития в организациях высшего образования подразумевает три ключевых аспекта. Во-первых, учитывая роль высшего образования в подготовке новых поколений и общества к более устойчивому будущему, представляется важным измерять влияние вузов с точки зрения устойчивого развития и воздействий на устойчивость регионов и государства [13, 14]. Во-вторых, обладая значительным научным, научно-исследовательским и научно-практическим потенциалом, российские университеты могут вести разработку разнообразных тем, проектов, программ в области экологии, экономики экологии, ресурсосбережения. И, в-третьих, следуя принципам устойчивого развития, образовательные организации получают действенный инструмент стратегического планирования эффективной деятельности, а также работают на повышение узнаваемости и репутации вуза, обеспечивая себе определенную степень конкурентоустойчивости и гарантии дополнительного финансирования.

Публичная приверженность концепции устойчивого развития реализуется путем формирования организациями отчетов об устойчивом развитии, в которых они представляют систематизированную информацию экономического, управленческо-

го, социального характера, включая факторы, связанные с окружающей средой¹.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 июня 2016 г. № 1144-р была разработана Концепция развития публичной нефинансовой отчетности, во исполнение пункта 9 раздела 3 плана мероприятий «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере»². Согласно действующим распорядительным и методическим документам, представление отчетов об устойчивом развитии носит добровольный характер, однако в свете актуальности информации о реализации национальных интересов публичная нефинансовая отчетность образовательных организаций вызывает повышенный интерес. Между тем практика устойчивого развития в системе высшего образования не нашла широкого применения. Концепция Правительства РФ об отчетности устойчивого развития активно приветствует включение вузов в систему отчетов об устойчивом развитии в свою базу данных, одновременно с этим не предоставив никаких дополнительных разъяснений по заполнению нефинансовых отчетов для этих организаций.

Целью данной статьи является изучение практики предоставления отчетов об устойчивом развитии организаций высшего образования России и выявление системы актуальных показателей, характерных для вузов в аспекте их значимости для устойчивого развития регионов и страны в целом.

Описание методов и методик проводимого исследования. Основными методами исследования являются теоретические (анализ научной литературы, нормативных документов по вопросам исследования) и статистические методы, цель которых на первом этапе исследования — сбор количественных данных для исследования основных тенденций анализируемого явления.

Полученные результаты и их обсуждение. Начиная с 2000-х гг. российские предприятия и организации, помимо традиционных отчетов о результатах финансовой деятельности, начали постепенно внедрять практику публикации нефинансовых отчетов, которые по своей сути представляют отчет по устойчивому развитию. В это же время Российский союз промышленников и предпринимателей начинает создавать Регистр отчетов об устойчивом развитии. В Регистр вошли отчеты предприятий различных видов экономической

¹ Приказ Министерства экономического развития РФ от 1 ноября 2023 г. № 764 «Об утверждении методических рекомендаций по подготовке отчетности об устойчивом развитии». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407855987/> (дата обращения: 06.06.2024).

² Распоряжение Правительства РФ от 5 мая 2017 г. № 876-р О Концепции развития публичной нефинансовой отчетности и плане мероприятий по ее реализации. Информационно-правовой портал. ГАРАНТ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71573686/> (дата обращения: 20.05.2024).

деятельности³. При этом количество предприятий, функционирующих в разных сферах и предоставляющих свои нефинансовые отчеты, значительно отличается.

Как показывает анализ отчетов об устойчивом развитии, их публикация в России распространялась среди промышленно-производственных предприятий: максимальное количество — 21% от общего числа — составляют предприятия сферы энергетики. На втором месте по числу организаций, раскрывающих информацию об устойчивом развитии, — финансовые и страховые (11,2%). Активно внедряются отчеты об устойчивом развитии на предприятиях металлургической и горнодобывающей отраслей, на них приходится 10,2% от числа всех отчетов. Среди хозяйствующих субъектов сферы услуг, кроме финансовых и страховых, составление и публикация таких отчетов не нашли большого применения. Доля отчетов образовательных организаций составляет 1,7% общего количества отчетов по устойчивому развитию в период 2015–2019 гг. и 1,5% — в период 2020–2023 гг. Другими словами, кроме того что весьма небольшое количество вузов представляли отчеты в Регистр, еще и очевиден факт снижения заинтересованности организаций в этом процессе.

Изучение отчетов об устойчивом развитии в Регистре показало, что практика публикаций отчетов в области устойчивого развития в российских вузах внедрялась постепенно, начиная с 2010-х гг., пик активности произошел в период 2015–2019 гг. При этом большинство вузов представили публичную нефинансовую информацию всего один раз. Только пять вузов — Высшая школа экономики, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (2012–2014 гг.), Российский университет дружбы народов (2019–2021 гг.), Южно-Российский университет экономики и сервиса (2008–2010 гг.), Губкинский университет нефти и газа (2017–2019 гг.) публиковали свои отчеты за несколько лет (в скобках указаны даты отчетов).

Специфику нефинансовых отчетов вышеуказанных университетов рассматривали на основании индексов, разработанных Российским союзом промышленников и предпринимателей и применяемых к нефинансовым отчетам российских предприятий. Для точности и объективности ввели условие — разделили показатели на две группы. Одна группа — это показатели, суть которых раскрывается через количественный признак. Вторая группа — через качественную характеристику. Анализ представлен в таблице.

Анализ наличия индикаторов в нефинансовых отчетах в российских вузах

Показатели	ВУЗ				
	Высшая школа экономики	Владивостокский гос. ун-т экономики и сервиса	Губкинский ун-т нефти и газа	Российский ун-т дружбы народов	Южно-российский гос. ун-т экономики и сервиса
Количественные показатели					
Производительность труда			+		
Обучение персонала		+	+	+	
Текучесть кадров				+	
Оплата труда и социальная поддержка персонала		+	+	+	
Социальные инвестиции	+	+	+	+	
Обращение с отходами			+	+	
Выбросы в атмосферу, в том числе выбросы парниковых газов					
Энергопотребление и энергоэффективность			+	+	
Водопотребление и сбросы в водные источники				+	
Уплаченные налоги		+		+	
Капитальные вложения				+	
Качественные показатели					
1. Направления и форматы взаимодействия общества, основные проекты вложения	+	+	+	+	+

³ Национальный регистр (библиотека) нефинансовых корпоративных отчетов. URL: https://rspp.ru/sustainable_development/registr/ (дата обращения: 20.05.2024).

Окончание таблицы

Показатели	ВУЗ				
	Высшая школа экономики	Владивостокский гос. ун-т экономики и сервиса	Губкинский ун-т нефти и газа	Российский ун-т дружбы народов	Южно-российский гос. ун-т экономики и сервиса
2. Направления и форматы взаимодействия с государством, основные проекты	+	+	+	+	+
Противодействия коррупции; политика, механизмы, мероприятия, результаты	+			+	
Сведения, позволяющие оценить независимость и компетентность совета директоров — образование, профессиональный опыт	+	+		+	
Включение рисков управление рисками, в том числе связанных с социальными и экологическими аспектами деятельности организации	+	+	+	+	+
Вовлеченность высшего руководства в управление в области УР	+	+	+	+	+
Целенаправленность деятельности в области УР	+	+	+	+	+

Отчеты об устойчивом развитии российских университетов обладают несколькими особенностями.

1. Поскольку отчеты об устойчивом развитии являются добровольной практикой для образовательных учреждений, то они разрабатываются не на основании различных стандартов, принципов, а в основном — на базе субъективного представления руководства организации о структуре таких отчетов.

2. Отчеты, предоставляемые российскими вузами, основаны на разных методиках, оценки значительно отличаются друг от друга и практически несопоставимы.

3. Многие показатели, предлагаемые для отчетов предприятий, главным образом — экономической и экологической групп, для профессионального образования неактуальны.

4. Основные акценты в таких отчетах делаются на социальную политику университета.

5. Предоставленные отчеты изобилуют качественными характеристиками, представляют скорее «рекламные тезисы», чем конкретные количественные показатели.

6. Отсутствуют показатели, отражающие вклад в обеспечение государственных интересов в области устойчивого развития.

Предложенная форма нефинансовых отчетов мало подходит для характеристики устойчивого

развития образовательных организаций высшего образования. Между тем содержание этих отчетов должно отражать концепцию устойчивого развития университетов с учетом взаимосвязи экономических, социальных, культурных и творческих аспектов их деятельности в аспекте национальных интересов. Целесообразно разработать отраслевые рекомендации по структуре отчетов на основе перечня ключевых показателей отчетности об устойчивом развитии, предлагаемых в Методических рекомендациях по подготовке отчетности по устойчивому развитию от 01.11.2023⁴:

- 1) экономические показатели адаптировать для бюджетных учреждений, не предполагающих получение прибыли, добавить показатели дохода и затрат на НИОКР по тематике устойчивого развития;
- 2) экологические показатели дополнить показателями количества природоохранных и ресурсосберегающих мероприятий и исключить показатели, не характерные для образовательной сферы;
- 3) в группе социальных показателей значимых изменений не предполагается;
- 4) в состав управленческих показателей включить количество управленческих решений в области ресурсосберегающих и экологических инициатив; выделенные на их осуществление средства, уровень ци-

⁴ Приказ Министерства экономического развития РФ от 1 ноября 2023 г. № 764 «Об утверждении методических рекомендаций по подготовке отчетности об устойчивом развитии». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407855987/> (дата обращения 06.06.2024).

- фровой грамотности ППС и управленческого звена;
- 5) добавить группу научно-образовательных показателей: наличие учебных программ по устойчивому развитию для бакалавров и магистрантов, количество дисциплин и охват студентов по тематике устойчивого развития; наличие курсов дополнительного образования по экологии и природопользованию; количество научно-исследовательских проектов в этом направлении, количество преподавателей и студентов, в них задействованных, участие в грантах, программах разного уровня, количества волонтеров среди студентов и сотрудников вуза, участвующих в экологических мероприятиях или организующих их, и т. д.
- Вывод.** Формализованная отчетность по устойчивому развитию образовательных организаций с учетом специфики их деятельности и потенциальных возможностей, оставаясь добровольной для представления в Реестр, позволит на государственном уровне организовать осуществление миссии бережного отношения к природе, ресурсосбережению, экономической безопасности и устойчивому развитию организаций, бизнеса, государства в целом, управлять этим процессом и потенциально обеспечить потомкам достойное будущее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бобылев С. Н. Устойчивое развитие: парадигма для будущего // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. № 3. С. 107–111.
2. Анисимов Ю. П., Соломка А. В. и др. *Управление устойчивым развитием предприятия на основе инноваций и интрапренерства*. Воронеж, 2006. 403 с.
3. Голованов Е. Б. Методический подход в оценке устойчивого развития региональной экономики // *Современные технологии управления*. 2015. № 3 (51). URL: <https://sovman.ru/article/5104/> (дата обращения: 15.04.2024).
4. Благов Ю. Е. *Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции*. СПб., 2010. 272 с.
5. Данилов-Данильян В. И., Пискулова Н. А. *Устойчивое развитие: Новые вызовы*. М., 2015. 336 с.
6. Тульчинский Г. Л. *Корпоративная социальная ответственность: технологии и оценка эффективности: учебник и практикум для вузов*. М., 2024. 338 с.
7. Чилиев Б. М. *Устойчивое развитие регионов России: от стратегии к тактике // Экономическая безопасность*. 2023. Том 6. № 2. С. 717–728.
8. Санникова И. Н., Семиколенова М. Н., Приходько Е. А. *Безопасность устойчивого развития компании: учебное пособие*. Барнаул, 2023. 165 с.
9. Шамаева Е. Ф., Головин А. А., Константинова А. В. *Мониторинг и система показателей и индикаторов целей устойчивого развития в образовании на примере России // Электронное научное издание «Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление»*. 2021. Том 17. № 1 (50). URL: <http://www.gyravlenie.ru/wp-content/uploads/2021/03/> (дата обращения: 28.04.2024).
10. Жутяева С. А., Мальцева Е. А., Усанов А. Ю. *Выбор и обоснование целей устойчивого развития образовательных учреждений // Региональная и отраслевая экономика*. 2023. № 9 (183). С. 77–80. URL: <https://www.law-journal.ru/wp-content/uploads/> (дата обращения: 15.05.2024).
11. Токарев А. А. *Понятие устойчивого развития образовательных комплексов и их индикаторы // Молодой ученый*. 2017. № 36 (170). С. 102–104. URL: <https://moluch.ru/archive/170/45544/> (дата обращения: 28.04.2024).
12. Санникова О. А., Магарина Т. В., Мохова О. Л. *Устойчивое развития вуза в условиях глобализационных процессов // Управление образованием: теория и практика / Education Management Review*. 2021. № 2. С. 256–264.
13. Godemann J., Bebbington J., Herzig C., Moon J. *Higher education and sustainable development: exploring possibilities for organisational change // Accounting, Auditing and Accountability Journal*. 2014. Vol. 27. № 2. Pp. 218–233.
14. Moggi S. *Social and environmental reports at universities: a Habermasian view on their evolution // Accounting Forum*. 2019. Vol. 43. № 3. Pp. 283–326.

REFERENCES

1. Bobylev S. N. Sustainable development: a paradigm for the future. *World economy and international relations*. 2017. No. 3. Pp. 107–111.
2. Anisimov Yu. P. Solomka A. V. et al. Managing the sustainable development of an enterprise based on innovation and intra-entrepreneurship Voronezh, 2006. 403 p.
3. Golovanov E. B. Methodological approach in assessing the sustainable development of the regional economy. *Modern management technologies*. 2015. No. 3 (51). URL: <https://sovman.ru/article/5104/> / (date of access: 15.04.2024).
4. Blagov Yu. E. Corporate social responsibility: evolution of the concept. St. Petersburg, 2010. 272 p.
5. Danilov-Danilyan V. I., Piskulova N. A. Sustainable development: New challenges. Moscow, 2015. 336 p.
6. Tulchinsky G. L. Corporate social responsibility: technologies and efficiency assessment: textbook and workshop for universities. Moscow, 2024. 338 c.
7. Chiliev B. M. Sustainable development of Russian regions: from strategy to tactics. *Economic security*. 2023. Volume 6. No. 2. Pp. 717–728.
8. Sannikova I. N., Semikolenova M. N., Prikhodko E. A. Safety of sustainable development of the company: a textbook. Barnaul, 2023. 165 p.
9. Shamaeva E. F. Golovin A. A., Konstantinova A. V. Monitoring and system of indicators and indicators of sustainable development goals in education on the example of Russia. Electronic scientific publication «Sustainable innovative development: design and management». 2021. Vol. 17. No. 1 (50). URL: <http://www.rypravlenie.ru/wp-content/uploads/2021/03/> / (date of access: 28.04.2024).
10. Cher'yaeva S. A., Maltseva E. A., Usanov A. Yu. The choice and justification of the goals of sustainable development of educational institutions. *Regional and sectoral economics*. 2023. No. 9 (183). Pp. 77–80. URL: <https://www.law-journal.ru/wp-content/uploads/> / (date of access: 15.05.2024).
11. Tokarev A. A. The concept of sustainable development of educational complexes and their indicators. *Young Scientist*. 2017. No. 36 (170). Pp. 102–104. URL: <https://moluch.ru/archive/170/45544/> / (date of access: 28.04.2024).
12. Sannikova O. A., Magarina T. V., Mokhova O. L. Sustainable development of the university in the context of globalization processes. *Education Management: theory and practice / Education Management Review*. 2021. No. 2. Pp. 256–264.
13. Godemann J., Bebbington J., Herzig C., Moon J. Higher education and sustainable development: exploring possibilities for organizational change. *Accounting, Auditing and Accountability Journal*. 2014. Vol. 27. No. 2. Pp. 218–233.
14. Moggi S. Social and environmental reports at universities: a Habermasian view on their evolution. *Accounting Forum*. 2019. Vol. 43. No. 3. Pp. 283–326.

Поступила в редакцию: 17.06.2024.

Принята к печати: 19.07.2024.

УДК 336.6:796
DOI 10.14258/epb202449

ФИНАНСОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКОЙ СПОРТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: КОНЦЕНТРАЦИЯ И ИХ АНАЛИЗ

О. А. Шавандина, Е. Ю. Коваленко

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена совершенствованию анализа концентрации финансовых ресурсов некоммерческой спортивной организации. Для обеспечения эффективной деятельности спортивные организации вынуждены привлекать партнеров вследствие недостаточного государственного финансирования. В роли спонсоров выступают, как правило, коммерческие структуры, которые, финансируя некоммерческие спортивные организации, преследуют свои цели (совместное использование спортивного оборудования и инвентаря, продвижение конкретного спортсмена, вида спорта, реклама производимой продукции и пр.). Для оценки степени охвата крупными спонсорами совокупных финансовых ресурсов спортивных организаций, степени влияния и конкуренции финансовых партнеров предлагается использовать коэффициенты концентрации финансовых источников, индекс Херфиндаля-Хиршмана и индекс Холла-Тайдмена. Достоверность и непротиворечивость полученных результатов свидетельствуют о том, что данный экономико-математический аппарат может адекватно применяться для анализа финансовых ресурсов некоммерческой спортивной организации. В целом корректировка аналитических подходов направлена на повышение качества исследования эффективности их деятельности.

Ключевые слова: некоммерческая спортивная организация, финансовые ресурсы, финансовые источники, концентрация финансовых источников, структура источников финансирования, степень влияния финансовых партнеров-спонсоров.

FINANCIAL SOURCES OF ACTIVITY OF A NON-PROFIT SPORTS ORGANIZATION: CONCENTRATION AND THEIR ANALYSIS

O. A. Shavandina, E. Y. Kovalenko

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is devoted to improving the analysis of the concentration of financial resources of a non-profit sports organization. To ensure effective activities, sports organizations are forced to attract partners due to insufficient government funding. As a rule, the role of sponsors is commercial organizations that, by financing non-profit sports organizations, pursue their goals (sharing of sports equipment and inventory, promotion of a specific athlete, sport, advertising of manufactured products, etc.). To assess the degree of coverage of the total financial resources of sports organizations by major sponsors, the degree of influence and competition of financial partners, it is proposed to use the coefficients of concentration of financial sources, the Herfindahl-Hirschman index and the Hall-Tideman index. The reliability and consistency of the results obtained indicate that this economic and mathematical apparatus can be adequately used to analyze the financial resources of a non-profit sports organization. In general, the adjustment of analytical approaches is aimed at improving the quality of research into the effectiveness of their activities.

Keywords: non-profit sports organization, financial resources, financial sources, concentration of financial sources, structure of funding sources, degree of influence of financial partners-sponsors.

Введение. Данную статью авторы задумали как продолжение научной публикации «Совершенствование анализа уровня финансово-го участия источников некоммерческой спортивной организации», в которой методика анализа была расширена за счет коэффициента финансово-

го участия, модифицированного индекса концентрации, показателя дисперсии долей и величины энтропии [1]. Последние два коэффициента наиболее часто применяются в экономических исследованиях рыночных структур. Непротиворечивые результаты обусловили возможность адаптирования таких показателей, не используемых, как правило, для анализа источников финансирования некоммерческой спортивной организации.

Политика в сфере физической культуры и спорта, в том числе в Алтайском крае, формируется по трем основным направлениям: развитие массового спорта, укрепление системы спортивного резерва и продвижение спорта высших достижений¹. Каждое направление представлено спортивными обществами, учреждениями, объединениями различных организационно-правовых форм. Другими словами, спорт в современном обществе представляет собой очень сложную систему, развитие которой возможно только при условии консолидации усилий государственного сектора, бизнеса и спортивного сообщества [2, 3].

В зарубежных источниках активно обсуждаются вопросы спортивного менеджмента. Некоторые авторы ставят под сомнение концептуализацию спорта как индустрии и бизнеса [4], утверждая, что игнорируются особые качественные характеристики спорта как вида деятельности. Таким образом, они (авторы) стараются поощрить дискуссию об исследованиях в области спортивного менеджмента, а также привлечь внимание экономистов и ученых к вопросам управления спортивными организациями и влияния на людей, занимающихся спортом [4, 5].

Другие исследователи пытаются проанализировать влияние институциональной среды на благотворительность в профессиональном спорте. Ученые отмечают, что увеличение количества некоммерческих спортивных организаций влечет за собой рост уровня спонсорской (благотворительной) поддержки спортивных команд. Кроме этого, делается вывод о необходимости маркетинга взаимоотношений, основанного на доверии и приверженности, активации спонсорства, рентабельности инвестиций и возможности перекрестного маркетинга [6, 7].

Некоторые зарубежные ученые, исследуя спортивное предпринимательство, делают вывод о том, что показателями эффективности являются предпринимательская ориентация, кооперация (или сотрудничество) и конкуренция. Указанные показатели связаны между собой, например, предпринимательски ориентированное поведение (разработка спортивных продуктов, услуг, методов,

оборудования и пр.) побуждает спортивных предпринимателей к сотрудничеству [8].

В Российской Федерации одной из задач, направленных на формирование ценностей активного образа жизни и физической культуры, является повышение эффективности деятельности спортивных организаций. В связи с этим актуальными являются вопросы оценки конкурентоспособности спортсменов, эффективности деятельности тренеров, должностных лиц, спортивных организаций различных организационно-правовых форм и субъектов государственного управления [1, 2].

Недостаточное государственное финансирование обуславливает необходимость поиска финансовых ресурсов для осуществления эффективной деятельности некоммерческих спортивных организаций [1]. Контролируя привлеченные средства спонсоров, руководство организации выполняет анализ эффективности их использования, который может быть расширен за счет коэффициентов концентрации финансовых источников; индекса Херфиндаля-Хиршмана и индекса Холла-Тайдмена. Указанные показатели позволяют оценить степень охвата крупными спонсорами совокупных средств некоммерческой спортивной организации, охарактеризовать степень влияния финансовых партнеров и степень их конкуренции между собой. Результаты анализа дают возможность руководству некоммерческой спортивной организации выявить доминирующих спонсоров и своевременно контролировать поступления финансовых ресурсов. Корректировка методики оценки направлена на повышение качества исследования финансовых источников деятельности некоммерческой спортивной организации.

Материалы и методы. Продвижение здорового образа жизни, популяризация физической культуры и спорта являются основной целью деятельности некоммерческих спортивных организаций, которые привлекают для этого различные источники. Партнеры, оказывающие благотворительную, спонсорскую помощь, преследуют собственные цели (продвижение конкретного спортсмена и/или вида спорта, совместное использование спортивного оборудования и/или инвентаря, реклама производимой продукции и пр.). Это обуславливает необходимость оценки концентрации финансовых источников деятельности некоммерческой спортивной организации с целью расширения методики анализа их использования [1].

Для оценки концентрации финансовых ресурсов спортивной организации выполним их ранжирование. Наименьшее значение ранга, равное 1, поставим в соответствие партнеру-спонсору (источнику), который обеспечивает наибольшую долю

¹ Министерство спорта Алтайского края / Официальный сайт. URL: <https://minsport.alregn.ru/>

финансирования деятельности организации, в случае равенства долей значения рангов должны совпадать [9, 10].

На основании имеющихся данных о долях финансовых источников спортивной организации и их рангах предлагается рассчитать показатель концентрации источников; коэффициент относительной концентрации; индекс Херфиндаля-Хиршмана и индекс Холла-Тайдмена.

Под концентрацией будем понимать плотность размещения источников и совокупность разных удельных весов агентов финансирования деятельности некоммерческой спортивной организации. Индекс концентрации определяется как сумма долей наиболее крупных инвесторов-спонсоров [11]:

$$CR_k = \sum_{i=1}^k X_i, \quad (1)$$

где CR_k — индекс концентрации;

X_i — доля финансового источника;

k — количество финансовых источников, для которых рассчитывается показатель.

Как правило, индекс концентрации рассчитывают для трех или четырех наиболее крупных агентов.

Для сопоставления структуры трех источников финансирования спортивной организации определим следующие критерии:

- если $CR_3 < 0,45$, структура источников финансирования данной организации считается неконцентрированной;
- если $0,45 \leq CR_3 \leq 0,7$, структура финансовых источников считается умеренно концентрированной для анализируемой спортивной организации;
- если $CR_3 > 0,7$, структуру источников финансирования будем считать высококонцентрированной.

Финансовые источники деятельности некоммерческих спортивных организаций характеризуются объемами финансирования, частотой поступлений и временем зачисления на счет в банке. Указанные параметры являются неопределенными и обуславливают необходимость дальнейшего анализа источников финансирования спортивной организации.

Для оценки уровня конкуренции партнеров-спонсоров между собой предлагается использовать коэффициент относительной концентрации [11]:

$$K_{ok} = \frac{(20 + 3 \cdot \beta)}{\alpha}, \quad (2)$$

где K_{ok} — коэффициент относительной концентрации;

β — доля числа крупных финансовых партнеров в общей численности спонсоров, %;

α — доля финансовых ресурсов данных агентов в общем объеме финансирования спортивной организации, %.

Для оценки степени влияния крупных финансовых партнеров на деятельность некоммерческой спортивной организации введем критериальные значения:

- при $K_{ok} > 1$ концентрация отсутствует, спонсоры конкурируют между собой;
- при $K_{ok} < 1$ степень концентрации крупных финансовых партнеров высокая, что обуславливает их доминирование;
- при $K_{ok} = 1$ между долями финансовых агентов наблюдается линейная зависимость, что обуславливает отсутствие доминирующих спонсоров.

Конечно, индекс концентрации не отражает распределение долей внутри группы основных спонсоров и за ее пределами. Этот недостаток можно преодолеть при помощи индекса Херфиндаля-Хиршмана. Значение индекса чувствительно к перераспределению долей между финансовыми источниками, [11]:

$$IHH = \sum_{i=1}^n X_i^2, \quad (3)$$

где IHH — индекс Херфиндаля-Хиршмана;

X_i — доля финансового источника, %;

n — общее количество финансовых источников.

Для оценки степени концентрации финансовых источников спортивной организации введем следующие ограничения индекса IHH :

- 1) $IHH < 1000$ — степень концентрации источников финансирования спортивной организации низкая;
- 2) $1000 \leq IHH < 2000$ — степень концентрации финансовых источников умеренная;
- 3) $2000 \leq IHH < 10000$ — степень концентрации источников финансирования высокая.

Указанный показатель позволит своевременно выявить возрастающее доминирование основных спонсоров и принять соответствующие управленческие решения.

Следующий показатель, который предлагается проанализировать — индекс Холла-Тайдмена, который рассчитывается на основе сопоставления рангов финансовых партнеров [11]:

$$HT = \frac{1}{2 \times \left(\sum_{i=1}^n r_i \times X_i \right) - 1}, \quad (4)$$

где r_i — ранг финансового источника;

X_i — доля финансового источника;

n — общее количество финансовых источников.

Если некоммерческая спортивная организация имеет единственного спонсора, то индекс Холла-Тайдмена примет максимальное значение, равное 1, минимальное значение, которое может принять показатель $HT = 1/n$ (где n — число финансовых источников).

Индекс Холла-Тайдмена (сопоставим с индексом Херфиндаля-Хиршмана) позволяет подтвердить полученные выводы и способствует более глубокому анализу финансовых источников некоммерческой спортивной организации, так как выполняется ранжирование партнеров-спонсоров по степени значимости.

В целом предложенные показатели способствуют расширению используемых в современной экономике методов анализа финансовых ресур-

сов с целью оценки их концентрации, распределения долей финансового участия среди спонсоров, в том числе с учетом их ранжирования по степени значимости.

Результаты. Математические методы, активно применяемые в экономике, позволяют дополнить методику анализа концентрации финансовых источников деятельности, в том числе некоммерческой спортивной организации.

Предложенные выше методы апробируем на примере некоммерческой физкультурно-спортивной организации Волейбольный клуб «У».

Используя данные учетных регистров, определим доли финансовых источников деятельности волейбольного клуба и соответствующие им ранги (табл. 1).

Таблица 1

Ранги финансовых ресурсов спортивного клуба «У» и их доли

Финансовые источники (партнеры-спонсоры)	Доля в финансировании (X_i), %	Ранг (r_i)	$X_i \cdot r_i$
ООО BPW	32,3	1	0,323
АО SOGAS	28,4	2	0,568
ООО GI	11,7	3	0,351
ООО М	8,3	4,5	0,3735
ООО SC Galaxy	8,3	4,5	0,3735
ASU	5,5	6	0,33
Государственные субсидии	4,5	7	0,315
Прочие	1	8	0,08
	$\Sigma 100\%$	$\Sigma 36$	$\Sigma 2,714$

Объем финансирования Волейбольного клуба «У» коммерческими организациями-партнерами составляет 89%, это обусловлено интересом к волейболу, положительными тенденциями в отношении спорта и поддержкой здорового образа жизни со стороны руководства коммерческих структур.

Наибольшие доли финансового участия приходятся на две коммерческие организации — ООО BPW и АО SOGAS. 60,7% всех поступлений от финансовых агентов приходится на данные компании. Разрыв их ранговых коэффициентов составляет 4%. Диапазон со следующим финансовым партнером ООО GI в 16,7% является более существенным и обеспечивает ему переход на следующий уровень ранга. Стоит отметить особенность других спонсоров ООО М и ООО SC Galaxy, их доли совпадают и всего на 3,4% отличаются от финансового участия ООО GI.

Бюджетное учреждение ASU и государственные субсидии имеют, соответственно, ранги 6 и 7 и в сумме обеспечивают 10% финансово-хозяйственной деятельности рассматриваемой некоммерческой физкультурно-спортивной организации.

На основании имеющихся данных о долях финансовых источников спортивной организации

Волейбольный клуб «У» и их рангах рассчитаем показатели концентрации источников; индекс Херфиндаля-Хиршмана и индекс Холла-Тайдмена.

1. Индекс концентрации вычислим для трех наиболее крупных инвесторов Волейбольного клуба «У», используя формулу 1.

$$CR_3 = 0,323 + 0,284 + 0,117$$

$$CR_3 = 0,724$$

Учитывая, что полученное значение $CR_3 = 0,724 > 0,7$, можно сделать вывод о высокой концентрации трех основных финансовых источников некоммерческой спортивной организации Волейбольный клуб «У». Данные спонсоры (ООО BPW, АО SOGAS, ООО GI) обеспечивают финансирование деятельности спортивной организации более чем на 70%. С другой стороны, высокий уровень финансирования обеспечивает указанным партнерам преимущества в достижении их целей, которые они желают достигнуть в сотрудничестве с некоммерческой спортивной организацией.

2. Оценить уровень конкуренции партнеров-спонсоров между собой можно с помощью коэффициента относительной концентрации (формула 2).

$$K_{ок} = \frac{(20 + 3 \cdot 37,5)}{72,4} = 1,83.$$

Коэффициент относительной концентрации $K_{ок} > 1$, это позволяет сделать вывод о том, что основные финансовые партнеры-спонсоры конкурируют между собой.

3. Распределение долей внутри группы основных спонсоров и за ее пределами можно оценить с помощью индекса Херфиндаля-Хиршмана, значения которого существенно изменяются в результате перераспределения долей финансовых источников.

$$IHH = 32,3^2 + 28,4^2 + 11,7^2 + 8,3^2 + 8,3^2 + 5,5^2 + 4,5^2 + 1^2$$

$$IHH = 1043,29 + 806,56 + 136,89 + 68,89 + 68,89 + 30,25 + 20,25 + 1$$

$$IHH = 2176,02.$$

Полученное значение индекса $IHH = 2176,02 > 2000$ указывает на высокую степень концентрации финансовых партнеров некоммерческой спортивной организации Волейбольный клуб «У». Данный показатель отражает доминирование основных спонсоров. Мониторинг данного показателя позволит руководству спортивной организации своевременно ограничить возрастающую «власть» одного или нескольких партнеров-спонсоров.

4. Используя формулу 3 и сопоставляя ранги финансовых партнеров из таблицы 1, рассчитаем и проанализируем индекс Холла-Тайдмена.

$$HT = \frac{1}{2 \cdot 2,714 - 1} = 0,23.$$

Полученное значение показывает, что партнеры некоммерческой спортивной организации, оказывающие финансовую помощь, соперничают или конкурируют между собой. Конкуренция проявляется в степени влияния, которое спонсоры хотят и могут оказать на спортивную организацию для извлечения своей выгоды.

Значение каждого рассчитанного в работе показателя лишь подтверждает результаты предыдущих коэффициентов, что обуславливает их непротиворечивость. И хотя предложенные авторами показатели применяют, как правило, для анализа рыночных структур, полученные консеквенции свидетельствуют о том, что данный экономико-математический аппарат может адекватно применяться для анализа финансовых источников деятельности некоммерческой спортивной организации.

Заключение. Методика анализа эффективности использования финансовых ресурсов некоммерческих спортивных организаций, по мнению авторов, может быть дополнена коэффициентами концентрации финансовых источников; индексом Херфиндаля-Хиршмана и индексом Холла-Тайдмена. Обоснованность применения указанных показателей обуславливает необходимость дополнения нормативно-распорядительной документации и локальных актов спортивной организации, которыми руководствуется персонал при выполнении аналитических процедур. Изменения локальных документов должны включать перечень новых показателей, формулы расчета, диапазоны их изменений или критериальные значения. Указанный порядок действий будет способствовать принятию своевременных управленческих решений.

Необходимо подчеркнуть достоинства предлагаемых показателей, которые направлены на совершенствование методических подходов к анализу финансовых ресурсов спортивных организаций:

- оценка осуществляется на основе данных учетных регистров, которые обеспечивают достоверность, объективность, непротиворечивость и значимость полученных результатов;
- ранжирование финансовых источников и их оценка выполняется как в пространстве, то есть в сравнении с другими источниками, так и во времени — на конкретную дату или за определенный период;
- алгоритм расчета всех коэффициентов не требует специального программного обеспечения;
- показатели направлены на повышение эффективности взаимодействия менеджмента организации с финансовыми партнерами.

Таким образом, применение предлагаемых показателей будет способствовать адекватной оценке уровня финансирования каждого партнера, распределению долей внутри группы основных спонсоров и за ее пределами, выявлению доминирования основных спонсоров и/или наличия конкуренции среди финансовых партнеров-агентов. Результаты анализа позволят своевременно ограничить степень влияния, которое спонсоры хотят и могут оказать на спортивную организацию для извлечения своей выгоды, и/или возрастающей «власти» одного или нескольких партнеров-спонсоров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шавандина О. А., Коваленко Е. Ю., Тыдыкова Н. В. Совершенствование анализа уровня финансового участия источников некоммерческой спортивной организации // Экономика устойчивого развития: Региональный научный журнал. 2021. № 2 (46). С. 233–239.

2. Чазова И. Ю., Исраилов М. В. Оценка эффективности деятельности органов государственной власти // Вестник Удмуртского университета. 2019. Т. 29. Вып. 6. С. 776–784.
3. Матвеев Л. П. Общая теория спорта и ее прикладные аспекты. М., 2019. 342 с.
4. Gammelsæter H. Sport is not industry: bringing sport back to sport management // *European Sport Management Quarterly*. 2021. Vol. 21 (2). Pp. 257–279. DOI: 10.1080/16184742.2020.1741013.
5. Lachance E. L., Thompson A., Bakhsh J. T., Parent M. M. Sport management or the management of sport? Reframing the theory debate // *Sport Management Review*. 2024. Vol. 27 (1). Pp. 90–110. DOI: 10.1080/14413523.2023.2243109.
6. Yang D., Babiak K. Exploring the effect of community institutional forces on corporate philanthropy in professional sport // *European Sport Management Quarterly*. 2023. Vol. 23 (3). Pp. 639–661. DOI:10.1080/16184742.2021.1907431.
7. Siegfried N. Relationship marketing: a strategy for acquiring long-term strategic sponsorships in the disability sport sector // *Sport Management Review*. 2023. Vol. 26 (4). Pp. 540–560. DOI:10.1080/14413523.2022.2140886.
8. Kauppinen A., Escamilla-Fajardo P. Sport entrepreneurs» performance in business // *European Sport Management Quarterly*. 2023. Vol. 23 (1). Pp. 250–273. DOI: 10.1080/16184742.2020.1846577.
9. Нефедов В. И., Смерчинская С. О., Яшина Н. П. Построение агрегированного отношения, минимально удаленного от экспертных предпочтений // *Прикладная экспертная математика*. 2018. № 42. С. 120–132.
10. Никитин Б. Е., Ивлиев М. Н., Коробова Л. А. Расчет и анализ рейтинга научных периодических изданий // Вестник ВГУИТ. 2017. № 4 (74). Т. 79. С. 97–103. URL: <https://doi.org/10.20914/2310-1202-2017-4-97-103>.
11. Лихобабин В. К., Морозова Т. И. Анализ уровня концентрации продавцов строительного рынка Астраханской области // *Инженерно-строительный вестник Прикаспия: научно-технический журнал*. 2017. № 1 (19). С. 39–43.

REFERENCES

1. Shavandina O. A., Kovalenko E. Y., Tydykova N. V. Improving the analysis of the level of financial participation of sources of a non-commercial sports organization. *Economics of sustainable development: Regional scientific journal*. 2021. No. 2 (46). Pp. 233–239.
2. Chazova I. Yu., Israilov M. V. Evaluation of the effectiveness of public authorities. *Bulletin of the Udmurt University*. 2019. Vol. 29. Iss. 6. Pp. 776–784.
3. Matveev L. P. General theory of sports and its applied aspects. Moscow, 2019. 342 p.
4. Gammelsæter H. Sport is not industry: bringing sport back to sport management. *European Sport Management Quarterly*. 2021. Vol. 21 (2). Pp. 257–279. DOI: 10.1080/16184742.2020.1741013.
5. Lachance E. L., Thompson A., Bakhsh J. T., Parent M. M. Sport management or the management of sport? Reframing the theory debate. *Sport Management Review*. 2024. Vol. 27 (1). Pp. 90–110. DOI: 10.1080/14413523.2023.2243109.
6. Yang D., Babiak K. Exploring the effect of community institutional forces on corporate philanthropy in professional sport. *European Sport Management Quarterly*. 2023. Vol. 23 (3). Pp. 639–661. DOI: 10.1080/16184742.2021.1907431.
7. Siegfried N. Relationship marketing: a strategy for acquiring long-term strategic sponsorships in the disability sport sector. *Sport Management Review*. 2023. Vol. 26 (4). Pp. 540–560. DOI: 10.1080/14413523.2022.2140886.
8. Kauppinen A., Escamilla-Fajardo P. Sport entrepreneurs» performance in business. *European Sport Management Quarterly*. 2023. Vol. 23 (1). Pp. 250–273. DOI: 10.1080/16184742.2020.1846577.
9. Nefedov V. I., Smerchinskaya S. O., Yashina N. P. Building an aggregated relationship minimally removed from expert preferences. *Applied expert Mathematics*. 2018. No. 42. Pp. 120–132.
10. Nikitin B. E., Ivliev M. N., Korobova L. A. Calculation and analysis of the rating of scientific periodicals. *Vestnik VGUIT*. 2017. № 4 (74). Vol. 79. Pp. 97–103. URL: <https://doi.org/10.20914/2310-1202-2017-4-97-103>.
11. Likhobabin V. K., Morozova T. I. Analysis of the concentration level of sellers of the Astrakhan region construction market. *Engineering and Construction Bulletin of the Caspian Region: scientific and Technical Journal*. 2017. No. 1 (19). Pp. 39–43.

Поступила в редакцию: 27.03.2024.

Принята к печати: 15.05.2024.

УДК 332.145:338.486
DOI 10.14258/epb202450

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В КОНТЕКСТЕ ДИВЕРСИФИКАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА

В. В. Шипунова, Е. В. Иванова, М. В. Цымбалюк

Сибирский государственный индустриальный университет (Новокузнецк, Россия)

В статье раскрыта роль развития туризма в индустриальном регионе, показано, что сырьевая направленность региональной экономики делает ее уязвимой к колебаниям рыночной конъюнктуры, следствием чего является сокращение доходов бюджета, дефицит инвестиционных ресурсов на реализацию проектов, направленных на развитие высокотехнологичных производств, улучшение условий труда и жизни населения, снижение привлекательности территории и отток жителей в другие регионы страны. На основе использования сравнительного подхода выявлены конкурентные преимущества Кемеровской области — Кузбасса по ключевым видам туризма, обоснована целесообразность развития относительно нового для региона, характеризующегося значительным числом промышленных объектов, вида туризма — промышленного. Анализ статистических показателей и причинно-следственных связей продемонстрировал неустойчивую динамику отдельных характеристик туристической отрасли в Кузбассе, что обусловлено в основном влиянием внешних факторов. Акцентируется внимание на том, что дальнейшее развитие туризма при консолидации усилий государства и бизнес-сообщества будет способствовать реализации в регионе принципов ESG-повестки.

Ключевые слова: регион, устойчивое развитие, промышленный туризм, факторы устойчивого развития, диверсификация экономики.

DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE CONTEXT OF TO THE REGIONAL ECONOMY DIVERSIFICATION AS A FACTOR IN SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF AN INDUSTRIAL REGION

V.V. Shipunova, E.V. Ivanova, M.V. Tsymbalyuk

Siberian State Industrial University (Novokuznetsk, Russia)

The article reveals the role of tourism development in an industrial region, shows that the raw material orientation of the regional economy makes it vulnerable to fluctuations in market conditions, resulting in a reduction in budget revenues, a shortage of investment resources for projects aimed at developing high-tech industries, improving working and living conditions of the population, reducing the attractiveness of the territory and the outflow of residents to other regions of the country. Based on the use of a comparative approach, the competitive advantages of the Kemerovo region-Kuzbass in key types of tourism are identified, the expediency of developing a relatively new type of tourism for the region, characterized by a significant number of industrial facilities, is justified. The analysis of statistical indicators and causal relationships has demonstrated the unstable dynamics of certain characteristics of the tourism industry in Kuzbass, which is mainly due to the influence of external factors. Attention is focused on the fact that the further development of tourism, with the consolidation of the efforts of the state and the business community, will contribute to the implementation of the principles of the ESG agenda in the region.

Keywords: region, sustainable development, industrial tourism, factors of sustainable development, economic diversification.

Введение. Индустриальная специфика отдельных регионов и значительное число территорий в них со статусом моногородов, с одной стороны, создают предпосылки для высокого уровня техногенной нагрузки на природно-рекреационный потенциал, для неблагоприятной экологической обстановки в регионе и оттока трудоспособных кадров [1], с другой — раскрывают колоссальные возможности для диверсификации экономики за счет развития промышленного туризма.

В последние годы в научных изданиях активно обсуждаются вопросы и перспективы развития различных видов туризма — экологического (сельского) (например, в работах А. А. Рогожиной, А. В. Ломовцевой [2], В. В. Зимина [3], С. В. Лазукиной [4], Л. А. Шарипжановой [5], В. Н. Бочарникова, А. А. Новоселовой [6]), А. Х. Самвелян, Ю. А. Пшеничник [7], А. Н. Хвайя [8]), медицинского или лечебно-оздоровительного (в частности, в трудах Р. Г. Гулиева [9], Д. С. Тимошенко [10], Т. В. Антюфеевой, О. С. Акимова, Н. Ю. Курепиной, А. Н. Дунец, А. А. Рымарь [11], Б. Б. Жансейтовой, А. С. Бейсембиновой, Е. В. Колотовой [12]), делового (в том числе в исследованиях Т. В. Дегтярёвой, И. В. Борисенко [13], Н. В. Биттер, Д. Д. Ессимовой, К. Камеш, А. В. Гензе [14]), образовательного (в работе Т. В. Мусатовой и С. В. Шединой [15]), этнического

(в частности, в публикации А. Дуйсембаева, Р. Мукатовой [16]).

В исследованиях, посвященных туристическим трендам, авторами выделяются стратегические преимущества отдельных территорий, как российских [17–21], так и зарубежных [22–27], подчеркивается роль развития туристической отрасли в повышении инвестиционной привлекательности территории [28], обеспечении ее устойчивого развития [29], повышении качества жизни населения [30]. При этом недостаточно раскрытыми, на наш взгляд, остаются проблемы развития промышленного туризма в индустриально развитых регионах с большим количеством действующих промышленных объектов и пути решения этих проблем.

Методы исследования. Одним из крупнейших промышленных регионов России является Кемеровская область — Кузбасс. Основу региональной экономики составляют угольная и обрабатывающая промышленности, при этом значительную долю в последней занимает металлургия.

Проведенный статистический анализ показал, что валовый региональный продукт Кемеровской области планомерно увеличивается за несколько последних лет. В 2022 г. он составил 2188,8 млрд руб.

Структура валового регионального продукта Кемеровской области — Кузбасса представлена на рисунке 1.

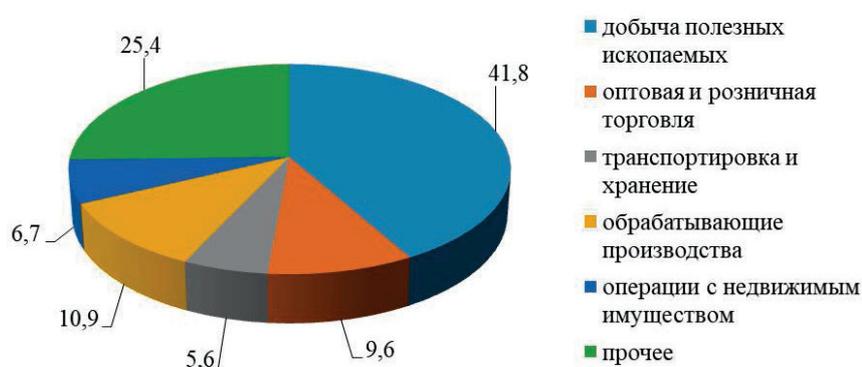

Рис. 1. Структура валового регионального продукта (2022 г.), %

Структурный анализ экономики Кузбасса демонстрирует преобладание в валовом региональном продукте (ВРП) доли добычи полезных ископаемых (в 2022 г. — 41,8%). Второе место занимают обрабатывающие производства (10,9%), далее идут оптовая и розничная торговля, на которые приходится 9,6%, операции с недвижимостью — 6,7%, транспортировка и хранение — 5,6%. На прочие виды деятельности, в которые входит и туризм, приходится 25,4% ВРП.

Доход в консолидированный бюджет региона от экономической деятельности в сфере туризма

в 2021 г. составил 3973757 тыс. руб., в 2022 г. сумма сократилась почти в два раза — 1875911 тыс. руб.

Зависимость от конъюнктуры рынка сырьевых товаров и, как следствие, замедление темпов роста промышленного производства, отрицательный сальдированный финансовый результат по предприятиям региона в отдельные периоды, низкая инновационная активность, отток человеческого капитала и снижение доли продукции с высокой добавленной стоимостью все в большей степени заставляют региональные власти, научное и бизнес-сообщества искать пути повышения

привлекательности региона для сохранения трудоспособного населения, обеспечения применения имеющегося интеллектуального потенциала и устойчивого развития региона.

Полученные результаты и их обсуждение.

Одним из направлений решения данной задачи видится диверсификация региональной экономики за счет развития туристической отрасли. Туризм, являясь консолидирующей отраслью, выступает драйвером развития предпринимательства в смежных отраслях — общественном питании, сельском хозяйстве, пищевой промышленности, связи, транспорте, легкой промышленности и деревообработке, индустрии развлечений и отдыха, торговле, сфере бытовых услуг и прочих. Кроме того, в отличие от промышленных производств туризм в меньшей степени оказывает негативное влияние на природные ресурсы и экологию.

Приоритеты развития туризма на региональном уровне заложены в следующих стратегических документах: Стратегии развития туризма в Кемеровской области до 2025 г., утвержденной распоряжением Коллегии Администрации Кемеровской области от 1 марта 2013 г. № 194-р¹, Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области — Кузбасса на период до 2035 г.², принятой Советом народных депутатов Кемеровской области 21 декабря 2018 г.

Согласно этим документам и статистическим данным, наиболее перспективными видами туризма в регионе, растущими опережающими темпами, называются культурно-познавательный туризм, спортивный и приключенческий туризм, специализированный туризм (экологический, образовательный, событийный, лечебно-оздоровительный) и деловой туризм.

Культурно-познавательный туризм развивается в регионе благодаря наличию более 700 памятников истории, находящихся на его территории. Среди них есть как древнейшие, так и те, что созданы в наше время и уже стали достопримечательностями. Из наиболее посещаемых можно отметить: музей-заповедник «Томская писаница», музей-заповедник «Кузнецкая крепость», город-музей Мариинск, Шестаковский палеонтологический комплекс, этнографический музей «Газгол», музей-заповедник «Красная Горка».

Развитию экологического туризма в Кемеровской области способствует расположенные на ней пять особо охраняемых природных территорий федерального значения и 20 заказников и памятников природы регионального значения. Многие

из них доступны для посещения круглый год и каждый — уникальный в своем роде. Один из наиболее посещаемых — государственный природный заповедник «Кузнецкий Алатау».

Приоритетным направлением спортивного туризма и национальным проектом государственного масштаба является Шерегеш — самый популярный горнолыжный комплекс, известный не только в России, но и в мире. В общем объеме туристического потока в Кемеровскую область на горнолыжный туризм приходится 70%. В 2023 г. ее посетили 2,292 млн человек, что на 108 тыс. человек больше, чем в 2022 г. Горнолыжный туризм развивается в 12 районах Кузбасса. Протяженность горнолыжных трасс и число подъемников, как критерии сравнения привлекательности горнолыжных курортов, выводят Кузбасс на 1-е место среди регионов Сибири и Дальнего Востока.

В Кузбассе насыщенный событийный календарь, который является лучшим в России по версии Всероссийского конкурса событийного туризма «Russia event award». Наиболее яркими событиями являются: Грелкафест в апреле; Прогеш, Динотера, Сабантуй — в июне; Джаз у старой крепости, Окрашено, Вотэтно, День сибирского купечества — в июле; Симфоночь — в августе; Шерегешфест — в ноябре.

В Кемеровской области создана вся необходимая инфраструктура для делового туризма: существуют современные площадки для организации деловых мероприятий: форумов, конференций, выставок. Одной из наиболее известных площадок является международный угольный форум «Уголь России и Майнинг». По данным Общероссийского рейтинга выставок, данный форум признан самой крупной выставкой в России в номинациях «Выставочная площадь», «Профессиональный интерес», «Международное признание» и «Охват рынка» по тематике «Природные ресурсы. Горнодобывающая промышленность». За все время его деятельности экспонентами форума стали более 5000 предприятий из 30 стран мира, а посетителями — почти 500 000 специалистов различных сфер экономики и производства.

Для развития лечебно-оздоровительного туризма в Кузбассе имеется значительное количество рекреационных ресурсов: чистый воздух (благодаря преобладанию горного рельефа), богатые источники с минеральной водой и грязями (долина реки Терсь, а также село Борисовское; село Берчикульское), множество водных ресурсов (в Кузбассе — более 32 тысяч рек, а также 850 озер и четыре крупных водохранилища).

¹ URL: <https://docs.cntd.ru/document/412811132>

² URL: <https://docs.cntd.ru/document/550305101>

Ключевыми туристическими зонами региона являются Тисульский, Гурьевский, Междуреченский и Таштагольский районы, отличающиеся красивейшими горными склонами, комфортабельными условиями размещения, наличием природных памятников. При этом данные Федеральной служ-

бы государственной статистики не демонстрируют стабильного роста числа туристических фирм, осуществляющих деятельность в регионе (рис. 2).

Схожую динамику демонстрирует и число турпакетов, реализованных населению в Кузбассе (рис. 3).

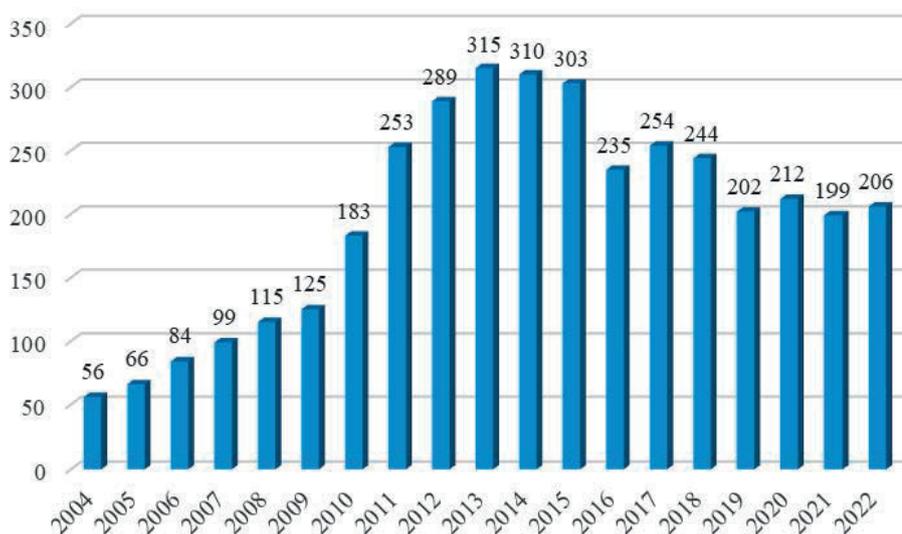

Рис. 2. Динамика числа туристических фирм в Кузбассе в 2004–2022 гг.³

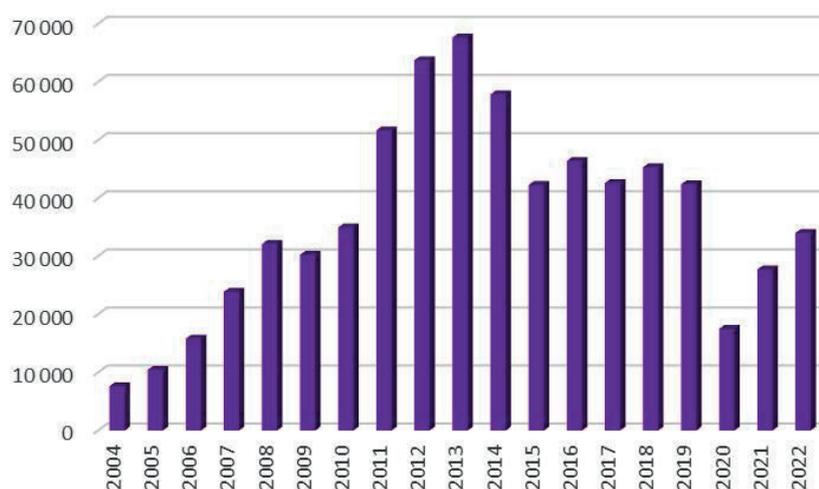

Рис. 3. Динамика числа турпакетов, реализованных населению в Кузбассе

Динамика числа реализованных в регионе турпакетов в основном обусловлена удорожанием зарубежных туров в результате роста курса доллара после 2014 г. и, соответственно, падением пла-

тежеспособного спроса, пандемией коронавируса в 2020–2021 гг. Путешествия внутри региона, как правило, не требуют от населения приобретения турпакетов и не отражаются на динамике по-

³ Составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm>.

казателя рисунка 2. Въездной туризм тоже не оказывает влияния на динамику данного показателя. Динамика числа туристических фирм в регионе объясняется теми же причинами, а также усиливающейся конкуренцией на рынке туристических услуг со стороны организаций, реализующих туристические услуги в онлайн-формате (прямые продажи отелей и гостиниц, продажи турфирм из других регионов).

В большей степени состояние туристической отрасли региона характеризует объем туристического потока: по данным Федеральной службы государственной статистики, в 2019 г. в Кузбассе он вырос в 1,3 раза по сравнению с 2016 г. — до 2 млн посещений, в 2023 г. число посещений составило уже 2,292 млн. При этом общее число мест размещения в гостиницах, санаториях, домах отдыха, туристических базах, мотелях и кемпингах к 2023 г. возросло до 25898 мест (рис. 3) и будет доведено

к 2030 г., согласно Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области — Кузбасса на период до 2035 г., до 30 тыс. мест.

Инвестиционную привлекательность развития традиционных видов туризма в Кузбассе тормозит отсутствие необходимой инфраструктуры — устаревшие системы водоснабжения и канализации, теплоснабжения, пробки на дорогах в пик сезона. Строительство инфраструктуры позволит снять существующие ограничения и реализовать ряд инвестиционных проектов, в результате чего возрастет общее количество новых рабочих мест.

В 2024 г. было предусмотрено финансирование регионального проекта «Развитие туристической инфраструктуры» из бюджетов разных уровней на сумму 2347784,29 тыс. руб., в 2025 и 2026 гг. бюджетное финансирование по данному проекту составит в сумме лишь 449360 тыс. руб. (табл.).

Объем финансового обеспечения государственной программы в области туризма в 2024–2026 гг.

Наименование государственной программы, структурного элемента/ источник финансового обеспечения	Объем финансового обеспечения по годам реализации, тыс. руб.			
	2024	2025	2026	Всего
Государственная программа (всего), в том числе	2451650,30	318110,90	318110,90	3087872,10
Региональный бюджет, из них	2439957,30	318110,90	318110,90	3076179,10
Федеральный бюджет (справочно)	2023619,70	-	-	2023619,70
Местный бюджет	11692,99	-	-	11692,99
Региональный проект «Развитие туристической инфраструктуры (Кемеровская область — Кузбасс)»	2347784,29	224680,00	224680,00	2797144,29
Региональный бюджет, из них	2336091,30	224680,00	224680,00	278451,30
Федеральный бюджет (справочно)	2023619,70	-	-	2023619,70
Местный бюджет	11692,99	-	-	11692,99
Региональный проект «Визит Кузбасс»	19585,10	9150,00	9150,00	37885,10
Региональный бюджет	19585,10	9150,00	9150,00	37885,10
Комплекс процессных мероприятий «Организационно-аналитическое обеспечение реализации государственной программы»	84280,90	84280,90	84280,90	252842,70
Региональный бюджет	84280,90	84280,90	84280,90	252842,70

Столь значительное сокращение бюджетного финансирования при отсутствии частного стратегического инвестора (группы инвесторов) не позволяет ожидать значительных улучшений инфраструктуры в ближайшие годы, а значит, сегмент спортивного (и в частности, горнолыжного) туризма будет развиваться не так активно, как хотелось бы.

Целевая установка в стратегическом региональном документе — Кузбасс — регион всепогодного отдыха и досуга, а также большое число промышленных объектов на территории региона,

повышает привлекательность промышленного туризма, что, тем не менее, в вышеуказанной Стратегии не определяется.

Промышленный туризм в Кузбассе развивается в основном как на базе действующих предприятий ключевых отраслей экономики — угольной промышленности (ПАО «Кокс», АО ХК «СДС-Уголь», АО «Черниговец», ПАО «Южный Кузбасс», АО «УК «Кузбассразрезуголь», АО «СУЭК-Кузбасс»), предприятий металлургической, перерабатывающей и химической промышленности (ООО «ЕВРАЗ», Гурьевский металлургический завод, АО «Азот»,

АО «Кузнецкие ферросплавы», ОК «Сибшахтострой», ООО «КАМСС» и др.), так и предприятий других отраслей промышленности (АО «Гурьевский пищекомбинат», Гурьевский хлебокомбинат (ИП Акушев), Кемеровская ГРЭС АО «Кемеровская генерация», ООО «Индустрия питания» и др.) [32].

Явным преимуществом развития данного направления туризма является незначительная сумма начальных вложений капитала индустриальной компании по сравнению с открытием других видов туризма «с нуля». Фактически имеющиеся у предприятия активы используются иным образом и начинают генерировать дополнительный денежный поток. Альтернативой денежному потоку могут служить иные предпочтения для промышленного предприятия — реформатирование образа компании в глазах существующих и потенциальных работников, рост деловой репутации предприятия, привлечение новых кадров в результате своевременной и успешной профориентации, развитие трудовых династий, формирование у молодежи представления о рабочей профессии и повышение ее престижности, знакомство заинтересованных лиц (в первую очередь, опять же — молодежи) с используемыми технологиями, содержанием и масштабами технологических процессов.

Относительно новое для Кузбасса туристское направление имеет высокий экономический потенциал и должно способствовать развитию иных видов туризма (поскольку турист, как правило, приобретает комплексный тур, включающий, в том числе, экскурсии на промышленные предприятия), стимулировать предприятия к совершенствованию организации производства и труда, способствовать развитию новых видов предпринимательской деятельности.

Между тем опыт реализации промышленного туризма в других регионах страны [32–35] свидетельствует о том, что имеется ряд факторов, ограничивающих развитие регионального промышленного туризма. Ключевой — дефицит кадров

в туротрасли и, в частности, отсутствие в штате промышленных предприятий или сотрудничающих с ними туристических компаний специалистов-экскурсоводов (в том числе со знанием иностранных языков). Среди других факторов можно назвать закрытость предприятий из-за боязни утечки коммерческой информации или интеллектуальной собственности, сложность получения доступа на объект и обеспечения безопасности туристов в силу непригодности производственных помещений для таких визитов.

Важно понимать, что развитие в регионе промышленного туризма будет стимулировать создание новых рабочих мест и, соответственно, увеличение доходов бюджета.

Заключение. Развитие туризма в целом в Кузбассе позволит диверсифицировать региональную экономику, расширить традиционные сложившиеся сферы восприятия региона не только как развитого промышленного центра, но и как региона все-сезонного отдыха и досуга. В принятой стратегии развитие экологического туризма и окружающей среды, сохранения природных богатств разумно переплетается с экономическими выгодами. Это повышает устойчивость экономики региона и отвечает требованиям ESG-повестки: в ней гармонично сочетаются интересы бизнеса, социальное и экологическое направления развития области, учитываются национальные интересы и приоритеты. Следование новым международным стандартам работы в соответствии с ESG-принципами является необходимостью сегодняшней повестки развития не только предприятий, но и региональных территорий. Такой подход, с одной стороны, повышает их конкурентоспособность, а с другой — реализует требования по достижению целей устойчивого развития. При этом необходимо понимать, что эффективность реализации ESG-модели в региональной экономике сопряжена как с активной государственной поддержкой, так и с усилиями самого бизнес-сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гутак О. Я., Иванова Е. В., Попова О. А., Хренова А. В. Высшее образование в контексте обеспечения устойчивого развития Кузбасса // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2022. № 2. С. 30–45.

2. Рогожина А. А., Ломовцева А. В. Перспективы развития экологического туризма на современном этапе развития российского общества // Грани гостеприимства-2023: материалы V Международной научно-практической конференции. Казань, 2024. С. 69–71.

3. Зимин В. В. Перспективы развития экологического туризма в Российской Федерации как фактор экономического развития // Управление социально-экономическим развитием: инновационный и стратегический подходы: сборник научных трудов по материалам Национальной научно-практической конференции. Гатчина, 2020. С. 107–111.

4. Лазукина С. В. Развитие «зеленого» туризма в Пермском крае: современное состояние и перспективы развития // Зеленый туризм в России: современное состояние, проблемы и перспективы развития: сборник статей по итогам II Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 63–67.
5. Sharipzhanova L. A. Экологический туризм и его роль в устойчивом развитии территории (на примере Восточно-казахстанской области) // Лучшая научно-исследовательская работа 2020: сборник статей XXIX Международного научно-исследовательского конкурса / под общей редакцией Г. Ю. Гуляева. Пенза, 2020. С. 37–42.
6. Бочарников В. Н., Новоселова А. А. Рекомендации по развитию экологического туризма в Приморском крае на основе принципов устойчивого развития и экологического туризма // География и туризм. 2023. № 2 (12). С. 63–70.
7. Samvelyan A. H., Pshenichnykh Yu. A. Problems and prospects of rural tourism development in Russia // Туризм и креативные технологии в экономике впечатлений: материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Пермь, 2023. С. 253–260.
8. Khwaja A. N. Drivers of sustainable development of rural tourism: european experience // Services in Russia and Abroad. 2022. Vol. 16. № 1 (98). С. 74–89.
9. Гулиев Р. Г. Перспективы развития лечебно-оздоровительного туризма в Азербайджане // Экономический вестник Донбасса. 2020. № 2 (60). С. 78–83.
10. Timoshenko D. S. Genesis, challenges and applications of medical tourism in the Voronezh region, Russian Federation // Sochi Journal of Economy. 2020. Vol. 14. № 4. С. 410–424.
11. Антюфеева Т. В., Акимов О. С., Курепина Н. Ю., Дунец А. Н., Рымарь А. А. Гидроминеральные ресурсы как фактор развития лечебно-оздоровительного туризма в Алтайском крае // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. 2019. № 11. С. 63–76.
12. Zhanseitova B. B., Beisembinova A. S., Kolotova E. V. Development of spa industry and health tourism system in the republic of Kazakhstan // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. 2019. Т. 15. № 1. С. 270–276.
13. Дегтярёва Т. В., Борисенко И. В. Организационно-технологические аспекты развития делового туризма // Экономика и предпринимательство. 2018. № 5 (94). С. 736–741.
14. Bitter N. V., Yessimova D. D., Kamesh K., Genze A. V. Priority areas of business tourism development in the republic of Kazakhstan // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. 2023. № 15. С. 57–61.
15. Мусатова Т. В., Шедина С. В. История развития образовательного туризма в России // Научные исследования и современное образование: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары, 2021. С. 71–75.
16. Duissembayev A., Mukatova R. Ethno-tourism in ulytau region as an element to achieve sustainable development goals // Sciences of Europe. 2020. № 50–3 (50). Pp. 56–62.
17. Клиценко М. В. Развитие туризма в Хабаровском крае в призме развития транспорта // Социально-экономические, культурологические и исторические предпосылки развития сервиса и туризма: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Хабаровск, 2020. С. 54–57.
18. Khrushcheva A. M., Khrushchev I. M., Lyakhova E. G. Marketing issues of sustainable tourism development in russian regions // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы: сборник материалов XV Международной студенческой научно-практической конференции. М., 2021. С. 217–223.
19. Safronova T. N., Balyabina T. A., Evtukhova O. M., Shitova D. D., Aleksandrenko N. A. Domestic tourism is a modern trend in the development of the market of tourism services in Russia // Экономика и предпринимательство. 2022. № 11 (148). С. 505–512.
20. Лихоиваненко О. А., Мищенко А. А. Туризм и устойчивое развитие территорий: роль особо охраняемых природных территорий в развитии туризма Краснодарского края // Туристско-рекреационный комплекс в системе регионального развития: материалы IX Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2021. С. 158–162.
21. Дадаева У. С., Камалутдинова Н. К. Стратегия развития туризма в регионах России: республика Дагестан как перспективный регион для развития туризма // Экономика и предпринимательство. 2021. № 4 (129). С. 363–366.
22. Myroslawa Michelli K. The role of tourism in the development of the Brazilian economy // Policy, Economy and Innovations. 2020. № 2 (31). С. 5.
23. Imangulova T., Kulakhmetova G., Kulakhmetova R. International practice and new opportunities for sustainable development of active tourism in the Kazakhstan section of the great silk road // Теория и методика физической культуры. 2020. № 2 (60). С. 166–173.

24. Usmanova S. Improvement of international-legal cooperation of Uzbekistan for development of tourism // Review of law Sciences. 2018. №2. С. 55–58.
25. Matkarimov S. A., Olivier G., Hegay S. V., Dzhunushova A. I., Tagaeva J. S., Karybek uulu S., Baichubakova N. K., Akylbekova T. K., Ostaschenko A. N., Fyodorova S. Zh., Valade E., Zhunushov A. T. Biological safety in protected areas for the development of tourism in the kyrgyz republic // Известия Национальной академии наук Кыргызской Республики. 2020. №2. С. 55–62.
26. Alekseyenko T. N., Jazykbayeva B. K., Zhumabekova M. B. Strategies for the effective development of the tourism industry of Kazakhstan in the post-pandemic period // Actual Issues of the Modern Economy. 2022. №12. С. 300–306.
27. Abdrakhmanova S. E., Moghavyemi S. Tourism development on the example of central asian countries // Central Asian Economic Review. 2022. №4 (145). С. 130–140.
28. Shokarimov Sh. Sh., Silman Yu. Yu. Tourism development as a factor of investment attractiveness of the Tomsk region // The Problems of the Construction Economics and Management in Environmentally Sustainable Development: материалы IX on-line Международной научно-практической конференции / под научной редакцией Л. А. Каверзиной, И. П. Нужиной, С. А. Астафьева. Братск, 2022. С. 527–535.
29. Персыпка М. П. Особенности развития туризма в заповедниках в рамках концепции устойчивого развития // Человек и современный мир. 2020. №4 (41). С. 3–10.
30. Гайдаенко А. А., Худов А. М. Перспективы развития сельского туризма в рамках государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» // Вестник Российского государственного аграрного заочного университета. 2021. №38 (43). С. 76–82.
31. Климашина Ю. С., Иванова Е. В., Шипунова В. В., Притужалова Ю. А. Разработка концептуальных моделей высшего образования для обеспечения устойчивого развития Кузбасса = Design of higher education conceptual models to ensure sustainable development of Kuzbass // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2022. №4 (72). С. 1–22. URL: <http://library.sibsiu.ru>.
32. Чхотуа И. З., Власюк Л. И., Задорожная Г. В. Развитие промышленного туризма в регионах России: стратегический анализ // Экономическое возрождение России. 2021. №4 (70). С. 156–174.
33. Оборин М. С. Современное состояние и перспективы развития промышленного туризма в Ростовской области // Региональная экономика. Юг России. 2023. Т. 11. №2. С. 207–216.
34. Танкиева Т. А., Пономарева М. В. Исследование предпочтений потребителей и проблем развития промышленного туризма в старопромышленном регионе (на примере Тульской области) // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. №1 (49). С. 165–183.
35. Плещенко В. И. Использование потенциала промышленного туризма металлургическими предприятиями современной России // Экономика промышленности. 2020. Т. 13. №2. С. 218–224.

REFERENCES

1. Gutak O. Ya., Ivanova E. V., Popova O. A., Khrenova A. V. Higher education in the context of ensuring sustainable development of Kuzbass. Bulletin of the Buryat State University. Economics and Management. 2022. No. 2. Pp. 30–45.
2. Rogozhina A. A., Lomovtseva A. V. Prospects for the development of ecological tourism at the present stage of development of Russian society. Facets of hospitality-2023: materials of the V International Scientific and Practical Conference. Kazan, 2024. Pp. 69–71.
3. Zimin V. V. Prospects for the development of ecological tourism in the Russian Federation as a factor of economic development. Management of socio-economic development: innovative and strategic approaches: collection of scientific papers based on the materials of the National Scientific and Practical Conference. Gatchina, 2020. Pp. 107–111.
4. Lazukina S. V. The development of «green» tourism in the Perm region: the current state and prospects of development. Green tourism in Russia: the current state, problems and prospects of development: collection of articles on the results of the II International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2021. Pp. 63–67.
5. Sharipzhanova L. A. Ecological tourism and its role in the sustainable development of the territory (on the example of the East Kazakhstan region). The best research work-2020: collection of articles of the XXIX International Research Competition / under the general editorship of G. Y. Gulyaev. Penza, 2020. Pp. 37–42.
6. Bocharnikov V. N., Novoselova A. A. Recommendations for the development of ecological tourism in the Primorsky Territory based on the principles of sustainable development and ecological tourism. Geography and Tourism. 2023. No. 2 (12). Pp. 63–70.

7. Samvelyan A. H., Pshenichnykh Yu. A. Problems and prospects of rural tourism development in Russia. Tourism and creative technologies in the economy of impressions: materials of the All-Russian scientific and practical conference (with international participation). Perm, 2023. Pp. 253–260.
8. Khwaja A. N. Drivers of sustainable development of rural tourism: european experience. Services in Russia and Abroad. 2022. Vol. 16. No. 1 (98). Pp. 74–89.
9. Guliyev R. G. Prospects for the development of medical and health tourism in Azerbaijan. Economic Bulletin of Donbass. 2020. No. 2 (60). Pp. 78–83.
10. Timoshenko D. S. Genesis, challenges and applications of medical tourism in the Voronezh region, Russian Federation. Sochi Journal of Economy. 2020. Vol. 14. No. 4. Pp. 410–424.
11. Antyufeeva T. V., Akimov O. S., Kurepina N. Yu., Dunets A. N., Rymar A. A. Hydromineral resources as a factor in the development of health tourism in the Altai Territory. Science and tourism: strategies of interaction. 2019. No. 11. Pp. 63–76.
12. Zhanseitova B. B., Beisembinova A. S., Kolotova E. V. Development of spa industry and health tourism system in the republic of Kazakhstan. The tourism industry: opportunities, priorities, challenges and prospects. 2019. Vol. 15. No. 1. Pp. 270–276.
13. Degtyareva T. V., Borisenko I. V. Organizational and technological aspects of business tourism development. Economics and entrepreneurship. 2018. No. 5 (94). Pp. 736–741.
14. Bitter N. V., Yessimova D. D., Kamesh K., Genze A. V. Priority areas of business tourism development in the republic of Kazakhstan. Science and tourism: strategies for interaction. 2023. No. 15. Pp. 57–61.
15. Musatova T. V., Shadina S. V. The history of the development of educational tourism in Russia. Scientific research and modern education: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Cheboksary, 2021. Pp. 71–75.
16. Duissembayev A., Mukatova R. Ethno-tourism in ulytau region as an element to achieve sustainable development goals. Sciences of Europe. 2020. No. 50–3 (50). Pp. 56–62.
17. Klitsenko M. V. Tourism development in the Khabarovsk Territory through the prism of transport development. Socio-economic, cultural and historical prerequisites for the development of service and tourism: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Khabarovsk, 2020. Pp. 54–57.
18. Khrushcheva A. M., Khrushchev I. M., Lyakhova E. G. Marketing issues of sustainable tourism development in russian regions. The tourism industry: opportunities, priorities, problems and prospects: collection of materials of the XV International Student Scientific and practical Conference. Moscow, 2021. Pp. 217–223.
19. Safronova T. N., Balyabina T. A., Evtukhova O. M., Shitova D. D., Aleksandrenko N. A. Domestic tourism is a modern trend in the development of the market of tourism services in Russia. Economics and entrepreneurship. 2022. No. 11 (148). Pp. 505–512.
20. Likhovivanenko O. A., Mishchenko A. A. Tourism and sustainable development of territories: the role of specially protected natural territories in the development of tourism in the Krasnodar Territory. Tourist and recreational complex in the system of regional development: materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2021. Pp. 158–162.
21. Dadaeva U. S., Kamalutdinova N. K. Tourism development strategy in the regions of Russia: the Republic of Dagestan as a promising region for tourism development. Economics and entrepreneurship. 2021. No. 4 (129). Pp. 363–366.
22. Myroslawa Michelli K. The role of tourism in the development of the Brazilian economy. Policy, Economy and Innovations. 2020. No. 2 (31). Pp. 5.
23. Imangulova T., Kulakhmetova G., Kulakhmetova R. International practice and new opportunities for sustainable development of active tourism in the Kazakhstan section of the great silk road. Theory and methodology of physical culture. 2020. No. 2 (60). Pp. 166–173.
24. Usmanova S. Improvement of international-legal cooperation of Uzbekistan for development of tourism. Review of law Sciences. 2018. No 2. Pp. 55–58.
25. Matkarimov S. A., Olivier G., Hegay S. V., Dzhunushova A. I., Tagaeva J. S., Karybek uulu S., Baichubakova N. K., Akylbekova T. K., Ostaschenko A. N., Fyodorova S. Zh., Valade E., Zhunushov A. T. Biological safety in protected areas for the development of tourism in the kyrgyz republic. Proceedings of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic. 2020. No. 2. Pp. 55–62.
26. Alekseyenko T. N., Jazykbayeva B. K., Zhumabekova M. B. Strategies for the effective development of the tourism industry of Kazakhstan in the post-pandemic period. Actual Issues of the Modern Economy. 2022. No. 12. Pp. 300–306.

27. Abdrakhmanova S. E., Moghavyemi S. Tourism development on the example of central asian countries. *Central Asian Economic Review*. 2022. No. 4 (145). Pp. 130–140.
28. Shokarimov Sh. Sh., Silman Yu. Yu. Tourism development as a factor of investment attractiveness of the Tomsk region. *The Problems of the Construction Economics and Management in Environmentally Sustainable Development: materials of the IX on-line International Scientific and Practical Conference / under the scientific editorship of L. A. Kaverzina, I. P. Nuzhina, S. A. Astafiev*. Bratsk, 2022. Pp. 527–535.
29. Persypka M. P. Features of tourism development in nature reserves within the framework of the concept of sustainable development. *Man and the modern world*. 2020. No. 4 (41). Pp. 3–10.
30. Gaidaenko A. A., Khudov A. M. Prospects for the development of rural tourism within the framework of the state program «Integrated development of rural territories». *Bulletin of the Russian State Agrarian Correspondence University*. 2021. No. 38 (43). Pp. 76–82.
31. Klimashina Yu. S., Ivanova E. V., Shipunova V. V., Prituzhalova Yu. A. Development of conceptual models of higher education to ensure sustainable development of Kuzbass = Design of higher education conceptual models to ensure sustainable development of Kuzbass. *Regional economics and management: electronic scientific journal*. 2022. No. 4 (72). Pp. 1–22. URL: <http://library.sibsiu.ru>.
32. Chhotua I. Z., Vlasjuk L. I., Zadorozhnaya G. V. Development of industrial tourism in the regions of Russia: strategic analysis. *The economic revival of Russia*. 2021. No. 4 (70). Pp. 156–174.
33. Oborin M. S. The current state and prospects of industrial tourism development in the Rostov region. *Regional economy. The South of Russia*. 2023. Vol. 11. No. 2. Pp. 207–216.
34. Tankieva T. A., Ponomareva M. V. Research of consumer preferences and problems of industrial tourism development in the old industrial region (on the example of the Tula region). *Journal of the New Economic Association*. 2021. No. 1 (49). Pp. 165–183.
35. Pleshchenko V. I. Using the potential of industrial tourism by metallurgical enterprises of modern Russia. *The economics of industry*. 2020. Vol. 13. No. 2. Pp. 218–224.

Поступила в редакцию: 07.05.2024.

Принята к печати: 10.06.2024.

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

1. **Аверьяскина Анастасия Сергеевна**, аспирант Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИИХ» (Новосибирск, Россия), e-mail: musicls@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-6189-6419.

2. **Альханакта Вероника Владимировна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры международной политической экономии Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь), e-mail: ver-grbko@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0003-4401-532X.

3. **Беляева Виктория Евгеньевна**, инженер Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), магистрант Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: victoriya_vika-200@yandex.ru.

4. **Гальченко Светлана Алексеевна**, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой менеджмента, маркетинга и управления персоналом Курского государственного университета (Курск, Россия), e-mail: galchenko_sa@kursksu.ru. ORCID ID: 0000-0003-3238-7492.

5. **Иванова Елена Владимировна**, кандидат экономических наук, начальник управления образовательной деятельности и информационно-аналитического мониторинга Сибирского государственного индустриального университета (Новокузнецк, Россия), e-mail: ivanovaev75@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-3174-0426.

6. **Ильинова Ольга Владимировна**, кандидат экономических наук, директор автономной некоммерческой организации «Центр «Мой бизнес» Курской области» (Курск, Россия), e-mail: ilinova_ov@rambler.ru.

7. **Кириллов Алексей Андреевич**, заместитель начальника отдела обеспечения деятельности Аппарата генерального директора АО «Государственная транспортная лизинговая компания»; аспирант Университета мировых цивилизаций (Москва, Россия), e-mail: alexey-kirillov@internet.ru.

8. **Коваленко Екатерина Юрьевна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: ekov_@mail. ORCID ID: 0000-0002-9860-6371.

9. **Коган Антон Борисович**, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики предпринимательской деятельности и логистики Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИИХ» (Новосибирск, Россия), e-mail: KogAnt@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-2188-0898.

10. **Кылдыгай Ай-кыс Чамдаловна**, научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов (Кызыл, Россия), e-mail: aikys_k@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-4608-7968.

11. **Лизина Ольга Михайловна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры теоретической экономики и экономической безопасности Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева (Саранск, Россия), e-mail: lizinaom@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0001-7965-4151.

12. **Лифшиц Аркадий Семенович**, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента Ивановского государственного университета (Иваново, Россия), e-mail: lifshits2011@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0001-7199-7010.

13. **Логинова Светлана Леонидовна**, старший преподаватель кафедры экономики, менеджмента, маркетинга и технологий экономического образования Российского профессионально-педагогического университета (Екатеринбург, Россия), e-mail: loginsvet1@rambler.ru. ORCID ID: 0009-0007-8545-208X.

14. **Лякишева Валентина Григорьевна**, доцент кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: valbarnaul22@gmail.com.

15. **Майкова Светлана Эдуардовна**, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой теоретической экономики и экономической безопасности Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева (Саранск, Россия), e-mail: maykova_se@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-7333-9716.

16. **Мальшев Юрий Авенирович**, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Пермь, Россия), e-mail: urmal52@yandex.ru.

17. **Мамлеева Эльвира Рашидовна**, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Научного центра социально-экономического анализа Института стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан (Уфа, Россия), e-mail: Elvira.mamleeva@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0002-4165-257X.

18. **Медведева Людмила Сергеевна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и менеджмент» Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону, Россия), e-mail: milla1988@mail.ru.

19. **Мищенко Валерий Викторович**, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: ikmischenko@mail.ru.

20. **Мищенко Виталий Викторович**, доктор экономических наук, заведующий кафедрой региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: m.vitaly53@mail.ru.

21. **Рабцевич Андрей Александрович**, кандидат экономических наук, доцент Института экономики, управления и бизнеса (Уфа, Россия); заместитель директора Дирекции управления программой развития «Приоритет-2030» Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Россия), e-mail: cruiser333@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0002-1478-4251.

22. **Родионова Людмила Васильевна**, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), e-mail: Ivirilil@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-2343-2466.

23. **Рощина Ирина Викторовна**, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия), e-mail: riv58@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0002-6059-2840.

24. **Савченко Яна Валерьевна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры корпоративной экономики и управления бизнесом Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия), e-mail: syav@usue.ru.

25. **Тарасова Ольга Сергеевна**, кандидат географических наук, заведующий кафедрой экологической безопасности и управления природопользованием Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ» (Новосибирск, Россия), e-mail: o.s.tarasova@edu.nsuem.ru. ORCID ID: 0000-0003-4250-7259.

26. **Ткаченко Ирина Николаевна**, доктор экономических наук, заведующий кафедрой корпоративной экономики и управления бизнесом Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия), e-mail: Tkachenko@usue.ru. ORCID ID: 0000-0003-0996-0684.

27. **Трофимова Наталья Владимировна**, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Научного центра социально-экономического анализа Института стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан (Уфа, Россия), e-mail: trofimovanv@isi-rb.ru. ORCID ID: 0000-0002-9162-9757.

28. **Троцкий Александр Яковлевич**, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия); профессор кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: trotskovskiy@dc.asu.ru. ORCID ID: 0000-0002-3233-8570.

29. **Цымбалюк Марина Валерьевна**, старший преподаватель кафедры учета и финансов Сибирского государственного индустриального университета (Новокузнецк, Россия), e-mail: tymbalyukmarina@yandex.ru.

30. **Чучкалова Елена Ивисстальевна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, менеджмента, маркетинга и технологий экономического образования Российского профессионально-педагогического университета (Екатеринбург, Россия), e-mail: lika_tin@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-3564-7299.

31. **Чухно Арина Владимировна**, бакалавр по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление» Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: chukhno02@list.ru.

32. **Шавандина Ольга Александровна**, кандидат экономических наук, ведущий документовед научного отдела юридического института Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: shao07@rmbler.ru. ORCID ID: 0000-0002-5083-2169.

33. **Шипунова Вера Васильевна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры учета и финансов Сибирского государственного индустриального университета (Новокузнецк, Россия), e-mail: shipunovav@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0001-5692-6580.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС»

ARTICLE SUBMISSION GUIDELINES FOR “ECONOMICS PROFESSION BUSINESS”

1. Статья представляется в электронном варианте по адресу: erb@asu.ru:

- Название файла по фамилии автора или первого из авторов.
- Используется одна из последних версий текстового редактора WORD.
- Объем публикации не должен превышать 0,5 п. л. (20 000 знаков с пробелами или примерно 11 страниц, включая список литературы, сведения об авторах и иллюстрации); для кандидатов и докторов наук объем публикаций не должен превышать 1,0 п. л. (40 000 знаков с пробелами или примерно 22 страницы), минимальный объем статьи составляет 0,35 п. л. (14 500 знаков с пробелами или примерно 8 страниц). Таблица или рисунок формата А4 составляет 5 400 знаков с пробелами.
- Публикации принимаются на русском и английском языках.
- Рукопись должна быть подписана всеми авторами на последней странице.

2. Статьи, поступающие в редколлегию, **проверяются с использованием системы «Антиплагиат»**; авторам рекомендуется перед отправкой проверять свои статьи на степень оригинальности текста.

3. К статье прилагаются:

- рекомендация кафедры (научного семинара кафедры) отсканированная в цвете;
- письмо-согласие с заверенной подписью (подписями) автора (авторов) статьи, отсканированные в цвете.
- для аспирантов обязательным документом является отправка об обучении в аспирантуре.

4. Структура статьи:

- индекс УДК, который проставляется в левом верхнем углу первой страницы рукописи;
 - инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на русском языке (например, И. И. Иванов, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия));
 - название статьи, аннотация на русском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Аннотация» не используется), ключевые слова к публикации на русском языке (от 5 до 10 слов);
 - инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на английском языке (например, I. I. Ivanov, Altai State University (Barnaul, Russia));
 - название статьи, аннотация на английском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Abstract» не используется), ключевые слова к публикации на английском языке (Keywords, от 5 до 10 слов);
 - собственно текст статьи;
 - библиографический список;
 - таблицы с заголовками;
 - рисунки с подписями;
 - сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, должность, место работы, телефон для связи), адрес с указанием почтового индекса, электронный адрес (e-mail) и ORCIDID (при наличии).
-

5. Для основных текстов на английском языке сначала указываются инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова к публикации на английском языке, затем все то же самое на русском языке.

6. По содержанию в тексте должны присутствовать:

- вводная часть (введение), содержащая обзор современных публикаций по данной тематике, в том числе зарубежных авторов, и четко формулирующая актуальность и цель работы;
- описание методов и методик проводимого исследования;
- полученные результаты и их обсуждение;
- заключительная часть (заключение) с выводами по работе.

7. Требования к тексту, представленному в WORD:

- формат А4 (21х30 см);
- используемые версии текстового редактора — MSWord 2003 и выше (таблицы и рисунки — MSWord, MSExcel, CorelDraw 12, 13);
- интервал между строками — 1,5;
- шрифт — гарнитура Times New Roman;
- размер шрифта — 14 кегль;
- все поля по 2 см;
- текст неформатированный;
- текст должен быть разбит на абзацы, абзацный отступ 1,25 см;
- без переносов;
- возможно выделение текста шрифтами (жирный, курсив);
- возможно употребление спецсимволов (% и др.).

8. Библиографический список кириллицей оформляется следующим образом (ГОСТ Р 7.0.5–2008):

а) статьи в периодических изданиях:

Ермолина Л. Т. Откуда у парня афганская грусть? // Алтайская правда. 2001. №2. С. 2–5.

б) монографии, учебники и учебные пособия:

Антонян Ю. М. Преступность в федеральных округах России: монография. М., 2012. С. 117;

в) сборники статей и труды конференций:

Кубишин Е. С. Гендерные проблемы занятости и рынка труда Москвы // Гуманитарные, экономические и правовые проблемы современного общества: сб. науч. трудов / под общ. ред. В. Хозова. М., 2014. С. 72–87;

г) электронные источники:

Гужвенко Ю. Н. В Алтайском крае активно действует казахская диаспора. URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5196/> (дата обращения: 05.10.2018).

Гиперссылку необходимо всегда заканчивать знаком «/».

д) ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

е) если для цитируемого источника существует DOI (Digital Object Identifier), его следует указывать в конце источника после точки в следующем виде: DOI: префикс/суффикс (например: DOI: 10.14258/izvasu(2014)1.1–01).

Ссылки на цитируемую литературу даются в тексте цифрами в квадратных скобках, здесь же указываются цитируемые страницы: [1, с. 15; 2, с. 45]. Сам список литературы под заголовком «Библиографический список» приводится после основного текста в порядке цитирования (один пункт списка — одно наименование). Один и тот же источник в библиографическом списке указывается один раз, в тексте статьи при повторной ссылке указывается в квадратных скобках номер, который использовался первый раз.

Раздел «References» оформляется на английском языке, при оформлении учитывается порядок библиографического списка на русском языке.

9. Требования к рисункам (схемам, графикам, диаграммам) и таблицам:

- рисунки и фотографии должны быть представлены в виде отдельных файлов в форматах JPG, TIFF, BMP, XLS, PNG с разрешением не менее 300 dpi и иметь подписи;
- таблицы должны иметь заголовки;
- сокращения должны быть объяснены;

- сканированные изображения не принимаются;
- размер шрифта в рисунках и таблицах — не менее 10 кегля;
- не допускается использование заливки, цвет контуров — черный.

10. Библиографический список должен содержать, как правило, не менее 10 источников, содержащих ссылки как на отечественные, так и на зарубежные монографии и статьи в ведущих научных журналах.

11. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (в том числе изменять заголовки и сокращать тексты) без согласования с авторами и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки. При соответствующей доработке статья может быть опубликована. Отклоненные редколлегией журнала статьи авторам не возвращаются.

Контакты

Публикацию, оформленную по всем правилам, необходимо выслать на адрес редакционной коллегии: erpb@asu.ru

Адрес редколлегии:

656049, г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68, к. 113

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

2024. № 3

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер ПИ № ФС77–77154 от 10 декабря 2019

Литературный редактор *С. И. Тесленко*
Подготовка оригинал-макета *О. В. Майер*

Подписано в печать 09.09.2024.
Дата выхода в свет 16.09.2024.

Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 20,0. Тираж 500 экз. Заказ 484. Цена свободная.

Издатель: Алтайский государственный университет
Адрес издателя: 656049 Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

Типография Алтайского государственного университета
Адрес типографии: 656049 Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68, ауд. 113
